

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera)
Russian Academy of Sciences

in collaboration with
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences

KA Series
“Kunstkamera — Archives”

NENETS REINDEER HUSBANDRY

Geography, Ethnography, Linguistics

Edited by
Dmitry Arzyutov and Marina Lyublinskaya

Saint-Petersburg
2018

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

при участии
Института лингвистических исследований РАН

Серия КА
«Кунсткамера — Архив»

НЕНЕЦКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО

география, этнография, лингвистика

Под редакцией
Дмитрия Арзютова и Марины Люблинской

Санкт-Петербург
2018

УДК 39(=511.2)
ББК 63.521(=667)
Н51

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Работа выполнена при поддержке следующих проектов
Arctic Domus (The European Research Council, AdG295458)
“Etnos: A life history of the etnos concept among the Peoples of the North”
(The Economic and Social Research Council, ESRC ES/K006428/1)
«Greening the Poles: Science, the Environment, and the Creation
of the Modern Arctic and Antarctic» (The European Research Council)
РГНФ 14-04-00501 «Лингвокультурологический атлас терминов оленеводства народов
уральской языковой семьи (саамский, ненецкий, коми, хантыйский, мансийский)».

Научные редакторы

Дмитрий Арзютов и Марина Люблинская

Рецензенты

*Владимир Давыдов (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), Константин Клоков
(СПбГУ, Санкт-Петербург), Ирина Сорокина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)*

Сканирование и набор текстов

*Дмитрий Арзютов, Вера Галиндабаева, Анна Лазаретова,
Марина Люблинская, Ксения Радецкая*

Благодарим за помощь в работе с ненецкими терминами
Розу Канюкову, Хадри Окотэтто и Евгения Рассохина

Указатели

Дмитрий Арзютов

Н51 Ненецкое оленеводство: география, этнография, лингвистика /
Под ред. Д.В. Арзютова, М.Д. Люблинской. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
184 с. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VIII).

Neenets Reindeer Husbandry: Geography, Ethnography, Linguistics /
Ed. by Dmitry Arzyutov and Marina Lyublinskaya. Saint-Petersburg:
MAE RAN, 2018. 184 p. (Series “Kunstkamera-Archives”, Vol. VIII)

ISBN 978-5-88431-322-4

Настоящее издание представляет собой собрание статей этнографов, лингвистов
и географов (1920–1930-е годы). Каждая из статей представляет собой описание от-
дельных социальных, языковых или политических аспектов ненецкого оленеводства.

Книга рассчитана на этнографов, лингвистов, экологов и географов, а также всех
тех, кому интересна культура ненцев и шире — народов Севера.

This publication is a collection of articles by ethnographers, linguists and geographers
of the 1920s and 1930s. Each of the articles is a description of social, linguistic or political
aspects of the Nenets reindeer husbandry.

The book is designed for ethnographers, linguists, ecologists and geographers, as well
as all those who are interested in the culture of Nenets and wider the peoples of the North.

ISBN 978-5-88431-322-4

9 785884 131322 4

УДК 39(=511.2)
ББК 63.521(=667)

© МАЭ РАН, 2018

**ПРЕОДОЛЕНИЕ СЕБЯ
И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ****OVERCOMING YOURSELF
AND THE CIRCUMSTANCES**

Не так давно мне довелось познакомиться с Татьяной Сотниковой-Ратнер, членом Союза художников и Союза театральных деятелей России. Она — дочь Константина Ратнера, одного из участников студенческой экспедиции на Ямал 1928–1929 годов. Экспедиция закончилась трагической гибелью ее начальника Натальи Котовщиковой (1906–1929), которой было тогда всего 23 года. Татьяна Константиновна принесла мне замечательный текст, посвященный молодым людям, участникам экспедиции, организованной В.Г. Богоразом при финансовой поддержке Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК¹.

¹ Не так давно был опубликован сокращенный вариант этого текста. См. Сотникова-Ратнер Т.К. Трое на Ямале // Звезда. 2017. № 3 // <http://magazines.russ.ru/zvezda/2017/3/troe-na-yamale.html>. Последнее посещение 22.04.2016. См. также: Пика А.И. Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на п-ов Ямал (1928–1929 гг.) // Советская этнография. 1989. № 6. С. 100–108 // <http://journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1989/6.htm>. Последнее посещение 22.04.2016; Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–192 гг. / Вст. ст., сост. и подготовка текста А.И. Пики. Тюмень, 1992.

Not long ago I got acquainted with Tatiana Sotnikova-Ratner, a member of the Artists' Union and the Union of Theatre Workers of Russia. She is a daughter of Konstantin Ratner, one of the participants of the student expedition to Yamal in 1928–1929. That expedition ended with the tragic death of its head 23 years-old Natalia Kotovschikova (1906–1929). Tatiana Konstantinovna brought to me a remarkable text dedicated to those young people, participants of the expedition that was organised by Vladimir G. Bogoras with the financial support of the Committee for Assisting the Peoples of the Northern Peripheries at The Presidium of the Central Executive Committee of the Soviet Union¹. The extensive expedition program intended:

¹ An abridged variant of the text has been published of this text has been published recently. See: Sotnikova-Ratner T.K. Troe na Yamale // Zvezda. 2017. № 3 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2017/3/troe-na-yamale.html>). See also: Pika A.I. Novye materialy k istorii pervoi sovetskoi etnograficheskoi ekspeditsii na p-ov Yamal (1928–1929 gg.) // Sovetskaia etnografiia. 1989. № 6. S. 100–108; Evladov V.P. Po tundram Yamala k Belomu ostrovu. Ekspeditsiia na Krainii Sever poluoostrova Yamal v 1928–192 gg. / Vst. st., sost. i podgotovka teksta A.I. Piki. Tiumen', 1992.

Обширная программа экспедиции предусматривала:

1. Общее экономическое обследование зимующих кочевых самоедов.

2. Промыслы.

3. Оленеводство.

4. Этнографические изучения и антропологические измерения самоедов.

5. Археологическая разведка.

6. Зоологические и ботанические обследования района.

Каждый из шести пунктов состоял из 47 подпунктов, вмещавших, в свою очередь, еще множество подпунктов, вплоть до «смертности оленей по отдельным половым, возрастным и хозяйственным группам в процентном отношении к общему количеству»².

Читая текст, присланный мне Татьяной Константиновной, я еще раз погрузился в удивительную атмосферу тех лет, наполненную романтикой, творчеством, энтузиазмом, верой в себя и в свою страну. Молодые советские этнографы отправлялись в невероятные по дерзости экспедиции, часто оставались жить в среде изучаемых народов, работали учителями, создавали письменность для тех, кого изучали³.

² См. там же и СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 12–28.

³ См. также: Резван Е.А. Школа // Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 2011. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. 4). С. 5–8.

1. The general economic investigation of the wintering nomadic Samoyeds.

2. [The investigation of] economic activities (*promysly*).

3. [The investigation of] reindeer husbandry.

4. Ethnographic and anthropological measuring of Samoyeds.

5. Archaeological prospecting.

6. Zoological and botanic investigation of the region.

Each of six points consisted of forty seven sub-points that included in turn many other sub-sub-point down to the “reindeer mortality according to sex, age and economic groups in percentage [of the hosts] versus the total number [of reindeer]”². While reading the text that Tatiana Konstantinovna sent to me, I immersed myself in the wonderful atmosphere of those years, which was full of romanticism, creativity, enthusiasm and the belief in yourself and the country.

Young ethnographers went to the incredibly adventurous expeditions, often spent a long time among studied peoples and worked as local teachers, created literacy for those they studied³. The active development of the peripheries of the huge country was part of the nationality policy of the Communist party that was changing over time

² See: SPF ARAN 250/3/150: 12–28.

³ See also: Rezvan E.A. Shkola // Prokof'eva E.D. Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev. Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera). SPb.: Nauka, 2011. (Seriia «Kunstkamera — Arkhiv». T. 4). S. 5–8.

Активное освоение окраин гигантской страны проводилось в рамках национальной политики партии, которая претерпевала известные изменения («коренизация» — «великое отступление»)⁴, что самым непосредственным образом отражалось на судьбах ученых и их работ.

Читая книгу, предлагаемую вашему вниманию, нужно обязательно помнить как о непростом историческом фоне, на котором были созданы публикуемые здесь статьи, так и о постоянном преодолении себя и обстоятельств, без чего эти замечательные работы просто не могли быть написаны.

Я искренне рад интересу своих молодых коллег к удивительно ярким архивным материалам, связанным с судьбами «учителей их учителей», равно и продолжающемуся творческому взаимодействию сотрудников Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Института лингвистических исследований Российской академии наук и Абердинского университета (Великобритания). Предлагаемая вашему вниманию книга — важный для всех нас результат такого взаимодействия.

⁴ Подробнее см.: Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 151–207.

(“indigenization” (*korenizatsia*) — the great retreat (*velikoe otstuplenie*))⁴. That politics affected the lives of researchers and their works.

While reading this book you have to keep in mind both very difficult historical circumstances in which the articles of the book had been written and permanent overcoming researchers themselves and the circumstances they lived in. Without this context the articles simply could not be written.

I am pleased that my young colleagues are interested in miraculous archival materials that are connected to the faiths of the “teachers of their teachers”. I am also glad about the continuous collaboration of researchers from Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, and the University of Aberdeen (U.K.). This book is an important result of their collaboration.

⁴ For more details: Krasovitskaia T. U. Konflikt idealov i praktik rannei sovetsskoi gosudarstvennosti. Mekhanizmy i praktiki etnopoliticheskikh protsessov (1917–1929) // Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva. M.: Novyi khronograf, 2012. S. 151–207.

Дэвид Дж. Андерсон

David G. Anderson

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга появилась на свет благодаря дискуссиям, которые происходили внутри трех больших исследовательских проектов, посвященных истории и философии domestikации животных в Арктике, составлению атласа оленеводческой терминологии на основании данных уральской языковой семьи, а также обзору истории антропологической мысли в России. То, что на первый взгляд может показаться исключительно ориентированным на изучение хозяйства, все же объединило эти три проекта. История domestikации оленя когда-то играла большую роль в спорах о распространении и эволюции евразийских культур (как это имеет место и в сегодняшних дискуссиях). В этом отношении предлагаемая книга играет важную роль. Редакторы показали во введении сдвиг в анализе оленеводства от экологии к этногенезу через прочтение многих прежде не публиковавшихся текстов этнографов 1930-х годов. Настоящее издание представляет собой целостное повествование об экологии, языке оленеводства, материальной культуре и государственной политике, направленной на него.

Несмотря на то что все статьи настоящего сборника написаны знаменитыми исследователями Севера, биографии многих из них все еще

PREFACE

This book originated from a series of discussions and debates which occurred at the intersection of three large research projects: the first is dedicated to understand the history and philosophy of animal domestication in the Arctic; the second, an atlas of reindeer-herding terminology in the Uralic languages; and the third an overview of the history of anthropological thought in Russia. What may at first glance seem to be a strictly economic topic became the centre of focus of all three projects. The history of the origin of reindeer domestication once played a large role in arguments about the diffusion and evolution of Eurasian cultures (as it now has again today). To reflect this, this book plays an important role. In their introduction, the editors demonstrate a shift in the way reindeer herding was analysed from an emphasis on ecology to one of ethnogenesis in the often unpublished manuscripts of ethnographers in the 1930s. The volume, therefore, presents a holistic narrative about how language, ecology, language, and material culture are interconnected, and how government policy in turn reflects it.

Despite the fact that all the articles of this collection are written by famous Northern researchers, the biographies of many of them still remain little-known, if not completely unknown.

остаются малоизвестными, а то и вовсе неизвестными, как скажем, биография Алексея Григорьевича Подэкраты, чьи имя и отчество были известно далеко не всем. Редакторы подготовили небольшие биографические заметки, касающиеся каждого из авторов. Знание биографии ученого и его исследований открывает очень важную для антропологии дверь в то пространство, где история антропологии встречается с антропологией как таковой. Если для антропологий Южной Америки, Новой Гвинеи или Восточной Африки эта дверь давно открыта, то интеллектуальная история советской этнографии остается белым пятном как и для западного читателя, так и для российского. Через анализ замыслов, стенограмм дискуссий, а также порой и писем этнографов прошлого мы получаем ключи к их же текстам, позволяющие увидеть, как те или иные формализованные академические тексты были созданы. Все это в совокупности дает возможность заново открыть антропологию Севера, где можно будет услышать полифонию голосов из поля и из кабинета.

Я уверен, что эта книга встретит огромный интерес как со стороны, широкого круга читателей, интересующихся Арктикой, так и со стороны коренного населения, которому языковые материалы, фотографии, рисунки и описания, возможно, позволят вернуть забытые технические навыки прошлых поколений.

For example, not only the biography of Aleksei G. Podekrat remains obscure today, but the editors struggled to find someone who remembered his first name and patronymic. The volume, therefore, stands as a testament to the important work of earlier researchers through the short biographical notes of each author in the compendium. This curiosity about the life histories of Siberian researchers finally opens a door to the theoretical space where history meets anthropology. If that door had been opened long ago for the anthropology of South America, New Guinea, or East Africa, the intellectual history of Soviet ethnography is a dark space for many Russian and Western readers. Through the analysis of draft texts, stenogrammed debates, and sometimes correspondence, we are able to find keys that allow the somewhat formal published texts to come to life. All this in combination makes it possible to re-open the anthropology of the North where one can hear the polyphony of voices from the field and from the Academy.

I am sure this book will be of great interest to readers from across the circumpolar Arctic, as well as to indigenous people to whom the linguistic materials, photographs, drawings and descriptions, will support the revival of skills from the past.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Появление на свет настоящей книги произошло случайно. Мы как редакторы собирали материал по темам хоть и близким, но все же дисциплинарно различным: Дмитрий анализировал отношения человека и животных в ненецких тундрах, Марина работала над составлением лингвистического атласа ненецкой оленеводческой терминологии. Мы обсуждали найденные материалы и делились соображениями о том, как те или иные данные могут быть связаны между собой. Однажды, обсуждая неопубликованные материалы А.П. Пырерка и Г.Д. Вербова, мы подумали, а почему бы не объединить их вместе, добавив некоторые статьи их коллег.

Так, собрав воедино неопубликованные статьи четырех этнографов, лингвистов и географов (при еще довольно условном разделении этих дисциплин в 1930-е годы), которые работали среди различных групп ненцев, мы обнаружили, как эти статьи связаны между собой не только хронологически, но и концептуально. В них описывалось оленеводство в контексте языка, географии, социальных отношений и материальной культуры. Статьи эти интересны тем, что читатель не найдет упоминаний в них происхождения народов / этногенеза, дискуссии о которых начнут разворачиваться преимущественно в конце 1930-х годов, а окончательно оформят письменные практики исследователей уже в 1950-е. Перед нами скорее первые попытки академически описать оленеводство на языке географии, этнографии и лингвистики.

В отсутствии жанра описания материальной культуры как маркера этнической истории перед нами скорее экологический стиль описания оленеводства, что особенно хорошо видно в статьях Вербова и Пырерка. Оба автора, описывая материальную культуру, стараются показать взаимосвязь материальных объектов, языка, географических условий местности и шире — болезни животных, их реакцию на москитов и т.п. Во многом такое видение оленеводства было связано с практическим характером его исследования, как это показала недавно в своем исследовании на примере землеустроительных экспедиций Е.А. Волжанина [Волжанина и Головнёв 2014].

Помимо некоторого теоретического контекста, настоящее издание — это еще и введение в научный оборот неопубликованных текстов тех авторов, которые были между собой знакомы и даже встречались в экспедициях (как, например, Вербов и Прокофьева).

Алексей Григорьевич Подэкрат

Нашу книгу открывает статья «Оленеводство острова Колгуев». Информации о ее авторе А.Г. Подэкрате (1911 — ?), увы, у нас слишком мало (на основании [ЦГА СПб. Ф. 9471 .Оп. 1. Ед.хр. 6. Л. 24])¹.

Алексей Григорьевич окончил ЛИЛИ в 1932 г., а в 1933 г. являлся аспирантом первого года в ИНС. Скорее всего, его научным руководителем был известный охотовед и доцент ИНСа Григорий Евгеньевич Рахманин (1897–1984), т.к. именно он написал отзыв на его статью по оленеводству острова Колгуев. До 1933 г. в документах ИНС в графе «последнее место работы» указано, что он был заведующий красным чумом Северного Края ОНО.

В официальных документах указано, что его специализацией являлась лингвистика, однако как опубликованные, так и архивные материалы Подэкраты заставляют усомниться в этом. В них почти не содержится никаких данных по языку ненцев, более того, как точно указала нам Е.В. Лярская, темой его исследования была «Организация охотничьего хозяйства в Ненецком округе». И с этой целью в 193 г. он совершил полугодовую зимнюю поездку [Хроника 1936: 157]. Он собирался кочевать от Хоседа-Харда до Усть-Цильмы. Уже после возвращения из этой поездки он пишет публикуемую в настоящей книге статью, а также совместно с Н.М. Ковязиным и В.М. Крыловым книгу «Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера».

Григорий Давыдович Вербов

Для российской этнографии самодийских народов имя Григория Давыдовича Вербова (1909–1942) известно и неизвестно (о нем см.: [Омельчук 1982; Хомич 2004 а; Буркова 2010]). Известно прежде всего за счет небольшого числа работ, которые вошли в золотой фонд исследований самодийских языков и культур, а неизвестно, т.к. большая часть его архива так и остается неопубликованной. В настоящее время Д.В. Арзютов обрабатывает некоторые документы из его архива, чтобы в дальнейшем представить их к публикации.

Свое отрочество Григорий Давыдович провел вместе с отцом на Новой Земле, где у Григория Давыдовича Давыд Федорович Вербов руководил радиостанцией. Вероятно, в эти годы у Григорий Давыдовичу просыпается интерес к этнографии и языку ненцев. В собрании МАЭ РАН сохранились фотографии того самого первого года (1924), проведенного у ненцев

¹ Мы благодарны Е.В. Лярской за любезно предоставленные сведения, почерпнутые ею в ЦГА СПб.

Рис. 1. Григорий Давыдович Вербов, п-ов Ямал.
МАЭ И-1162-2

[МАЭ И-1213]. После этого Григорий Давыдович задумывает «трансненецкий маршрут» (термин из его полевых дневников), который он реализует с 1924 по 1934 гг. За это время он совершает немислимое: объезжает все группы ненцев, проводя в разных местах довольно долгое время, изучая язык, ведя полевой дневник, делая записи по этнографии, обильно зарисовывая.

Фотографий Григорий Давыдович сделал не очень много. Их основной массив составляют снимки, сделанные другими лицами и передавшими их через Вербова в МАЭ (фотоколлекции МАЭ № И-935, И-936, И-1937, И-938, И-943, И-1160, И-1161, И-1162, И-1212, И-1213, И-1215).

Помимо фотографий, Г.Д. Вербов активно собирает для МАЭ довольно большую коллекцию предметов материальной культуры, преимущественно самодийских народов Таймыра (коллекции МАЭ № 4580, 4581, 4584, 4585, 4586, 4587, 4588, 4589, 4590, 4591, 4592, 4593, 4695). Он профессионально ведет всю музейную документацию и составляет образцовые по детализации описи предметов культуры.

Помимо полевых дневников, фольклорных и этнографических записей, в архиве Григория Давыдовича Вербова остались две его больших статьи, точнее два черновика для будущих статей: 1) об охоте ненцев [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131] и 2) оленеводство ненцев (публикуется в настоящем томе).

Обе рукописи очень точно отражают стилистику этнографического письма Вербова и его научный метод. В центре внимания Вербова находились практики и терминология ненцев. Он детально и сравнительно широко описывает различные моменты оленеводческой жизни и охоты, при этом всегда уточняя, как то или иное действие или явление называется на ненецком языке. Сравнивая его материалы с данными Г.Н. Прокофьева, А.А. Попова и других этнографов-сибиреведов его поколения, можно заметить, что все они стремились именно к такому ведению своих полевых записей. С одной стороны, все они составляли грамматики и словари языков изучаемых ими народов. С другой — впитали идеи прекрасно выстроенного курса полевой этнографии, который читал В.Г. Богораз, обращали основное внимание именно на *метод* проведения полевых исследований, отчетливо понимая, что именно он и определяет успешность и качество его идеи полевого стационара.

Гибель Вербова во время Второй мировой войны в возрасте 33 лет прервала все его научные планы, которыми он делился вплоть до последних дней своей жизни со своими студентами, прежде всего, с Людмилой Васильевной Хомич, которая много лет спустя опубликовала эти письма.

Публикуемая статья по оленеводству представляет собой синтез его многочисленных полевых записей, довольно беглого обзора литературы и глубокого знания ненецкого языка. Именно эта статья прекрасно отражает идею описания оленеводства через окружающую среду, язык, хозяйственные практики, социальные отношения и подчас крайне современные наблюдения над мобильностью оленеводов. Предлагаемая статья Вербова снабжена его рисунками и фотографиями из собрания МАЭ РАН, сделанными другими авторами.

Антон Петрович Пырерка¹

Имя Антона (Сярати) Петровича Пырерки (Пыря) (1905–1941) известно прежде всего как одного из создателей ненецкой письменности. Архив известного лингвиста и фольклориста долгое время считался пропавшим (см. его биографию: [Бармич 1; Талева 2001]). В Санкт-Петербурге, где проходило его обучение в аспирантуре в Институте народов Севера под руководством Г.Н. Прокофьева, сохранилось по разным архивам только несколько документов.

В архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранятся его отчет «О поездке в Ямало-Ненецкий округ», датированный 1934 г. [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1629], отзыв (вместе

¹ Об архивных материалах А.П. Пырерки, касающихся терминологии оленеводства, Д.В. Арзютов опубликовал небольшой обзор, который вошел в текст настоящего введения [Арзютов 2014].

Рис. 2. Портрет Антона Петровича Пырерка из фондов Ненецкого краеведческого музея. Художник: Илья Лыков. Фотография: М.Д. Люблинская

с Г.Д. Вербовым и З.Н. Куприяновой) на букварь Г.Н. Прокофьева «Новое слово» (1932) [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142], а также его замечания к «Проекту алфавитов на русской основе народов Крайнего Севера» (1937) [АМАЭ РАН. Ф.К-II. Оп. 1. Д. 223].

В Архиве Института лингвистических исследований РАН в фонде Н.М. Терещенко сохранились его личные документы [Архив ИЛИ РАН. Фонд Н.М. Терещенко. Оп. 1. Д. 87], фольклорные записи, сделанные на Ямале в 1934 г. [Архив ИЛИ РАН. Фонд Н.М. Терещенко. Оп. 1. Д. 101] общим объемом 698 л., а также рукописи Н.М. Терещенко, сделанные на основании материалов ее мужа [Архив ИЛИ РАН. Фонд Н.М. Терещенко. Оп. 1. Ед.хр. 3 а («Книга для чтения» для 2 класса, 1960 г.)], в частности, сказка «Двое из рода Ябто» [Архив ИЛИ РАН. Фонд Н.М. Терещенко. Оп. 1. Д. 104], опубликованная в 1977 г. Вместе с этим в архиве ИЛИ РАН имеются и воспоминания об А.П. Пырерка [Архив ИЛИ РАН. Фонд Н.М. Терещенко. Оп. 1. Д. 103, 105].

Однако наряду с этими архивными делами исследователями не замечался корпус документов, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН¹. Это — неопубликованные «Материалы по ненецкой олене-

¹ Эти документы были сданы А.П. Пырерка в архив перед уходом на фронт, затерялись и были вновь обнаружены только в начале 2000 сотрудником СПФ АРАН Антониной Николаевной Анфертьевой.

водческой терминологии» (1938 г.), а также «Экспедиционные материалы» (1941 г.), представленные 14 тетрадами [СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 94] и один из вариантов Русско-ненецкого словаря с краткими сведениями из грамматики ненецкого языка (1940 г.) объемом 628 л. [СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 96].

Здесь мы остановимся на «Материалах по ненецкой оленеводческой терминологии». Эта работа сохранилась в двух идентичных вариантах [СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 28, 95] и представляет собой 50-страничный машинописный словарь с рукописной передачей ненецких слов. Работа снабжена предисловием самого А.П. Пырерки, а также к «Материалам...» приложена рецензия (10 л.) научного руководителя А.П. Пырерки Г.Н. Прокофьева. Рецензия датирована 6 апреля 1938 г.

Предисловие А.П. Пырерки содержит не столько объяснение к устройству его словаря, сколько общие наблюдения над оленеводством ненцев Большеземельской тундры. Автор указывает, что словарь был составлен им преимущественно по памяти [СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 28. Л. 13]. Саму оленеводческую терминологию он рассматривает как исторический источник, говоря классическую в то время фразу, что «приручение оленя уходит в глубокую древность» (Л. 1¹). В этой фразе содержится важный аспект, насколько А.П. Пырерка стремился соединить в своих «Материалах...» язык этнографического письма и этнографическую действительность, т.е. свой собственный опыт. С одной стороны, он говорит о доместикации оленя как историческом факте, свершившемся «в глубокой древности», а с другой, значительная часть словаря отражает «динамичную» лексику, отражающую приручение или частичное приручение оленей.

Беря за основу словаря большеземельский говор ненецкого языка, А.П. Пырерка пишет, что его выбор связан с двумя обстоятельствами: 1) данный говор взят за основу при создании ненецкого литературного языка, 2) этот говор является родным для автора (Л. 13).

В предисловии даются сведения о нартах (Л. 5–6), упряже («сбруе») (Л. 7), гончих собаках (Л. 8), тамгах (Л. 10), ненецком ономастиконе (Л. 11). А.П. Пырерка пишет, что терминология, как оленеводческая, так и связанная с нартами, чрезвычайно разработана, между тем у каждого хозяина могут быть свои особенные термины, которые могут не совпадать с общим словарем (Л. 6). Автор также отмечает, что русский язык зачастую не позволяет перевести адекватно значительное число терминов (Л. 6). Так, трудно найти подходящие термины для описания мастей оленя, положения тела оленя и т.п. В этом, с его точки зрения, заключается едва ли не главная трудность построения такого словаря.

¹ Здесь и далее указаны в сносках только номера листов из дела [СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 28.].

Обращает автор внимание и на соотношение оленеводческой терминологии и «социальной терминологии». «Например, *подерпада* — запрямый — термин, широко распространенный в прошлом среди бедняцкого населения тундры. Заключается этот вид эксплуатации в том, что малооленные получали от кулаков-многооленных нескольких оленей для дрессировки до года, причем отдельно указывалось, сколько нужно выдрессировать передовых и сколько *пелеев*. Кроме выдрессированных оленей, кулак брал еще и часть промысла малооленного в награду за то, что давал оленей «на поддержание». За каждого утраченного оленя кулак брал на выбор лучшего оленя из стала малооленного» (Л. 11).

Рецензия на статью Пырерка, написанная Г.Н. Прокофьевым (Л. 51–60) касалась в основном неточностей перевода тех или иных терминов и не всегда точного формулирования фраз на русском языке, а также перенесения данных с Большеземельского говора ненецкого языка на весь язык в целом. Сам же А.П. Пырерка во введении с сожалением отмечал, что его словарь не содержит языковых данных по «социалистическому оленеводству».

Сама структура словаря говорит о том, что ее автор воспринимал оленеводческую терминологию гораздо шире, включая сюда и терминологию, касающуюся почвы, паразитов, пастуха и его личных вещей и т.д. Говоря языком лингвистической антропологии, он погружал всю терминологию в контекст, не вырывая термины из их «языковой экологии», как сегодня говорят об этом антропологи (см.: [Siragusa 2012]). Кроме того, что дошедший до нас словарь содержит огромное число слов, которые представляют большой интерес для лингвистов и этнографов, он еще и открывает для нас систему мышления его собирателя — ненца из большеземельской тундры А.П. Пырерки.

Как мы уже отметили, что в этой работе с очевидностью существует мост между академическим дискурсом и локальным знанием носителя языка и культуры, где задаваемые схемы оформлялись в собственную модель описания, в которой множественные детали окружающей среды имели не меньшее значение, чем собственно олень. Такой экологический подход к описанию оленеводческой терминологии кажется не только современным, но весьма продуктивным при анализе истории и культуры оленеводства.

В настоящем томе мы публикуем незаконченную работу, скорее заготовку, А.И. Пырерки «Материалы по ненецкой оленеводческой терминологии» и рецензию Г.Н. Прокофьева на эту работу в форме, приближенной к исходному внешнему виду, в большинстве случаев сохраняя форму скобок и кавычек, сокращения, знаки препинания, где это не нарушает логики изложения материала. Также современная дополнительная ненецкая литера *н* передана диграфом *нг*, по правилам орфографии времени написания работы. В нашей публикации для удобства читателя названия

и другие слова на ненецком языке выделены курсивом. Аффиксальные показатели соответственно современным правилам начинаются дефисом (напр. *-на*).

В рукописи использованы названия показателей принятые в 1930-е годы, им сопоставлены современные термины:

- суфф. заставительности — каузатив;
- суфф. незавершительности действия — имперфектив;
- суфф. имени уменьшительный — диминутив;
- суфф. ласкательно-сожалительный — диминутив²;
- суфф. причастия совершающегося действия — имперфективный партисип;
- суфф. причастия совершенного действия — перфективный партисип;
- суфф. имени орудия действия;
- суфф. ограниченности;
- суфф. необладания — абессив.

Написание слов немного отличается от современного, поскольку правила ненецкой орфографии в тот момент только вырабатывались. В приведенном списке слов большинство глаголов передается безличной основой, это та морфонологическая группа основ, к которым присоединяется показатель «герундия-инфинитива» *-s'*, которые оканчиваются ртовой фонемой. Глаголы, в ауслaute основы которых стоит глухой или назализованный гортанный смычный, приведены с алломорфами этого показателя *-c'* и *-z'*.

Также отличается от современного написание производных именных отглагольных форм со значением 'средство, способ действия' с суффиксами *-сь'/-зь'/-бць'*, у которых не всегда отмечен ауслautный назализованный гортанный смычный, отчего в рукописи они совпадают с формами герундия-инфинитива (например, *нубць* — 'место стоянки стада во время жары', но «*нгамдёрць*» — 'место для сидения на нарте', *-ць'* суфф. имени орудия действ.» (с. 40). Пропущенные в рукописи слова указываются в угловых скобках (<...>).

Георгий Николаевич Прокофьев в своей рецензии указал на ошибки описания и представления оленней лексики, хотя «должное оформление этого материала является делом далеко не второстепенным» (с. 1). Антон Петрович не успел исправить рукопись, жизненная ситуация не благоприятствовала этому: в 1938 г. на него пала тень совместной работы с Я.П. Алькором-Кошкиным, потом началась война, и он ушел на фронт. Поэтому в рукописи используются профессионально-жаргонные слова, недостаточно отчетливо сформулированы определения, не всегда согласуются члены предложения — явные опечатки были поправлены. В ряде случаев мы даем пояснения, опираясь на ненецко-русский словарь Н.М. Терещенко [1965], на работу М.Я. Бармич, специально посвященную лексике традиционного,

в том числе оленеводческого, хозяйствования западных, канинских ненцев, проживающих в соседней тундре [Бармич 2014]. Но некоторых основ в этих словарях нет, не сразу и не всегда понятно, что хотел сказать автор, например, *тадра* — ‘быть самке в периоде течки’ или *сапярте* — ‘упереться, натянуть туго арканом’. Только второе значение последнего глагола соответствует словарному *сáпáрта(сь)* — ‘туго завязать, крепко затянуть (*узел*)’ [Терещенко 1965: 455].

По содержанию работа А.П. Пырерки является отражением мировоззрения, где олень занимает центральное место, вокруг которого все организовано (ср. название дикого оленя *илебцъ* — букв. ‘средство жизни’). Словарь составляют тематические разделы:

1. Названия оленей.
2. Названия оленей по полу.
3. Названия по возрасту.
4. Названия оленей по виду рогов.
5. Названия оленей по телосложению.
6. Названия частей тела.
7. Названия оленей по мастям.
8. Названия по кастрации.
9. Названия по стельности.
10. Названия свойств и качеств.
11. Названия ездовых оленей.
12. Названия болезней оленя.
13. Названия, некоторые клички и окрики гончих собак.
14. Названия нарт и частей их.
15. Названия меток собственности.
16. Некоторые термины из области социальных отношений.

Словарь «Оленеводческой лексики» оказывается описанием большинства областей жизни ненца — природы, собственности и человеческих отношений, способов ведения хозяйства.

Екатерина Дмитриевна Прокофьева

Личность Екатерины Дмитриевны Прокофьевой (Боровковой) (1902–1978) [Хомич 2004 b], по справедливому замечанию Н.И. Гаген-Торн [1992; 2013] так и продолжает оставаться в тени ее мужа — Георгия Николаевича Прокофьева. Только совсем недавно В.А. Кисель приступил к полноценной обработке ее архива и публикации наследия исследователя [2011]. Судьба Екатерины Дмитриевны как исследователя оказалась очень тесно переплетена с тремя народами Сибири: селькупам, ненцами и тувинцами. Вместе со своим мужем Георгием Николаевичем Прокофьевым Екатерина

Рис. 3. Е.Д. Прокофьева. 1948 г. МАЭ И-1370-90

Дмитриевна приняла участие в первых своих этнографических поездках. Золотыми буквами вписана в историю этнографического сибиреведения полевая работа Прокофьевых в Яновом стане среди селькупов [Гаген-Торн 1992]. После этого последовала долгосрочная командировка в ненцам в Хоседа-Хард (1929–1939) (об истории этой экспедиции см.: [Арзютов 2016]). Можно предположить, что именно в этой экспедиции Е.Д. Прокофьева начинает собирать материал по ненецкому оленеводству, который лег в основу заключительной статьи в настоящей книге. Согласно сведениям Григория Давыдовича Вербова, также бывшего в это время в Большеземельской тундре, Екатерина Дмитриевна была занята работой по ненецкому языку.

Уже после войны Екатерина Дмитриевна вернется к работе по самодейским культурам и продолжит полевые исследования, в которых появится и еще один интерес — Южная Сибирь и тувинцы. Однако из-за разногласий с куратором южно-сибирских исследований Леонидом Павловичем Потаповым она, увы, вынуждена будет свернуть свои исследования, оставив на долгие годы в архиве том «Процесс национальной консолидации тувинцев», который буквально несколько лет назад увидел свет.

Судьба иных работ Екатерины Дмитриевны была не более завидной. Остались неизданными ее монография по селькупам, том «Селькупский фольклор», огромный селькупско-русский / русско-селькупский словарь [АМАЭ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 118, 119, 120]. Но несмотря на это ее имя как исследователя самодийских культур и языков известно во всем мире. Ею была составлена целая линейка учебников на селькупском языке. Помимо этого, обобщающие статьи Екатерины Дмитриевны стали образцами для сравнительного историко-этнографического анализа материальной культуры в сибирских исследованиях. Мы, прежде всего, имеем в виду ее статьи о шаманских бубнах [1961] и шаманских костюмах [1971].

Относительно оленеводства Екатерина Дмитриевна опубликовала только одну статью «Оленеводство тазовских селькупов» [1976], которая, вероятно, по представлению автора, должна была быть связана с публикуемой ниже статьей.

Людмила Васильевна Хомич

Людмила Васильевна Хомич (1921–2008) — один из крупнейших исследователей ненецкой культуры и языка XX в. Студентка Г.Н. Прокофьева и Г.Д. Вербова, она продолжила исследования, начатые ее учителями в 1920-е годы.

Рис. 4. Людмила Васильевна Хомич на пристани в г. Лабитнанги (1962 г.)
МАЭ И-1922-16-1

О.Б. Степанова в биографическом очерке о Л.В. Хомич пишет: «На лето 1942 г. Г.Д. Вербов планировал поездку со студентами в ненецкую тундру для обучения их работе в полевых условиях. Но в июне 1941 г. началась война, а с осени Ленинград оказался во вражеской блокаде. Г.Д. Вербов ушел добровольцем на фронт. «Мы какое-то время продолжали занятия с Г.Н. Прокофьевым, — на фронт его не взяли бы из-за астмы, а в эвакуацию с семьей он не поехал». <...> В январе 1942 г. от голода скончался Г.Н. Прокофьев. В марте 1942 г. университет был эвакуирован в Саратов. Из-за болезни матери Людмила Васильевна (сама страдавшая цингой и дистрофией) уехать не смогла. Она поступила работать в тот же детский дом на Театральной площади (5-й детский дом Октябрьского района), где работала ее мать. С работой в блокадном детском доме связаны ее очередные тяжелые испытания и воспоминания. В июне 1942 детский дом, а вместе с ним Людмила Васильевна с матерью были эвакуированы в Куйбышевскую область. В эвакуации они прожили до лета 1944 г.: после Куйбышевской области был Самарканд, где проходил службу отец Людмилы Васильевны. <...> В 1944 г. университет вернулся в Ленинград и возобновились занятия. Стали очевидны невосполнимые потери среди преподавателей (в числе погибших на фронте был Г.Д. Вербов) и студентов (многие из которых погибли на фронте, умерли в блокаде, кто-то поменял специальность). Из студентов, занимавшихся этнографией самодейских народов, к занятиям приступила одна Л.В. Хомич, возвратившаяся к этому времени из эвакуации в родной город» [Степанова 2006: 6–7].

Начиная с 1949 г. Л.В. Хомич начала проводить полевые исследования, объехав все группы ненцев, как Г.Д. Вербов, совершивший «трансненецкий маршрут». Предлагаемая ниже статья — это итог преимущественно работы в архиве, и в особенности с материалами Г.Д. Вербова, которые к этому времени еще не были разобраны, а также первых экспедиций к ненцам Малоземельской и Большеземельской тундры и поездки на Ямал.

Статья Л.В. Хомич показывает интересный сдвиг в изучении оленеводства, где преобладающим направлением становится материальная культура и реконструкция этногенеза. Этот сдвиг, как уже отмечалось, связан с исследовательской программой, возникшей благодаря написанию книги «Народы Сибири», работа над которой продолжалась и в годы войны. В Ташкенте группой эвакуированных этнографов, археологов и историков оформляется этногенетическое направление как междисциплинарная комплексная программа [Anderson, Arzyutov 2016]. Этот «этногенетический поворот» изменил исследования оленеводства и оленеводческой культуры. В связи с ненцами и ненецким оленеводством по-прежнему существовало два направления: наследие идей Шренка и Богораза о «палеоазиатском» субстрате в истории ненцев и идея Кастрена об их Саяно-Алтайском про-

исхождении [Fitzhugh 1997; Головнёв 2002]. Эти два взгляда по-своему «пересобирали» этнографические данные.

Как известно, В.Н. Чернецов, а также Г.Д. Вербов (насколько мы знаем из его полевых дневников) были в плену идеи «палеоазиатов», что по своему перекраивало материал и давало ответ на задаваемый вопрос. Для Прокофьева, как и для большинства послевоенных этнографов, на первом месте была теория Кастрена. Однако, опираясь на материалы по оленеводству, она сталкивается с разницей во внешнем виде оленей, что объясняется как «измельчание породы». Так, только в качестве комментария Л.В. Хомич пишет о приручении как скорее как об историческом свершившемся факте: «Вероятность приручения уже на Севере мелкой породы дикого оленя исключена, так как неудача многочисленных подобных попыток подтверждает невозможность такого приручения».

Можно только напомнить, что в 1950–1960-е годы был едва ли не пик исследований о происхождении оленеводства и собаководства. В эти исследования были вовлечены преимущественно этнографы и археологи, которые были заняты поисков «очагов» доместикации. С одной стороны, эта работа была продолжением дискуссий 1930-х годов, инициированных Н.И. Вавиловым, о доместикации растений и животных. В них как участники входили и некоторые этнографы, например В.Г. Богораз, который, как известно, одним из первых создавал глобальную карту миграций людей и животных, выстраивая первые советские этногенетические модели [Bogoraz 1926; Богораз 1927]. С другой стороны, интерес в этой теме, конечно же, намного древнее и может рассматриваться как эхо идей Фишера, Кастрена и др., которые во многом продолжали теологические модели истории народов, пытаясь связать их с библейским нарративом.

При сравнении работы Л.В. Хомич со статьей Г.Д. Вербова, которую Л.В. Хомич, без сомнения, знала, бросается в глаза появление именно исторического контекста. Несмотря на то что Вербов был, как многие другие студенты-этнографы ЛГУ, под впечатлением от завораживающего воображения Богораз и даже писал в дневнике, что в один из дней им были обнаружены новые свидетельства, подтверждающие данные Богораз о «палеоазиатах», в своей статье он сфокусировался скорее на описаниях повседневных практик ненцев-олeneводоов. Такое же различие можно увидеть при сопоставлении статей Хомич и Пырерка. В отношении статьи Л.В. Хомич важно отметить, что она по большей части оперирует музейным материалом, что на многие годы определило характер изучения оленеводческих культур.

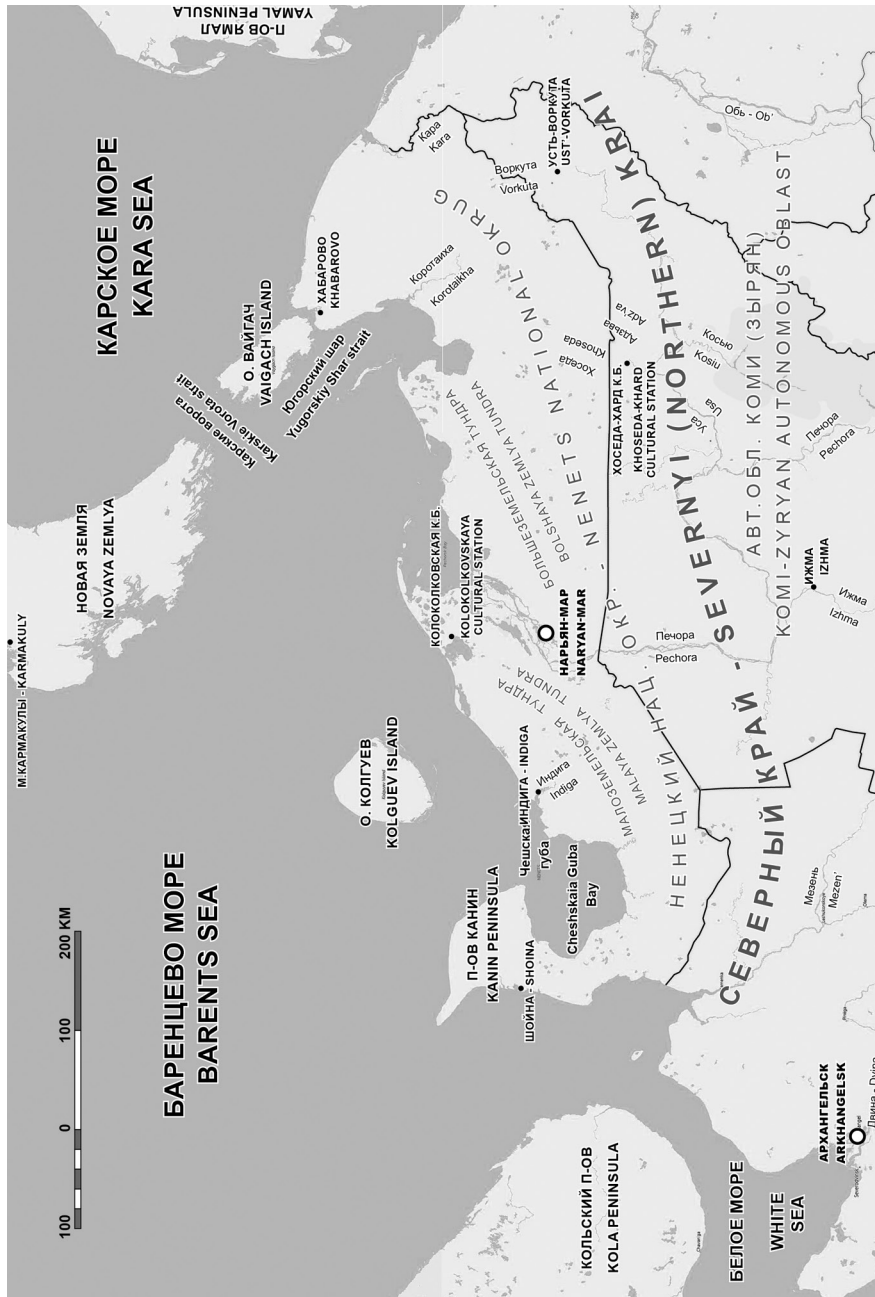
Исследования ненецкого оленеводства продолжаются и сегодня и дают все новые и новые результаты, которые позволяют лучше понять как историю ненцев, так и социальные и культурные практики, связанные с оленем. Мы надеемся, что настоящее издание окажется полезным для осмысления феномена ненецкого оленеводства.

Структура издания

Настоящее издание — это публикация статей, которые были подготовлены самими авторами к печати, за исключением статьи Г.Д. Вербова, которая частично написана от руки. Эти статьи находились на финальной стадии подготовки. Мы решили их разместить в хронологическом порядке, который случайным образом предстал и в тематической последовательности. Работа А.Г. Подэкраты касается ненцев острова Колгуев, А.П. Пырерка пишет о большеземельских ненцах, Г.Д. Вербов подводит итог довоенному изучению ненецкого оленеводства и обобщает свой опыт полевого исследования всех групп ненцев, статья же Е.Д. Прокофьевой выявляет скорее советский дискурс об успехах государственной политики и представляет ненецкое оленеводство как некую целостность, явно существующую уже как академический конструкт. Завершающая статья Л.В. Хомич показывает сдвиг в изучении материальной культуры ненцев-оленьеводов в сторону этногенеза.

Благодарности

В завершении нашего введения мы хотим выразить слова благодарности всем, кто помогал нам в подготовке настоящего издания, высказывал свои замечания и давал рекомендации, а особенно *Розе Канюковой* (Нарьян-Мар), *Хадри Окотэтто* (Москва), *Евгению Рассохину* (п. Красное Ненецкого автономного округа), а также *Дэвиду Андерсону*, *Лауре Сирагузе* (Абердин, Великобритания) и *Елене Волжаниной* (Тюмень). Отдельная благодарность *Елене Лярской* (Санкт-Петербург) за помощь в поисках сведений об А.Г. Подэкрате и *Вере Галиндабаевой*, *Анне Лазаретовой* и *Ксении Радецкой* (Санкт-Петербург) за обработку архивных материалов из собрания МАЭ РАН и СПФ АРАН.

Карта 1. Карта Северного Края (1930 г.). © Алессандро Паскуини

ОЛЕНЕВОДСТВО ОСТРОВА КОЛГУЕВ¹ (1936)

І. Географический очерк

Остров Колгуев, называвшийся в прошлом Мезенскими промышленникам, «Холгол», по-ненецки² «*Holgow*», расположен в Баренцевом море, между 68°44' и 68°32' северной широты и 48°26' и 50°8' восточной долготы (от Гринвича)³.

Остров представляет собою микроорганизм обширной территории Советского Союза; его протяженность по направлению с Севера на Юг равна приблизительно 80 км, а с запада на восток — в наиболее широкой части — 6 км. Площадь острова, по не совсем точным данным, около 3250 кв. км⁴. От материка остров отстоит на 90–100 км.

Геологическое строение острова таково: образованный четвертичными отложениями, он сложен в нижней части своей мореной, тянущейся на протяжении всей территории острова. Морена представлена темносерой глиной, весьма вязкой, легкой и быстро отвердевающей на поверхности. Среди глины попадает очень много мелких валунов.

Наиболее резко морена выражена на северном берегу, где она обнажается в нижних слоях крутых обрывистых берегов. На южной части острова она скрыта на глубине 90 см от уровня подошвы берегового обрыва.

На всем протяжении острова морена покрыта отложениями бореальной трансгрессии, выраженными бурыми глинистыми песками. На восточном берегу имеются новейшие образования, представленные намыв-

¹ Архив МАЭ РАН. Ф.К-II. Оп. 1. Д. 207.

² В 1920–1930-е годы чаще всего использовалось написание «ненэцкий», в отличие от современного «ненецкий». В настоящем издании дано современное написание. — *Прим. ред.*

³ Географическое положение острова Колгуева дано по материалам [Перфильев 1928 а].

⁴ По данным геологоразведочного отряда, заснявшего остров на карту летом 1932 г.

ными песчаными мелями, как уже поднявшимися выше уровня моря, так и находящимися еще под водой.

Береговая линия Колгуева весьма мало извилиста, и поэтому этот остров лишен удобных бухт для стоянки пароходов. Исключением является только губа Раменка (около становища Бугрина), расположенная на Юго-востоке Колгуева и окруженная уходящими далеко в море песчаными мелями. Это — самая удобная стоянка для пароходов, хотя и здесь судам типа «Русанов», «Сибиряков» и т.п. приходится отдавать якорь не ближе 3–5 км от берега.

По форме поверхности Колгуев распадается на две резко выраженные части.

Средняя и северо-восточная части острова представляют собой возвышенность, усеянную довольно высокими холмами (100–125 м высотой), по своей форме напоминающими «бараньи лбы». Холмы сплошь состоят из моренной глины, местами покрыты голыми песками с большим количеством валунов и мелкого щебня.

Растительный покров этих частей острова отличается значительным разнообразием, так как здесь, кроме большого количества мхов и лишайников, имеется также значительное количество различных видов луговых трав.

Остальная часть поверхности острова¹ представляет собой низменную, почти всюду заболоченную тундру. Благодаря мягкости пород, образующих Колгуев, очень сильно выражены процессы размывания, и вся поверхность острова изрезана глубокими балками, оврагами, хорошо выработанными долинами рек, покрыта густой сетью озер, из которых большинство находится в стадии зарастания и образования торфяников.

Торфяники занимают весьма большой процент общей площади острова, но мощность их весьма незначительна. Толщина пласта редко превышает 40–50 см, хотя на береговых обрывах можно найти обнажения мощностью в 8–90 см.

Растительность низменной части — лапты² — выражена в основном мхами и лишайниками, осоковыми травами и моршечником. Вообще же растительность острова, подвергавшаяся в течение нескольких столетий воздействию деятельности населения острова, заметно изменилась.

Выпас многочисленных оленних стад на весьма ограниченной ягельной площади острова привел к тому, что во многих местах ягель оказался вытоптаным, поверхность почвы несколько удобрена, и следствием этого

¹ Далее вычеркнуто: «прилегающая непосредственно к омывающему Колгуеву Баренцеву морю». — *Прим.ред.*

² *Лапта* — прибрежная низменная полоса тундры с большим количеством болот и озер.

на Колгуеве явилось появление незначительных площадей луговой растительности, весьма способствующей хорошему откорму оленей в летний и осенний периоды. В местах же, где количество ягеля и ранее было незначительно, он вытеснен густо разрастающимся морошечником.

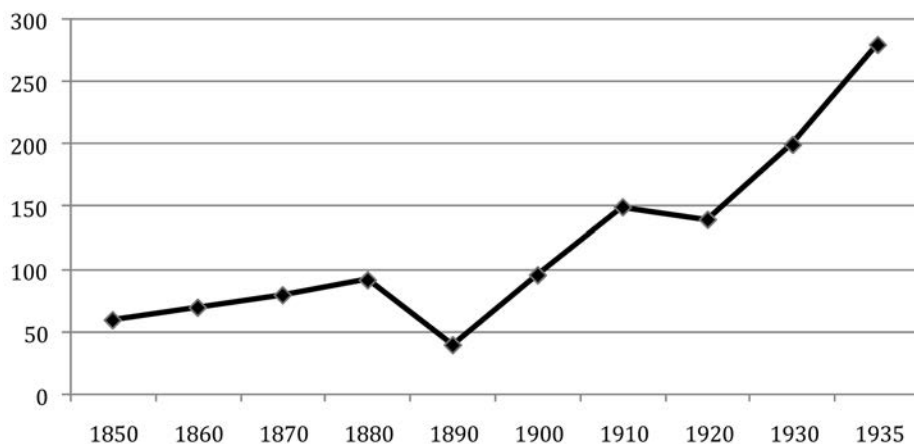
Наибольшее изменение растительности можно наблюдать в самой широкой лапте острова — Бугринской. Если несколько десятков лет назад она на 55–60 % была покрыта сплошными ягельниками, то в настоящее время от бывшего богатства сохранились лишь остатки, не обеспечивающие прокорма оленей в течение долгой полярной зимы.

Из кустарниковых растений на острове имеются карликовая береза, только стелющаяся по поверхности земли, и ива, заросли которой занимают небольшие площади в южной и восточной низменных частях Колгуева. Заросли эти, достигающие в высоту пояса человека, весьма густы и трудно проходимы. К северу от средней возвышенной части острова, охраняющей южную лапту от холодных северных ветров, кустарниковые заросли не встречаются совершенно.

II. Население Колгуева

Коренным населением Колгуева являются ненцы, начавшие осваивать природные богатства этого острова с начала XVIII в. По имеющимся в нашем распоряжении данным, увеличение ненецкого населения острова может быть наглядно изображено следующим графиком.

График показывает почти непрерывное увеличение населения Колгуева с 1840 г. Это непрерывное увеличение действительно имело место, но причины его на отдельных отрезках времени были в корне различны.

Рост ненецкого населения с 1840 по 1935 год по десятилетиям

Так, если в течение периода с 1840 по 1900 г. произошло увеличение ненецкого населения острова с 60 до 96 человек, что дает в среднем около 0,5 человека прироста на год, то это имело место именно в тот период, когда русский торговый капитал беспощадной эксплуатацией островного населения довел его материальное положение до нищенского состояния. Торговцы вывозили всю без исключения ценную продукцию промыслов с Колгуева, доставляя взамен продукты, предметы широкого потребления и орудия промыслов плохого качества и по весьма высоким ценам. Население жило впроголодь, в плохих жилищных условиях. Особенно сильно от этого страдали дети, в большинстве своем погибавшие от истощения и эпидемических болезней. При таких условиях прирост даже в 0,5 человека в год говорит за крайнюю приспособленность местного населения к преодолению труднейших условий существования¹.

Второй период (1900–1910 годы) резко отличается от первого сравнительно быстрым увеличением населения. Так, с 96 человек в 1900 г. население острова увеличилось за десятилетие к 1910 до 150 человек, что дает средний годовой прирост в 6 человек.

Это увеличение в основном проходило не за счет естественного прироста островного населения, а за счет переселенцев из материковых тундр.

Дело в том, что к концу XIX в. представители торгового капитала, не ограничиваясь вывозом наиболее ценной продукции с острова (пушнина, дичь и т.п.), обратили серьезное внимание на возможность содержать на Колгуеве (в то время еще богатом ягельниками) свои собственные стада оленей. Последние были заведены частично за счет скупки за бесценок у местного населения, частично за счет привоза из материковых тундр.

Местной рабочей силы, необходимой для обслуживания оленных стад и для погрузки и разгрузки приходящих на остров судов, стало не хватать. Началась колонизация острова ненцами из материковых тундр. Уже с 1860 г. русские и ижемские купцы стали завозить на остров для рыбной ловли и для промысла морского зверя отдельные бедняцкие семьи ненцев из Тиманской и Канинской тундр: «На Колгуев поступают лишь те из Канинских или Тиманских самоедов, которые не имеют никакой собственности и которым на тундре не остается иного, как жить милостыню» [Савельев 1850]. В связи с организацией купеческих стад и их завозом на остров процесс переброски рабочих рук с материка на Колгуев безусловно усилился.

Третий период (1910–1920 гг.) характерен прекращением роста населения и даже незначительным его сокращением (в 1920 г. — 150 человек; в 1920 — 148). Объясняется это тем, что непрерывное увеличение оленно-

¹ Уменьшение населения в последнем десятилетии XIX в. было временным. Потеряв оленей в период гололедицы, население временно выехало на материк, откуда в конце десятилетия и начале XX в. возвращалось.

го поголовья на острове привело к истощению ягельных угодий, что, в свою очередь, повлекло за собой сокращение поголовья оленей и прекращение ввоза рабочих рук с материка. Условия же существования местного населения за этот и предыдущий периоды, благодаря жестокой эксплуатации агентами царской России — торговцами, несравненно ухудшились. В результате прирост населения не мог перекрывать его убыли.

Для быстрого естественного роста населения Колгуева необходимо было улучшить его материально-бытовое положение — освободить его от эксплуататорского гнета торговцев-оленоводов, обеспечить безоленные и малооленные ненецкие хозяйства достаточным количеством оленей, промышленников — более усовершенствованными орудиями производства. Это не могло быть осуществлено в условиях капиталистической системы. Это осуществила Великая Октябрьская революция.

Поэтому Советский период характеризуется непрерывным естественным приростом населения Колгуева. Так, за период с 1920¹ по 1926 гг. население острова достигло 200 человек, что дает средний годовой прирост в 8,5 человека; к 1927 г. — 203, к 1928 — 209, к 1929 — 223, к 1930 — 224, к 1931 — 229, к 1932 — 241, к 1933 — 252, к 1934 — 268, к 1935² — 280. Таким образом, средний естественный прирост населения с 1926 по 1935 гг. составляет 8,8 человека в год — рост, неизвестный острову с момента его заселения.

В процентном отношении этот прирост выражается следующими показателями:

Год	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
Рост в % к предыдущему году	1,5	2,9	6,7	0,4	2,1	5,2	4,6	6,3	4,4

Средний же годовой процент прироста населения Колгуева с 1926 по 1935 гг. выражается в 3,7, что значительно выше среднего по всему Советскому Союзу.

Помимо значительного улучшения материального положения ненцев Колгуева³ в повышении естественного прироста населения сыграли осуществленные на острове за Советский период социально-культурные мероприятия, организованные в 1928 г. — больница, в 1930 г. — школа, в 1931 г. — красный чум.

¹ 1920 г. — год советизации острова. К этому времени Европейский Север был окончательно освобожден от белых банд и интервентов. С 1921 г. переселения как с острова на материк, так и обратно, за исключением одного случая, не наблюдалось.

² Данные за 1935 г. были взяты из «Известий ЦИК СССР» от 30 августа 1935 г.

³ Подробно об улучшении материального положения населения острова Колгуева [см.: Подэкрат 1936].

Особо следует отметить значение больницы, с момента организации которой смертность среди детей и молодежи Колгуева была сведена почти к нулю. Кроме того, значительно понизился и процент смертности среди взрослого населения. За этот же период произошел скачок прироста населения до 10,1 человека в год.

Роль больницы с каждым годом увеличивается. Если в 1928 г. только редкий ненец не боялся заглянуть в больничный дом, где ненцев лечит «русская шаманка» — фельдшерица, то в настоящее время редкий ненец пройдет мимо больницы, не заглянув в нее, не спросив совета, лекарства и т.д.

Это изменение отношения к больнице со стороны ненецкого населения ярко иллюстрируют данные следующей таблицы:

Посещение ненцами Колгуевской больницы в 1928–1934 гг.

Годы		1928	1929/30	1931/32	1911/34
Всего посещений		102	314	407	479
Из них	Первичных	32	103	163	279
	Вторичных	70	211	244	200

Если обратить внимание на характер заболеваемости ненцев Колгуева, то сразу же резко бросится в глаза органическая связь заболеваний с климатом Колгуева и пищевым режимом его населения.

Характер заболеваний ненцев Колгуева в 1934 г.:

Заболевания	Число случаев
Болезней костно-мышечной системы (рахит, ревматизм и т.п.)	180
Болезней органов дыхания (связанных с простудой)	67
Заболеваний гриппом	23
Заболеваний желудочно-кишечных	41
Цинготных заболеваний	15
Ветряная оспа	21

Все эти болезни могут быть разделены на две категории: 1) большая часть случаев заболеваний костно-мышечной системы, желудочно-кишечные, в значительней степени цинготные заболевания связаны с пищевым режимом населения; 2) все болезни органов дыхания, гриппозные заболевания, а равно часть заболеваний костно-мышечной системы связаны с крайне неустойчивым сырým климатом острова.

Если с болезнями, относящимися ко второй категории, Колгуевская больница справляется весьма успешно, то менее действенна ее деятельность против болезней первой категории. И это вполне понятно. Больница сама по себе не способна изменить пищевой режим населения. Для этого

необходимо реконструировать все хозяйственные отрасли колгуевских ненцев, изменить соотношение между отдельными продуктами, составляющими пищевой рацион населения.

Так, по материалам Архангельской санитарно-бактериологической экспедиции 1931 г. и по материалам медицинских работников Колгуевской больницы, все 100 % детского населения острова больны рахитом. Согнутые конечности (руки, ноги — колесом) — явление весьма частое даже среди взрослых, хромота — тоже.

Все эти последствия перенесенного в детстве рахита, безусловно, снижают трудоспособность населения, а многих и вовсе лишают ее.

Причины рахита совершенно ясны: крайне неудовлетворительные бытовые условия, однообразный режим питания (в частности почти полное отсутствие в пищевом рационе свежей растительной пищи, содержащей противорахитные витаминные вещества) и, добавим, употребление почти в течение круглого года снеговой воды, лишенной минеральных солей и извести. В результате вырастают люди с искривленным позвоночником, низкого роста, с кривыми ногами и руками, с большой неправильностью зубов и т.д.

В первые после советизации годы проведение мероприятий по улучшению качества пищи, потребляемой населением, весьма часто проваливалось, так как новизна предложений, с одной стороны, и влияние шаманов, с другой, отпугивала население от активного участия в осуществлении намеченных советами мероприятий.

Ненцы не умеют и не имеют возможности выпекать хороший ржаной хлеб. Выпекают его в котлах над костром. В результате хлеб получается сырой, трудно перевариваемый желудком. Хозяйственные организации острова, учтя это, решили выстроить на острове пекарню для снабжения населения печеным хлебом. Для организации этого дела необходимо было перевезти дом из становища Кривое в становище Бугрино (расстояние 30 км). Вопрос о перевозке дома и организации пекарни был поставлен на общем собрании ненцев в 1929 г. Лучший ответ на то, как реагировало тогда население на это мероприятие, дает выписка из протокола этого собрания:

Слушали: О создании пекарни. О перевозке дома из Кривого озера в становище Бугрино.

Постановили: Из прений и разговоров ненцев видно, что перевозку дома сделать можно за деньги, без них же вести не согласны; кроме того считают, что, *чем хуже пропечен хлеб, тем выгоднее — меньше съешь. Исходя из вышеуказанного, постановили дом не перевозить*¹.

¹ Протокол общего собрания ненцев острова Колгуев № 1 от 7 октября 1929 г.

Это решение ярко показывает, насколько население острова, не чувствуя еще твердой, все более укрепляющейся базы под своим материальным положением, находясь на низком культурном уровне развития, остерегалось каких-либо «излишних» затрат.

За последние годы положение резко изменилось. Материальное положение ненцев окрепло, и большинство из них теперь покупают печеный хлеб в организованной в 1933 г. пекарне, не ограничивая свое питание плохо выпеченными хлебными изделиями.

Пищевой режим ненцев Колгуева полностью обусловлен характером их производства, соотношением между товарным выходом продукции и ее количеством, потребляемым на месте, так как товарный выход продукции определяет собою количество потребляемых в ненецком хозяйстве продуктов, привозимых извне.

Наличие на острове весьма разнообразных природных богатств и сезонность производства различных по своему характеру промыслов, обусловленная в основном крайне низким техническим уровнем ненецкого хозяйства и естественными условиями сырьевой базы, определяют его комплексность. Население вынуждено использовать весь комплекс хозяйственных возможностей, так как занятие только одной из отраслей при низкой технике и культуре хозяйства, безусловно, не может обеспечить нормального существования. Эти же причины неизбежно сказываются и на относительно очень невысокой товарности продукции хозяйственной деятельности ненцев Колгуева, обуславливают его замкнутость и полунатуральный характер.

Ведущей отраслью производства на Колгуеве, безусловно, является оленеводство, покрывающее около 65 % расходной части бюджета населения острова.

Олень предоставляет населению Колгуева основную пищу: вкусное питательное мясо, сало и противоязвенное средство — кровь.

В рационе колгуевских ненцев мясо оленя занимает первое место. Этим объясняется тот факт, что до 1930 г. товарный выход мяса от стад ненцев-оленоводо-ов совершенно отсутствовал. Напротив, до 1930 г. имело место даже обратное явление: ненцы, бедняки и середняки, прикупали оленей на мясо из стада оленсовхоза, принадлежавшего тогда Госторгу. Так, в 1927–1928 хозяйственном году ненцы Колгуева употребили в пищу 43 200 кг мяса от своих собственных оленей; кроме того, они прикупили у Госторга 11 200 кг мяса и около 8000 кг мясных остатков от убоя в стаде оленсовхоза. В общей сложности это составляет 62 400 кг¹. И все же, несмотря на то что количество едоков в 1927–1928 году исчислялось всего лишь в 208 человек, этого количества мяса явно не хватало. Помимо 62 400 кг оленного мяса ненцы остро-

¹ По данным [Перфильев 1928 б].

ва потребили в этом же году еще около 100 штук птицы на человека. Принимая вес одной птицы в среднем за один килограмм, мы получим дополнительное количество мясной пищи в 19 000 кг, что вместе с оленней составит 82 200 кг. Следовательно, на одного едока в течение года приходилось около 400 кг или на день 1 кг мясной пищи¹. Это, безусловно, весьма большое количество. За последние годы вследствие повышения товарности продукции промыслов рацион получил известное разнообразие в виде различных круп, макарон и других продуктов, что, в свою очередь, обусловило сокращение потребления мяса и увеличение его товарного выхода.

Уже один этот пример показывает, какое огромное значение для населения Колгуева имеет олень. Но этого мало.

Из оленьих шкур ненцы изготавливают для себя жилище — конусообразный чум, теплую одежду — малицу, совик, шапку, штаны, пимы, тобаки. Из них же шьются люльки для новорожденных, они же служат постелями во время сна, их же применяют в качестве подстилки при сидении в чуме, на санях и т.п.

Жизнь в тундре без оленя вообще немыслима. Он служит одним из основных средств производства в птичьем, морском и зверином промыслах и в рыболовстве. Ни один из этих промыслов не может достичь высокой степени своего развития без хорошо налаженного транспорта, а в условиях тундренных просторов оленняя упряжка пока что не имеет еще достойных конкурентов.

На Колгуеве без оленей невозможно было бы проводить и массовую политико-просветительскую работу с полным охватом всего промыслового населения. Сейчас же на острове работает красный чум, передвигающийся на своих оленях.

Наконец, вся научно-исследовательская работа в тундре² упирается также в средства передвижения. Большинство экспедиций, направляемых в районы Крайнего Севера, могут выполнять успешно предпринятые ими исследования лишь благодаря оленю, служащему основным транспортным средством и основной пищей. Этим самым северное оленеводство оказало неоценимую помощь науке и пополнению наших знаний о Крайнем Севере и его богатствах.

Какое значение играл олень для населения Колгуева в прошлом, можно судить хотя бы по тому, что олень служил общим эквивалентом при обмене,

¹ Это количество среднее. Колебания в социальных группах населения достигают больших размеров. В семье бедняка на человека приходится около 100–200 кг, в семье середняка — 350–400, а в семьях зажиточных оленеводов — от 600 до 900 кг мяса в год.

² Далее вычеркнуто: «Это относится главным образом к Колгуеву, Югорскому Шару, в известной степени к Канинскому побережью и другим». — *Прим. ред.*

а также и по тому, что олень по своему значению в хозяйстве служил компенсацией при разрешении всех конфликтных дел в тундре. Даже в таких случаях, как при убийстве, законы местного права находили возможным компенсировать семью убитого определенным количеством оленей.

Такие факты можно еще наблюдать и сейчас. Так, например, в 1935 г. ненец Евдоким Ардеев (слабоумный) убил ненца Семена Венукана. Общее собрание ненцев Колгуева постановило: «Евдоким Ардеев должен уплатить семье Семена Венукана 25 оленей». Решение было выполнено. Здесь преобладающую роль в этом решении занимал не столько вопрос о наказании убийцы, сколько о возможности экономически заменить в хозяйстве вышедшего работника. Владение оленем, как основным средством производства, естественно, служило и основным средством эксплуатации бедняцких и середняцких масс со стороны кулачества.

Все это требует от работников Крайнего Севера наиболее тщательного изучения оленеводства как ведущего звена во всем комплексе хозяйственной деятельности северного населения.

III. Оленеводство острова Колгуева до Октябрьской революции

У ряда работников Крайнего Севера сложилось мнение о наличии на острове Колгуеве исключительных условий для развития оленеводства. Это мнение основано на том, что на Колгуеве в прошлом плотность оленевого поголовья (10 голов оленей на один кв. км ягельной площади) превышала все материковые нормы, а также на том, что на острове отсутствуют эпидемические болезни, мало овода и комаров и совершенно отсутствуют хищники.

До известной степени это мнение имеет под собою некоторые основания. Действительно, в 80-х годов прошлого столетия и в конце десятилетия XX в. количество оленей на Колгуеве достигало рекордных размеров — 25 000 голов. Но отдельные периоды в развитии островного оленеводства заставляют поневоле вздуматься над значением данных цифр. В противовес указанным данным максимального порядка, мы наблюдаем и показательные цифровые минимумы. Так, в самом конце XIX в. количество оленевого поголовья на Колгуеве выражалось всего лишь в 2740, а в 1919 г. — в 5000 голов.

Колебания в количестве оленевого поголовья на острове ярко отображает следующая сводная таблица¹:

¹ Данные, относящиеся ко времени с 1868 по 1923 гг., носят условный характер, так как точного учета поголовья на острове в те времена не производилось. Данные собраны из отдельных литературных источников.

Количество оленей на острове Колгуеве

Годы	Количество оленей	Годы	Количество оленей
1868	17 000	1928 ¹	10 560
1886	25 000	1929	8087
1894	2740	1930	9134
1902	4000	1931	8618
1911	22 000	1932	8700
1919	5000	1933	6000
1923	7400	1934	ок. 7000
1926	8610		

Таблица эта требует известной расшифровки. Быстрое падение поголовья оленей с максимума до минимума в конце прошлого столетия объясняется тем, что население острова, не учитывая кормовых возможностей ягельных площадей, непрерывно увеличивало оленные стада. Этот процесс подгоняло еще нежелание впасть в зависимость от торговоростовщического капитала, так как тот, кто обладал крупным стадом, дольше мог сопротивляться эксплуатации русских торговцев, а следовательно, и дольше сохранять свою самостоятельность.

В результате быстрого роста оленного поголовья возникло несоответствие между кормовыми возможностями острова и количеством использующих их оленей. Наступил кризис, в корне изменивший экологическое положение населения острова. От бескормицы, усиленной гололедицей в середине 90-х годов прошлого столетия, на Колгуеве в течение короткого периода пало 23 000 оленей. Население осталось без основного средства существования.

С начала XX в. начинается новый подъем оленеводства острова, но он носит уже другой характер и не приносит самостоятельности ненцам Колгуева.

Так, в 1902 г. на острове было только 4000 оленей. Но если раньше почти все 25 000 оленей принадлежали ненцам и лишь незначительная часть торговцам — русским и ижемцам, то теперь соотношение это меняется в пользу последних. Из 4000 оленей только 1000 голов принадлежало ненцам, а остальные 3000 — торговцам. В 1911 г. из 22 000 оленей около 12 000 принадлежало пустозерским и ижемским торговцам. Кроме того, за этот же период на острове выросло несколько ненецких кулацких хозяйств, из которых наиболее крупными являлись стадо Антипа Ардеева — в 5000 голов оленей, стадо его сына Тимофея в 1300 голов, стадо Калины Апицына, Филиппа Ардеева и Ивана Ардеева, имеющие до 600–700 голов каждое.

¹ В 1927–1928 гг. на Колгуеве убой оленей не производился.

Таким образом, кулаки-ненцы и русские торговцы владели 21 100 оленями, или 95,4 % всего поголовья. На остальную же массу ненцев острова падало всего лишь 900 оленей (4,6 %), или 40 голов оленей на одно хозяйство. Соотношение цифр весьма отчетливое, с достаточной убедительностью показывающее экономическую мощь классовых групп и говорящее за то, что ненцы, бедняки и середняки, вынуждены были идти в работники к кулаку и торговцу или уделить особое внимание развитию других отраслей производства: промыслу пушного и морского зверя.

Если процесс отчуждения оленей происходил сравнительно легко и быстро, так как торговец владел таким мощным орудием эксплуатации, как кредит, и, кроме того, ему приходилось иметь дело лишь с отдельным хозяйством ненца, что значительно облегчало осуществление его замыслов, то процесс овладения ягельными угодьями носил несравненно более затяжной характер.

Основным препятствием на пути к захвату ягельных площадей Колгуева торговым капиталом являлась родовая собственность ненцев на эти площади. Экономическое подчинение отдельного ненца торговому капиталу не решало еще само по себе судьбы угодий, они не переходили в руки торговцев-оленоводов. Нужна была долгая, упорная борьба за подчинение торговому капиталу целой родовой группы. Осуществить же это было не так легко. Во главе родовых групп стояли экономически наиболее сильные кулацкие ненецкие хозяйства. Они имели достаточно средств производства для того, чтобы сохранить свою самостоятельность и самим использовать все возможности эксплуатации менее мощных хозяйственно родичей. Кроме того, резкие разногласия существовали и между самими кулаками-торговцами. Законы конкурентной борьбы и здесь оказывали свое значительное влияние. За одни и те же ягельные угодья дрались две-три группы пустозерских и ижемских кулаков.

Борьба пришлого кулачества между собой всегда оканчивалась победой наиболее сильной экономической группы. Путем подкупа отдельных ненецких хозяйств и выплатой долгов ненцев другим торговцам более мощная торговая группа объявляла бойкот противникам. Противник не мог найти себе пастухов, не мог найти рабочей силы на погрузку и разгрузку морских судов.

Борьба же из-за угодий пришлого кулачества с кулаками-ненцами, стоявшими во главе родовых групп, обычно заканчивалась компромиссом. Кулаки-ненцы получали право быть агентурой торговцев на острове в зимний период, а последние, свою очередь, — право пользования ягельными угодьями данной родовой группы ненецких хозяйств. Насколько большое значение имело для ненца-кулака получение права агентуры в зимний период, видно хотя бы из тех сумм, на которые он приобретал товар в рассрочку на год-два у пустозерских купцов. Так, в 1911 г. кулак Тимофей

Ардеев набрал для продажи товаров на сумму, равную 300 оленям. В этом году олени были очень дорогими, и на Колгуеве же осенние телята были проданы за наличные по 7 руб. 50 коп. за голову. Следовательно, общая сумма забора Тимофея Ардеева выразилась в 2250 руб. Его отец, Андрей Ардеев, набрал товаров даже на 3600 руб. Все эти затраты с лихвой возвращались в течение зимнего периода в кубышку кулака, принося весьма значительную прибыль и пустозерским купцам.

Но не всегда именно так разрешался вопрос о ягельных угодьях. Среди отдельных ненецких групп попадались одиночки, напрягавшие все усилия для противодействия захватническим тенденциям торговцев. В таких случаях последние мобилизовывали все средства, имеющиеся в их распоряжении, начиная с подкупа и кончая открытым натравливанием экономически подчиненных им ненцев на такого смельчака-одиночку.

Ярким примером такой борьбы за захват купцами ягельных площадей может служить история ненца Колгуева Николая Большакова. История его настолько любопытна, настолько трагична по своему существу, что мы находим возможность вкратце передать ее в настоящей статье, тем более что она весьма ярко оттеняет эксплуататорскую политику русского торгового капитала и показывает, как эта политика коверкала и перерождала честных тружеников.

Отец Николая, Петр Большаков, стоял во главе одной из ненецких групп, пользовавшейся ягельными угодьями на территории так называемого Васькинского заповедника — в районе речки Васькиной и ее притоков. Место это считается заповедником потому, что, будучи расположено в низменной лапте юго-востока острова, подвергается действию сильных ветров, испаряющих лишнюю влагу с поверхности почвы и тем самым предохраняющих территорию ягельников от наступления гололедицы. Ягельники в этом районе хороши, и потому место это являлось убежищем колгуевских оленей в часто повторяющиеся на острове годы гололедицы.

Допускать на свою территорию мелкие стада колгуевских оленеводов-ненцев Большаков всегда охотно соглашался, в то же время категорически отказываясь предоставлять свои ягельники тысячным стадам пустозерских купцов. На последнее Большаков согласиться не мог, так как это грозило уничтожением кормовой базы для оленей, принадлежавших как ему самому, так и другим ненцам.

Именно этот район давно прельщал своим удобным расположением купцов Сумароковых, Павловых, Лудковых. Осторожно, шаг за шагом повели они наступление на некоторых Большаковых. Сначала против последних были направлены другие ненецкие группы, особенно их зажиточная кулацкая верхушка, также зарившаяся на удобные оленные пастбища Васькинского Заповедника. Началась буквально травля «непокорных». Их оленей гоняли и били в случае перехода на чужую территорию, на общих

сходах на долю Большаковых всегда приходилось большинство ругани, упреков, обвинений; на их ягельники выпускались систематически «чьи-то» беспризорные олени и т.п.

Большаковы крепились долго. Пока был жив отец Николая Петр, все атаки алчных купцов оставались без результатов. Положение изменилось после его смерти. Наследниками остались четыре его сына, из которых младшим был Николай. И именно он наиболее упорно продолжил отстаивать интересы ненцев, владевших заповедниками. Старшие его братья оказались более податливыми. Они не выдержали напора организованного против них общественного мнения и один за другим начали сдавать свои позиции. Видя, что Николай не сдается и борьба в старой форме с ним бесполезна, купцы Сумароковы и Павловы, подкупив его братьев, подговорили их разделить и выделить Николаю, как самому младшему, минимальное количество оленей, с тем чтобы он как малооленный ненец не мог претендовать на большие ягельные площади. Водка закрепила это соглашение.

Братья покинули Николая и его семью, оставив им наследство, состоящее из половины чума и одной (!) важенки.

Николай остался совершенно один, заправленный со всех сторон. Ему оставался только единственный выход: идти батрачить к противнику Сумарокова — купцу Попову. Последний обрадовался такому обороту дела. Как никак, а Николай имел все же известные права на Васькинский заповедник, и, кто знает, может, дело обернется еще так, что на его долю выкроится удобный участок ягельных угодий.

Пятнадцать лет работал Николай на веслах, перевоза на карбасах груз Попова с шхун на берег и обратно, пастушил на Печоре, потеряв там своих сыновей, умерших от эпидемии. Испортил себе руки, но по-прежнему не сдавался. Правда, одно крупное изменение произошло в нем. Будучи отвергнут всеми, он стал крайним индивидуалистом, во всех окружающих его стал видеть исключительно своих врагов. Таким он остался и на сегодняшний день, несмотря на все старания местных работников разъяснить ему суть эксплуататорской политики русского торгового капитала. В этом трагедия его жизни¹.

Поэтому он так часто спрашивает, когда выгонят «власть» с острова, поэтому он противился всем мероприятиям Советской власти — постройке больницы, школы, организации красного чума и т.д. Много еще нужно работать с Николаем для того, чтобы он понял, что трудящиеся ненцы

¹ Николай Большаков слепо убежден в том, что если Советская власть помогает трудящимся ненцам, то эта помощь направлена не против общего его и его товарищей по труду врага — пережитков проклятого прошлого, а на укрепление его «врагов» — ненцев Колгуева.

Колгуева сами были жертвами хищнической политики торгового капитала и что пролетариат Советского Союза уже отомстил за все страдания трудящихся масс России — великой победой Октября, что он мстит ежедневно, заполняя страницы невиданной в мире летописи — летописи побед пролетариата — все новыми и новыми достижениями на фронте социалистического строительства, что для того чтобы отомстить окончательно, нужно самому ему включиться в общую сознательную работу трудящихся масс СССР.

Пока что Николай этого не понял. Пока что он идет другой дорогой. Когда старый шаман острова официально отказывался от шаманства, Николай объявляет себя шаманом и этим путем, путей угроз, пытается отомстить своим обидчикам. Кое-чего он уже достиг. Суеверное население острова боится его как огня.

Заостренный в борьбе ум Большакова умело стремится использовать свое положение для укрепления своего хозяйства. Получив от совета оленей, он быстро увеличил свое стадо до 250 голов. Он раньше всех узнает на острове новости с материка и так же умело использует их в своих целях. Узнав об открытии на материке пункта «Торгсина», он тотчас же начал продавать своих оленей ненцам на золото, оставшееся с дореволюционных времен. За оленя он брал ни много, ни мало — 15 руб. золотом.

Все эти факты с достаточной ясностью показывают, как хищническая, не останавливающаяся ни перед чем эксплуататорская политика торгового капитала калечила людей, ограждала их каменной стеной от самого ценного — общественной товарищеской поддержки — и делала из таких людей, каким был Николай Большаков, противников своих же братьев по труду. По сведениям за 1936 г., у Николая Большакова уже произошли большие положительные сдвиги — он отказался от шаманства, изменил отношение к школе и т.д.

Торговый капитал не останавливался и перед открытыми формами насилия и грабежа.

Так, в Тиманской тундре кочевал ненец Василий Маруев, владелец стада в 56 голов оленей. Один из эксплуататоров колгуевских ненцев, купец Лудников, предложил Маруеву переехать на Колгуев — пасти его стадо, пообещав последнему 120 руб. жалованья в год. Кроме того, Лудников обязался отдать Маруеву на Колгуеве из своих оленей 56 голов взамен тех, которые были у последнего на материке и которых Лудников взял себе.

Маруев согласился. На Колгуеве он проработал в стаде Лудникова несколько лет, а затем последний прогнал Маруева, причем не только не заплатил полагавшегося ему жалованья, но не отдал и тех оленей, которых он взял у Маруева на материке.

«Прошло уже восемь лет, — пишет в 1911 г. С.В. Керцелли, — несчастный самоед излагает дело русским туристам, бывающим на острове,

с просьбой сообщить об его деле губернатору, который рисуется его воображению чем-то всемогущим»¹.

Все жалобы ненцев и решения островного схода оставались бесполезными и безответными со стороны царского бюрократического аппарата. Купечество же отвечало на них так, как подобает истинному представителю эксплуататорского класса.

Мгновенно увольнялись с работы непокорные и взамен их привозились с Печоры и ижемские и пустозерские пастухи. Последние, будучи не заинтересованными в сохранении ягельных угодий на острове, хищнической пастьбой резко сократили таковые или сильно понизили их качество².

Особенно туго от такой пастьбы пришлось мелким, малоолненным промышленникам-оленеводам. По условиям промысла они были весьма заинтересованы в сохранении вблизи моря ягельных пастбищ. Крупные ненцы-оленеводы знали это и не допускали своих оленей к берегам острова, так как и они были заинтересованы в удачных промыслах своих бедных родичей, находившихся в экономической зависимости от них.

Пастухи же купцов, наоборот, пригоняли свои стада именно в эту береговую зону, так как здесь меньше бывает гнуса и поэтому стада держатся спокойнее. Результатом же подобных налетов на прибрежную зону явилось то, что весь ягель в два-три дня оказался вытоптаным, сокращалась продукция промыслов и ухудшалось и без того нерадостное существование островного населения.

Совокупность всех вышеприведенных фактов привела к повторению в 1912–1913 гг. кризиса 90-х годов прошлого столетия. Количество оленей на острове снова сократилось до 5000.

IV. Природные условия и кормовая база для оленеводства

Если дореволюционный период характеризуется резкими скачками в развитии оленеводства острова, то Советский период, наоборот, отличается известной стабильностью: поголовье оленей на Колгуеве не падает ниже 6000 в тяжелые по условиям выпаса годы и в годы низкой доходности остальных отраслей хозяйства и не превышает 10 500 в наиболее благоприятные периоды. Стабильность эта и отсутствие резких колебаний в поголовье оленей не случайны. Они явились результатом вполне продуман-

¹ Керцелли С.В. Предварительный отчет о поездке на острова Колгуев и Вайгач в 1911 г. (неопубликованная рукопись).

² Далее вычеркнуто: «Вследствие постоянного бродяжничества купеческих стад по всему острову участились столкновения со стадами ненцев, причем выловить свих оленей из купеческого стада ненец не имел уже такой возможности».
— Прим. ред.

ной, серьезной и трезвой деятельности советских организаций и местного населения.

Население Колгуева, освобожденное от эксплуататорского ига торговцев-олeneводов, осознало, что рост и укрепление материального положения трудящихся находится в их собственных руках. Их воля играет в этом процессе решающую роль. А так как на Колгуеве оленеводство является базой для развития других промыслов островного населения, то, естественно, на первый план выдвинулся вопрос о сохранении этой базы и ее известной стабилизации, так как резкие падения поголовья оленей разрушали оленеводство и резко сокращали продукцию других отраслей производства.

Основной же базой самого оленеводства Колгуева безусловно являются кормовые ресурсы этого острова. Именно они установили относительный предел росту оленного поголовья. Количественно этот предел выражается в 10 000 голов оленей.

Нужно отметить, что ягельники острова и на сегодняшний день еще не изучены, не определены их полезная площадь, их качества и т.п. Поэтому весьма трудно сделать какие либо точные выводы о возможностях роста оленеводства на острове,

«Ягеля на острове немного. Лучше всего сохранились ягельники на крайнем Севере и частью на восточном берегу», — пишет в своем дневнике известный специалист по оленеводству (ныне покойный) С.В. Керцелли.

К этому же мнению присоединяются в основном и геоботаники И.А. Перфильев и З.Н. Смирнова, побывавшие на острове со специальной целью исследования растительности острова. Нужно сказать откровенно, что упомянутыми геоботаниками были собраны богатые материалы по растительности острова, но от этого ни островным организациям, ни островной общественности легче не стало. Материалы, вывезенные с острова, больше туда не возвращались. Не было сделано на их основании и соответствующих практических выводов по отношению к оленеводству.

Мы со своей стороны можем лишь подтвердить вывод С.В. Керцелли. По сравнению с материковыми тундрами Колгуев крайне беден ягельниками. Если в материковых районах ягель сам бросается в глаза наблюдателю, то на острове его нужно искать чуть ли не с лупой. Прежде богатые ягельные пастбища вытоптаны вследствие неумелой пастьбы. Из всей поверхности острова полезная площадь ягельных угодий едва ли занимает 1000–1200 кв. км. Следовательно, плотность оленного поголовья на острове и сейчас достигает цифры в 8–10 голов на 1 кв. км весьма бедной кормовыми ресурсами площади. В настоящее время при весьма пониженном качестве ягельников такую насыщенность нужно признать предельной.

Жизнь показала, что дальнейшее увеличение поголовья катастрофически отражается на оленеводстве и экономическом благосостоянии населения.

Особо отрицательную роль в деле развития оленеводства играет регулярно повторяющаяся через 3–4 года гололедица, захватывающая почти всю территорию острова. Последняя гололедица 1932–1933 гг. сократила поголовье на острове на 30 %, причем она распространилась даже и на считавшиеся до сих пор не подвергавшимися этому бедствию заповедники — районы р. Васькиной на юго-западе и Песчаных сопок на северо-востоке Колгуева.

Для сохранения ездовых оленей ненцам пришлось совершенно забросить промыслы и целыми днями ломачами и топорами колоть лед, освобождая от него поверхность почвы и этим самым давая оленю возможность добраться до корма.

Таким образом, решающим выводом, к которому мы неизбежно должны прийти из вышеизложенного, является именно то, что при настоящем состоянии ягельников дальнейший рост поголовья на острове не целесообразен. Развитие оленеводства на острове должно идти по линии его качественного роста, к чему на Колгуеве, безусловно, имеются соответствующие возможности.

- 1) В летний период остров богат травянистым покровом, дающим возможность прекрасного откорма оленей к зимнему периоду и этим самым облегчить животным с меньшими трудностями перенести суровые зимние условия.
- 2) На острове, беспрестанно подвергающемся действию сильных ветров, сравнительно с материковыми тундрами, весьма ничтожное количество овода и комаров, что, безусловно, облегчает условия выпаса оленей и повышает их упитанность в качестве получаемой продукции.
- 3) На острове нет хищников, разгоняющих стада и уничтожающих молодняк. Количество сохраняемого молодняка к осеннему периоду может быть доведено до 96–97 %, что, в свою очередь, безусловно, повлияет на повышение товарности продукции оленеводства.

Что касается эпидемических болезней оленя, то действительно остров не знает ни сибирской язвы, ни массового распространения копытки и оленьей чесотки. Единственным злом является так называемая «головная болезнь», которой олени подвергаются в осенний, изобилующий «сырыми морозами» период времени. Болезнь эта весьма мало изучена, и средств к предохранению от нее пока еще ветеринария не знает. Поэтому весьма ценно изучение тех мероприятий, которые применяются местным населением в борьбе с этим бичом колгуевского оленеводства.

Наиболее подверженной заболеванию головной болезнью частью стада являются важеньки — самки-производительницы, затем следуют молодые самцы-хоры и, наконец, редкие случаи заболеваний можно отметить и среди ездовых быков.

Болезнь эта выражается в том, что олень сначала теряет свою подвижность, быстроту, становится скучным¹. Голова заметно вспухает, особенно возле основания рогов, затем через день-два у зверя начинаются судороги, и он погибает.

Характерно отметить, что имеет место какая-то связь между головной болезнью и волосяным покровом рогов оленей. Заболевают именно те из оленей, которые к этому периоду не успевают сбросить волосяной покров с рогов. Так, важеньки и хоры, сбрасывающие кожу раньше остальных оленей, заболевают массами, меньшее количество заболеваний среди хоров молодых, сохранивших по какой-либо причине волосяной покров, и еще меньше быков, сбрасывающих кожу гораздо позднее².

Отмечено, что если оленю удастся во время болезни сбросить рога, он тотчас же поправляется. В противоположном случае большинство заболевших животных гибнет.

Из этого ненцы сделали для себя соответствующий вывод: если опиливать с осени рога важенькам, заболеваемость среди них должна сократиться. Опыт подтвердил данное предположение. Заболеваемость среди важенок, у которых были спилены рога, сократилась в несколько раз. Главному управлению Северного морского пути следовало бы в стаде оленсовхоза поставить хотя бы небольшой опыт для подтверждения опытов ненцев, который, будучи обогащенный современными знаниями ветеринарии, несомненно, продвинул бы вперед научную мысль и, быть может, открыл бы путь борьбы с этой весьма и весьма неприятной для оленеводов болезнью.

V. Распределение оленного поголовья по социальным группам населения

Оленное стадо Колгуева распадается на две части: 1) оленей, принадлежащих ненцам-оленеводам и промышленникам, и 2) оленей, принадлежащих островному оленсовхозу. Каждый из этих секторов отличается своими специфическими чертами.

¹ Далее вычеркнуто: «И очень мало ест».

² Далее вычеркнуто: «Очевидно, возбудители головной болезни проникают по поверхности обнаженного рога в черепную коробку и производят там соответствующее воздействие на организм оленя». — *Прим. ред.*

Оленсовхоз на Колгуеве был организован в 1921 г. из стад, реквизируемых у пустозерских и ижемских купцов. Сначала было организовано стадо Губернского исполкома, затем оно было передано последовательно Госторгу, Комсеверопути и Морзверпрому, а в настоящее время, очевидно, должно перейти Главному управлению Северного морского пути.

Соотношение двух указанных частей всего колгуевского стада и их развитие рельефно отображает нижеследующая таблица.

**Поголовье оленей в стадах колгуевского населения
и в стаде оленсовхоза с 1926 по 1933 год**

Годы	Всего оленей на острове	Принадлежавших ненцам		Принадлежавших оленсовхозу		Принадлежавших комитету взаимопомощи	
		К-во	% к общ. поголовью	К-во	% к общ. поголовью	К-во	% к общ. поголовью
1926	8610	3683	42,8	4796	55,7	131	1,5
1927	Свед. нет	Свед. нет	Свед. нет	Свед. нет	Свед. нет	Свед. нет	Свед. нет
1928	10 560	4460	42,2	5 970	56,5	130	1,3
1929	8087	4365	53,9	3 590	44,4	132	1,7
1930	9134	4543	49,8	4 421	48,4	170	1,8
1931	8618	5074	58,9	3 544	41,1	Свед. нет	-
1932	8700	4726	54,3	3674	42,2	300	3,5

Таблица указывает на относительную стабильность поголовья, значение которой мы уже выяснили ранее. Резкое отклонение к максимуму (5970 голов) в стаде оленсовхоза, падающее на 1927–1928 г., объясняется отсутствием в эти годы убоя оленей. Незначительный же прогрессивный рост поголовья стада ненцев-оленоводов объясняется низкой его товарностью. Стадо же оленсовхоза имеет резко выраженный товарный характер. Этим определяется тот факт, что поголовье оленей в стаде оленсовхоза редко превышает 4000 оленей.

Характеру стада соответствует и его половозрастной состав. Так, если в товарном стаде оленсовхоза половозрастной состав отличается более правильной, с точки зрения продуктивности стада, координацией всех его частей, то в стаде колгуевских ненцев, основной целью которого является удовлетворение необходимейших нужд ненецкого единоличного хозяйства, соотношение половозрастных групп вырисовывается в несколько ином виде.

Подтвердим это цифровым материалом.

**Половозрастной состав оленных стад ненцев-олeneводов
и Колгуевского оленсовхоза в 1932 г.**

Наименование половозрастных групп	Стадо ненцев-олeneводов		Стадо оленсовхоза	
	Кол-во	%	К-во	%
Всего оленей	5074	100,0	3544	100,0
Из них				
1. важенок	2494	49,1	2076	58,5
2. хоров	203	4	269	7,5
3. быков	1306	25,7	279	7,8
4. телят	1071	21,2	920	26,2

Таблица ярко вскрывает разницу в половозрастном составе стад. Стадо ненцев острова Колгуева весьма насыщено ездовыми быками и относительно бедно производителями-хорами. Две эти группы весьма тесно связаны между собою. Малооленный колгуевский промышленник крайне заинтересован в обладании большим количеством ездовых оленей. Поэтому каждый наличный хор кастрируется и превращается в упряжное животное. Крупные же олeneводы сохраняют хоров постольку, поскольку они необходимы для оплодотворения важенок своего стада. Лишних хоров они или подвергают убою, или кастрируют, так как наличие лишних ездовых животных дает возможность употребить их в качестве средства эксплуатации менее мощных ненецких хозяйств путем «дарения», «временной посылки» и т.п.

Оленное поголовье распределено между ненецкими хозяйствами крайне неравномерно. Это, безусловно, отражается как на насыщенности их ездовыми животными, так и на их производительной мощи.

По данным Колгуевского островного Совета, в 1932 г. на острове числилось 34 самостоятельных хозяйства, из которых 18 были отнесены к бедняцким и 16 к середняцким¹. Общее количество едоков, составлявших данные 34 хозяйства, исчислялось в 241 человек. Соотношение хозяйственной мощности этих двух социальных групп (бедноты и середняков) крайне показательно и характеризуется следующими данными:

¹ Однако данные островного совета о социальных группах населения явно неудовлетворительны, так как в них не вскрыты существующие на острове в замаскированном виде формы эксплуатации и не выявлены кулацкие хозяйства. Объясняется это тем, что за основу определения принадлежности данного хозяйства к кулацкой группе островной совет приметил лишь один признак — открытый наем рабочей силы, что в настоящее время является совершенно недостаточным. В процессе наступления на кулачество последнее в первую очередь отказалось от найма рабочей силы, но зато более интенсивно стремится использовать скрытые формы эксплуатации.

Распределение оленного поголовья между социальными категориями хозяйств ненцев острова Колгуева в 1932 г. до организации товарищества по совместному выпасу оленей

Социальные группы	Количество хозяйств		Количество едоков		Количество оленей	В % к общему количеству	На хозяйство		Количество быков	В % к общему количеству	На человека	
	в общем количестве	% к общему количеству	в общем количестве	% к общему количеству			На хозяйство	На едока			На хозяйство	На человека
Средняки	16	47	116	48	3557	75,3	220	30,7	996	76,6	62	8
Бедняки	18	53	125	52	1169	24,7	65	8	310	23,4	16	2,5

На основе данных этой таблицы надлежит сделать следующие выводы.

- 1) Средняки, владея 75,3 % всего поголовья оленей, в три раза обеспеченнее бедняков, имеющих лишь 24,7 % оленей;
- 2) Количество ездовых быков распределено между социальными группами пропорционально количеству оленного поголовья (средняки имеют всего оленей 75,3 % поголовья и 76,6 % ездовых животных, бедняки соответственно — 24,7 % и 23,4 %);
- 3) Бедняцкое хозяйство в четыре раза менее обеспечено оленним поголовьем, чем середняцкое, во столько же раз ездовыми животными. Это соотношение особенно важно и показательно, так как по содержанию своему бедняцкое хозяйство — хозяйство охотничье и зверобойное и по характеру производства должно было бы быть более обеспечено транспортными средствами, чем оленеводческое.

Несколько иначе выглядит половозрастной состав оленного поголовья в свете данных, выражающих распределение половозрастных групп по отдельным социальным категориям ненецких хозяйств.

При внимательном изучении этой таблицы может показаться парадоксальным то обстоятельство, что в составе стада бедняцкого хозяйства имеется весьма высокий процент важенок. Из этого можно было бы сделать вывод, что бедняцкое хозяйство является хозяйством товарного направления. Но это только кажется. На самом же деле за этими показателями кроется совершенно противоположное. Если обратиться к показателям, определяющим количество телят в бедняцком и середняцком хозяйстве, то картина резко меняется в пользу последнего. В бедняцком хозяйстве имеется всего лишь 8,7 % телят, в то же время как середняцкое хозяйство имеет их 21,7 %, т.е. немного больше чем в 2 раза. Учитывая

**Распределение оленей по половозрастным группам
между отдельными социальными категориями ненецких хозяйств
острова Колгуева¹**

Наименование половозрастных групп	Средняки			Бедняки		
	Всего оленей	%	В средн. на хоз-во	Всего оленей	%	В средн. на хоз-во
Всего оленей	3557	100	220	1169	100	65
Важенок	1607	45	101	740	63,5	41
Телят	769	21,7	43	102	8,7	6
Быков	996	28	63	310	27	17
Хоров	185	5,3	13	17	2,8	1

колоссальное количество мяса, потребляемое ненецким хозяйством, совершенно очевидным становится, что бедняцкое хозяйство, имея в составе своего стада всего 8 % молодняка, лишено возможности осуществлять расширенное воспроизводство стада. Действительно, каждое бедняцкое хозяйство состоит из 7–9 едоков. На одного едока в настоящее время в среднем расходуется в год около 4 оленей. Следовательно, для полного удовлетворения всех потребностей бедняцкого хозяйства необходимо в год забить 28–36 оленей. Такими ресурсами бедняцкое хозяйство не располагает. Вследствие этого оно неизбежно должно пополнять свой бюджет за счет промысла морского и пушного зверя, а это в свою очередь требует несравненно более высокого процента ездовых животных в стаде. Таблица же показывает, что в бедняцком хозяйстве имеется ездовых животных на 1 % меньше, чем в середняцком, а в количественном отношении — даже в 4 раза меньше. Такое положение можно объяснить лишь тогда, когда будет обращено внимание на характер использования и предназначения тех 63,5 % важенок в бедняцком хозяйстве, которыми оно обладает.

В условиях островного промысла наличие 17 ездовых животных в хозяйстве, имеющем 2–3 охотников на пушного и морского зверя, является явно недостаточным. В силу этого в целях восполнения количества упряжных оленей бедняцкие хозяйства вынуждены в значительных масштабах (до 60–70 % всего поголовья этой половозрастной группы) использовать в упряжке важенок. Большинство важенок, используемых вместо ездовых оленей — быков, остаются яловыми. В результате наблюдается в бедняцком хозяйстве резкая диспропорция между количеством важенок и количеством телят, причем количество последних обычно не превышает 30–40 % количества важенок.

¹ По данным островного совета.

Таким образом, высокий процент важенок в бедняцком хозяйстве вызван отнюдь не его высокой товарностью¹, а напротив, весьма низким материальным состоянием хозяйства.

Анализируя вышеприведенные цифровые данные, следует также обратить внимание и на сравнительно высокий процент ездовых быков в хозяйствах середняков, по содержанию своему являющихся хозяйствами оленеводческими.

Из числа стад, принадлежащих группе середняков, можно выделить стада, в которых процент быков достигает всего лишь 9–12 %, и хозяйства, в стадах которых количество их достигает 30–35 % всего поголовья.

Чем же объяснить столь высокий процент ездовых животных в некоторых середняцких хозяйствах?

Постараемся ответить на этот вопрос конкретными фактами.

В стаде ненца Николая Ивановича Ардеева, состоящем всего из 370 оленей, имеется 132 быка, в хозяйстве Ледкова Василия Михайловича — 124 быка из общего количества 516 оленей, в хозяйстве Ардеева Евдокима Антиповича — 85 быков из 435 оленей и т.д.

В противоположность этим хозяйствам среди бедняцкой группы имеются такие хозяйства, как хозяйство ненца Ильи Константиновича Апицина, которое на 7 человек семьи насчитывает всего 24 оленей, причем быков имеется всего лишь 4. Совершенно ясно, что при таком поголовье Апицин не только не имеет возможности успешно промышлять, но даже не может своими силами перекочевать на другое место в один прием.

Хозяйство Савватия Апицина (состоящее из 9 человек семьи) из 56 оленей насчитывает только 5 быков. Поэтому Савватий Апицин вынужден использовать 60 % своих важенок в качестве упряжных животных. Хозяйство Мирона Евсюгина имеет 71 оленя и из них всего 6 быков и т.д.

Две эти противоположности тесно связаны между собой. Первые крупные оленеводы — хозяйства определенно кулацкого типа — снабжают вторых — бедняков — транспортными животными «на время», «в подарок», «в помощь родственнику» и т.д. Так, Савватий Апицин имел от Николая Ардеева в «поддержке» 9 и от Василия Ледкова — 5 быков. То же самое и у Ильи Калинковича и у Мирона Евсюгова. Бедняки, получившие помощь от зажиточных хозяйств, естественно, впадают в экономическую зависимость от последних. Для закрепления своего влияния со стороны зажиточных следуют «подарки» оленями на мясо, шкурами, телятами и т.п. После всего этого бедняк уже боится выступить против кулака, по первому зову последнего приходит ему на помощь в хозяйственных работах, ловле оленей, убое, пастьбе, охоте на птицу и т.д. Из сказанного следует, что данные островного совета о социальных группах населения неточны,

¹ Далее вычеркнуто: «не шкурно-мясным его направлением». — *Прим. ред.*

так как в них не вскрыты существующие на острове в замаскированном виде формы эксплуатации и не выявлены кулацкие хозяйства.

Большую роль в деле освобождения бедноты от экономической зависимости сыграли общее повышение материального положения промышленников, происходящее на основе развертывания промысловой деятельности и технического оснащения промыслов, а также и деятельность Комитета взаимопомощи, снабжавшего маломощное хозяйство в первую очередь транспортными животными.

В результате вышеуказанного на Колгуеве имели место частые случаи возвращения оленей, взятых бедняками в «поддержку» от своих «родственников» и резко поднялась активность бедноты, группирующейся вокруг островного совета.

При использовании всех наличных возможностей, имеющихся на острове, процесс повышения материального положения бедняков-олeneводов мог бы происходить несравненно быстрее.

Одним из факторов, несомненно, могущих способствовать подъему материального уровня любого колгуевского хозяйства, является работа одного из членов данной семьи в качестве пастуха в стадах оленсовхоза. Вполне естественно было бы предположить, что для этой работы оленсовхоз, прежде всего, привлекает бедняцкие хозяйства острова. К сожалению, это предположение не оправдывалось фактическим положением вещей, и на деле, вследствие полной политической близорукости и хозяйственной недалекости ряда руководящих работников оленсовхоза, наблюдалось как раз явление обратного порядка.

Классовый подход при отборе пастухов в оленсовхозе до последнего времени был крайне неудовлетворителен, точнее, он приводил как раз к обратным, чем следует, результатам. Так, до 1931–1932 г. пастухами в оленсовхозе являлись, как правило, наиболее обеспеченные оленями ненцы-олeneводы, сплошь и рядом представители кулацкой верхушки. Такой подбор пастухов — и подбор совершенно сознательный — хозяйственники мотивировали следующим, дословно писанным соображением: «Поневоле приходится отдавать богачу пастьбу стада, так как в этом случае потери в стаде совершенно отсутствуют; а у пастухов из числа ненцев-бедняков в год «пропадает» 5–6 оленей; последние, впрочем, не пропадают, а просто режутся пастухами себе на пропитание».

Что у пастухов из числа бедняков, таким образом, «пропадают» олени, это, понятно, ненормально.

Этого можно и должно избежать путем включения в трудовой договор, заключаемый с пастухом, определенных норм отпуска ему в счет зарплаты оленей для пропитания. Но руководители оленсовхоза, проявляя политическую близорукость и недалекость, предпочитали привлекать в качестве пастухов зажиточных и даже явных кулаков. Ясно, что

кулаку, как бедняку, резать оленей оленсовхоза себе на пропитание, так как у него достаточно и своих оленей: пропажа оленей из стада оленсовхоза может повести к увольнению с работы, а между тем, выпасая стадо оленсовхоза, он не только получает за это зарплату, но еще и имеет возможность широко использовать свое положение в интересах улучшения поголовья своего собственного стада, параллельно нанося существенный ущерб стаду оленсовхоза. Имея свое крупное стадо, такой пастух высматривает в стаде оленсовхоза наиболее сильных телят и затем обменивает их на своих слабых, пользуясь тем, что до осени в совхозе оленый молодняк не клеймится.

Таким образом, пастух из зажиточных оленеводов за счет стада оленсовхоза улучшал свое, в то время как стадо после него из года в год ухудшалось. Даже при беглом взгляде на оленей, принадлежащих такому пастуху, и на оленей оленсовхоза резко бросается в глаза разница, как в росте, так и в упитанности молодняка и взрослых оленей. И это вполне понятно. Имея крепкий молодняк, пастух из зажиточных подводит солидную базу для улучшения всего поголовья стада, заменяя более хилых и слабых животных сильными и упитанными.

Результатом этого неизбежно является то, что средний вес осенних телят в стадах оленсовхоза, выпасаемых пастухами из зажиточных, почти всегда на 8–10 кг меньше, чем в стадах выпасаемых бедняками.

Так, например, в стаде оленсовхоза, выпасаемом Ильей Апициным, единственным пастухом из бедняков, имеющим всего 26 своих оленей (ему и менять-то нечего) средний вес убитого оленя — 40–42 кг, хорошая постель, мясо жирное, вкусное.

В стадах же оленсовхоза, выпасаемых крупными оленеводами, средний вес редко превышает 28–32 кг. Следовательно, олени слабее, шкура хуже — ниже сортом и т.д.

Полная политическая несостоятельность практики такого рода подчеркивается еще и тем, что в этом случае она укрепляла зажиточного и усиливала возможность эксплуатации последним малооленного.

Действительно, крепкий оленевод, получая за пастьбу лишних 800 руб., этим добавочным доходом обеспечивался всем необходимым привозным товаром. Оставались еще и лишние деньги. Следовательно, у него нет необходимости сдавать в факторию продукцию своего стада — телят, мясо, шкуры. Он имеет полную возможность беспредельно увеличивать свое стадо, в то же время питаясь очень хорошо. Следовательно, он всегда здоров и силен.

Кроме этого, ему при таких материальных условиях, конечно, ничего не стоит «подарить» несколько десятков оленей бедному родственнику. А эти подарки делали свое дело. Такой одаренный бедняк в дальнейшем должен знать указанное ему место.

Зажиточные пастухи прекрасно понимали, какое значение для них имела пастьба стад оленсовхоза, за нее они все время боролись, полностью используя свое влияние на бедняков. После передачи оленсовхоза от Госторга Комсеверопути наметился значительный перелом. Установка Комсеверопути — пастьбу стад передать бедняку — встретила чрезвычайно серьезное препятствие: все без исключения бедняки отказывались работать в качестве пастухов оленсовхоза. Как впоследствии выяснилось, причиной отказа было давление, оказанное на бедняков прежними пастухами — крупными оленеводами. Когда оленей предложили пасти беднячке Майковой и ее сыну, последние откровенно сказали, что им не разрешают брать стадо для пастьбы богатые родственники, как раз те, которые в прошлом году пасли это стадо. И так, оказывается, было и во всех остальных случаях. Экономическое влияние, да еще подкрепленное родовыми пережитками, как видно, довольно веский социальный аргумент, с которым приходится вести упорную, осторожную и часто самоотверженную, борьбу.

VI. Перспективы развития оленеводства на острове Колгуева

Решения правительства и их конкретизация в специальных постановлениях краевых и областных исполнительных комитетов открывают огромные перспективы для роста оленного поголовья и укрепления материального положения трудящихся масс Крайнего Севера, Эти решения должны быть преломлены на местах в соответствии со специфическими особенностями того или иного оленеводческого района.

В условиях Колгуева, где размер и качество ягельных площадей ограничивает количественный рост оленного поголовья, развитие оленеводства должно пойти по линии его качественного роста, улучшения ягельных угодий и восстановления старых, даже вытоптаных хищническими способами пастьбы. Последнее разрешит в дальнейшем в известной степени увеличить и островное поголовье.

При наличии на острове 34 отдельно пасущихся стад весьма трудно организовать хоть мало-мальски правильное рациональное использование ягельных угодий. Тем более трудно, вернее, почти невозможно провести мероприятия по их улучшению и восстановлению. Для осуществления этих мероприятий необходимо проведение в ближайшее время полного землеустройства на острове, распределения угодий по участкам с составлением плана очередности их использования, запрещения выпасать оленей на совсем истощенных пастбищах и т.д. Сравнительно большое число оленных стад является весьма большим в этом деле препятствием. Необходимо их объединение путем создания товарищества по совместному выпасу оленей.

Вопросы коллективизации занимали до сих пор весьма большое место в работе, как островного совета, так и хозяйственных организаций. Период до 1931 г. характерен стремлением руководящих работников во что бы то ни стало организовать олений колхоз с полным обобществлением всех оленей. «Головокружение от успехов» имело место и в решениях и в практике работы островных организаций. Во что бы то ни стало старались перешагнуть первичные формы коллективизации, и дело доходило даже до того, что предложения ненцев об организации промыслового товарищества отклонялись слишком «закружившимися» работниками.

Так, еще в 1929 г. на общем собрании ненцев Колгуева, когда ставился вопрос об организации колхоза с обобществлением всего поголовья, ненцы доказывали невозможность на данном этапе создания такого колхоза, рекомендовали «начать с небольшого чисто промыслового коллектива» (Протокол № 1 общего собрания ненцев от 16 октября 1929 г.).

Вместо того чтобы ухватиться за это предложение ненецкого населения, некоторые работники не только отказались от проведения в жизнь самими ненцами предложенного мероприятия, но считали вполне правильным ставить перед краевыми организациями вопрос об организации колхоза в политически явно неверной постановке, а именно: «Если кто из самоедов будет отказываться вступать в колхоз, нужно их выселять с острова, предварительно отобрав оленей» (из отчета заведующего факторией Госторгу).

В результате этой явно неправильной политики руководства вопрос о создании первичных форм коллективизации не был разрешен до 1931–1932 г. В 1931–1932 г. были организованы промысловое товарищество и товарищество по совместному выпасу оленей. Это сразу облегчило выпас оленей и освободило лишние рабочие руки для промыслов. Дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление товариществ, по-видимому, должно быть и на сегодня основной задачей дня.

Какие же перспективы для колгуевского оленеводства в будущем?

Учитывая наличие и качество ягельных угодий на сегодняшний день, представляется возможным в будущем, в результате упорной борьбы за дальнейшее укрепление первичных коллективов, организовать на острове единое оленеводческое хозяйство. Только единое оленеводческое хозяйство даст возможность использовать полностью все наличные условия для развития оленеводства на острове¹.

Если в настоящее время вся товарная продукция оленеводства Колгуева выражается в 1300 голов оленей, из которых 1000 падает на оленсовхоз и только 300 голов на хозяйства ненцев, то при едином оленеводческом

¹ В какой форме должно быть организовано это хозяйство, в форме ли совхоза или в форме колхоза, должно показать дальнейшее, более углубленное изучение экономики острова.

хозяйстве товарная его продукция даст несравненно более высокие показатели. Нет сомнений в том, что ягельные площади и другие условия выпаса оленей на Колгуеве приводят к мысли о необходимости придать колгуевскому оленеводству высокотоварный характер. Следовательно, если мы установили для островного стада относительно устойчивую норму в 10 000 поголовья, то половозрастной состав товарного стада приблизительно должно выглядеть следующим образом:

Важенок	68 %
Хоров	6,5 %
Быков	10 %
Телят плодовых	15,5 %
Итого:	100 %

В абсолютных цифрах поголовье когуевского оленного стада определится следующим образом:

Важенок	6900 голов
Хоров	650 голов
Быков	1000 голов
Телят плодовых	1550
Итого:	100%

Исходя из того, что подряд в течение ряда лет приплод в стадах колгуевского оленсовхоза выражался по отношению к наличному количеству важенок в 95,2–96,8 %, мы можем смело принять контрольную цифру приплода в 95 %. Если даже мы ее снизим до 90 %, то и тогда ежегодно приплод должен будет выражаться в 6210 голов. Отход молодняка на Колгуеве весьма незначителен и редко превышает 2 %. Следовательно, к осени мы будем иметь около 6000 голов. Из них (при норме потребления мяса в 3 головы на едока) необходимо оставить для нужд населения, школы, больницы и т.д. — 1000 голов¹. Произведя выбраковку в стаде и заменив плохих животных молодыми и здоровыми, мы будем иметь на острове около 5000 лишних оленей. Таким образом, товарная продукция стада определится в 5000 телят, т.е. в размере, в 5 раз превышающем современный товарный выход колгуевского оленеводства.

Количество быков при сокращении количества стад, также, безусловно, должно сократиться. 1000 голов ездовых животных, без всякого сомнения, обслуживают как выпас оленей, так и промысловую деятельность островного населения.

¹ Далее вычеркнуто: «Около 1000 голов молодняка будет использовано на ремонт стада и 1 000 голов выбракованы». — *Прим. ред.*

Укрепление материального положения трудящихся ненцев, опирающееся на коллективные формы производства, бесспорно, повлечет за собой постановку вопроса об оседании. В настоящее время жилищно-бытовые условия ненцев Колгуева не обеспечивают ни здорового роста населения, ни развития подсобных отраслей производства. Выделение пастушеских бригад в стаде уже не будет связывать все население острова с кочевым образом жизни. Большинство населения получит возможность осесть на месте в специально выстроенных в соответствующих местах на Колгуеве, наверное, промысловых становищах. Здесь будут обеспечены нормальные условия развития детей — в теплых сухих помещениях под контролем медпунктов. Здесь же должны быть организованы школы как для детей, так и для взрослых. Население получит, таким образом, возможность жить в гигиенических условиях — ходить в баню, стирать белье и т.п. Здесь же при сосредоточении населения успешно можно развить подсобные отрасли хозяйственной деятельности и этим самым заполнить свободные от работы, создаваемые сезонностью производства отрезки времени. Здесь же будет вовлечена в производственную работу женщина-ненка, круг деятельности которой в чумовых условиях существования крайне ограничен. Опыт в этом направлении на Колгуеве уже был в 1932–1933 г. Гололедица прекратила возможность пользоваться оленями как транспортным средством. Олени были распущены по острову. Прекратился промысел на морского зверя. Население организовано осело без оленей — в становище Бугрино. По инициативе основного совета на этот период была создана пошивочная артель. Вывоз с острова готовой продукции в виде малиц, совиков, пимов, шапок¹ для увеличения бюджета населения, безусловно, более выгоден, чем вывоз продукции в сыром виде. Артель добилась хороших результатов. Мужчины выделывали олени постели, женщины шили. Дело шло весьма успешно. Остров дал в этот год готовой продукции в 5 раз больше, чем в предыдущий.

При условиях оседания пошивочная артель может быть снабжена соответствующими техническими средствами, что увеличит и удешевит ее продукцию. Кроме того, здесь женщины-ненки смогут получить соответствующую квалификацию, так как, естественно, спрос на малицы и совики не покрывает производственных возможностей артели. Очевидно, артель будет получать соответствующие заказы на другие изделия из тех же оленьих мехов, что будет служить стимулом к развитию среди ненцев в настоящее время непривычных видов работы. Пошивочная же артель сделает женщину равной мужчине по производственному характеру работы. Кроме котла и детских пеленок, она будет принимать активное участие

¹ Далее вычеркнуто: «безусловно выгоднее». — Прим. ред.

в созидательной работе нашей страны, что безусловно быстро скажется на ее культурно-политическом развитии.

Если свести вместе все производственные возможности острова, то окажется, что при проведении социалистической реконструкции продукция островного хозяйства может возрасти до 270–300 тысяч рублей в год, т.е. повысится в 10 раз по сравнению с продукцией 1932–1933 гг.

Таковы блестящие перспективы, открывающиеся перед трудящимися массами острова Колгуева. Нет сомнений, что эти перспективы в ближайшем же будущем, под руководством и при помощи пролетариата СССР и его авангарда — великой коммунистической партии, превратятся в живую действительность.

Отзыв о рукописи аспиранта Подэкрата А.Г. «Оленеводство остр[ова] Колгуева»

Как современная, так и дореволюционная литература чрезвычайно бедна какими-либо материалами по о. Колгуеву. При этом особенно скудны материалы, в какой-либо степени затрагивающие вопросы экономики о. Колгуева и его основную производительную силу — человека. Поэтому каждая дельная работа, касающаяся о. Колгуева и в особенности хозяйства его населения, представляет большой интерес.

С этой точки зрения следует особо приветствовать рецензируемую работу асп. А.Г. Подэкрата — уже вторую работу [см. Подэкрат 1936], которую дает т. Подэкрат по вопросам хозяйства ненцев Колгуева.

В рецензируемой работе дана подробная характеристика прошлого и настоящего колгуевского оленеводства и намечены пути и перспективы его дальнейшего развития. К достоинствам работы, кстати говоря, целиком построенной на полевом материале самого автора, следует отнести то, что А.Г. Подэкрат не рассматривает колгуевское оленеводство изолированно, а, напротив, в связи со всеми другими отраслями хозяйства острова и вообще с проблемой хозяйственного освоения не только Колгуева, но и Новой Земли. Работа иллюстрирована большим количеством конкретного материала, подтверждающего те или иные положения, выдвигаемые автором. Анализ прошлого, настоящего и будущего колгуевского оленеводства данный автор, во всем верный с точки зрения методологии и техник, делает работу очень актуальной с точки зрения интересов социалистического строительства.

Вводная часть работы (о населении и его динамике), могущая на первый взгляд показаться искусственно приданной к работе, является вполне уместной, показывая зависимость численности населения острова от общих социально-экономических условий и, в частности, от состояния оленеводства, являющегося одной из важнейших отраслей хозяйства ненцев Колгуева.

Представляя несомненный научный интерес, рецензируемая работа заслуживает безусловного опубликования в печати. В работе отсутствуют какие-либо ошибки, но вместе с тем она еще нуждается во внимательной литературной редакции, так как в этом отношении в ней налицо некоторые недочеты.

А.П. Пырерка

МАТЕРИАЛЫ ПО НЕНЕЦКОЙ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ¹ (1938)

[Предисловие]

Ненцы /самоеды/ издавна известны в литературе как люди оленные, и потому изучение связанной с оленеводством терминологии представляет большой интерес со всех точек зрения. Являясь в прошлом бесписьменной народностью, ненцы не имеют письменной истории. Отдельные термины, относящиеся к оленеводству, могут служить нам своего рода историческими памятниками, ибо приручение человеком оленя уходит в глубокую древность. В этой связи интересно сравнительное изучение оленеводческой и промысловой терминологии у народов Советского Севера. Даже при беглом просмотре словарей этих народов обращает на себя внимание некоторое сходство тех или других обозначений, связанных с оленеводчеством. Например ненецкое *хора* /hōra/ — ‘самец’ имеет общее с эвенкийским *орон* /oron/ — ‘олень’, с нымыланским *кора* /qora/ — ‘олень’ и с луораветланским /qora/ — ‘олень’. Эвенкийское *hiru* /s'irū² — ‘бык’ сопоставляется, на мой взгляд, с ненецким *сырэй* /syrāj/ — ‘важенка на первом отеле’, хотя современное понимание этих терминов в обоих языках различно. Я не беру самоедскую группу языков, поскольку все основные оленеводческие термины в этих языках общие. Не привожу также примеров и из угорских языков, т.к. нахожу, что специалисты-угроведы правильно считают оленеводческую терминологию угорских народов заимствованной от ненцев.

Более подробное сопоставление оленеводческих терминов у различных народов Советского Севера завело бы меня слишком далеко. В этой работе ставлю перед собой задачу практического порядка, а именно: собрать и систематизировать оленеводческие термины ненецкого языка и тем самым дать хотя бы основное представление об оленеводческой терминологии

¹ СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 28, 95.

² Символ ' в тексте имеет два прочтения: в ненецком слове — буква для обозначения гортанного смычного звука; после русского слова — завершающая кавычка. — *Прим. ред.*

ненцев как терминологии, связанной с одним из основных видов хозяйственной деятельности этой народности. Мне кажется, что собранные мною оленеводческие термины и некоторые попытки комментариев к ним могут быть полезными для изучения ненецкого оленеводства, а также явятся материалом для одного из разделов ненецкого словаря, которого еще нет, но который необходим как воздух в деле дальнейшего развития ненецкой письменности.

Из работ, посвященных изучению ненецкой оленеводческой терминологии, мне известна только работа финского лингвиста Лехтисало [Lehtisalo 1932]. Книга Лехтисало состоит из двух частей. В первой части дается собственно небольшое количество терминов с двумя основными подразделениями: 1) дикий олень, 2) домашний олень. Во второй части, составляющей примерно 2/3 книги, сообщаются некоторые сведения об экономическом значении оленя дореволюционного хозяйства *юраков*.

Перевод тех или других терминов у Лехтисало не всегда удачен. Транскрипция вполне типична для представителей финской школы. Ненецкие слова получаются неудобочитаемыми даже для ненца, и при всей своей сложности транскрипция не дает точного обозначения большинства слов. Никаких комментариев к терминам не дано.

Зато вторая часть книги написана очень популярным языком и ориентирована, по-видимому, на широкие слои финской националистической буржуазии. На странице 3 помещена карта местожительства юрако-самоедов, служащая, как можно полагать, одновременно и цели показать распространение оленеводства. Мне кажется, что финский лингвист «немного ошибся» при составлении этой географической карты, т.к. такие области, как Вятка, Чердынь и др., находятся значительно южнее населяемых ненцами мест и ни ненцев, ни оленей там нет. Лицо пан-финиста в работе сказалось достаточно отчетливо.

Что касается более ранних исследователей ненецкого языка /Кастрен и др./, то из них мы находим лишь небольшое количество отдельных терминов, относящихся к оленеводству.

Переходя к общей характеристике ненецкой оленеводческой терминологии, мне хочется отметить прежде всего чрезвычайную детализацию в обозначении всех черт, как связанных непосредственно с самим оленем, так и с основными моментами оленеводства.

Различные оттенки масти, различные формы рогов, особенности внешнего вида /*нгэ ямб* — ‘длинноногий’, *ябта ты* — ‘тонкий одень’, *маха ямб* — ‘олень с длинной спиной’, *тэва ямб* — ‘длиннохвостый’, *ныя хубу* — ‘горбоносый’ и т.д./ . Особые свойства и качества оленей /*нгый* — ‘кружащийся близи человека’, *венунггад* — ‘олень, не боящийся собак’, *сэхэ* или *вэднда* ‘неподдающийся поимке арканом’, *нямгалтана* — ‘медлительный’, *яна* — ‘смирный’, *нарюй* — ‘не берегущий себя’, *нгамзинггад* — ‘мясоедный’,

марюй — ‘неподдающийся дрессировке’, *симбей* — ‘жадный’, *вэбтый* — ‘сердитый’, *письнггад* — ‘мышеедный’, *санарта* — ‘прыгун’ и т.д./, положение оленей в упряжке, признаки кастрации — все это имеет свои особые наименования.

Так в отношении названия оленей по масти только различных оттенков белизны или светлости можно указать больше десяти: *Яляко* — ‘светлый олень’, *сэрако* — ‘белый’, *няравэй* — ‘очень белый’, *сэре’э* — ‘белущий’, *хорха* — ‘березоподобный’, *яляко хорха* — ‘светлый березоподобный’, *париденя хорха* — ‘темно-березоподобный’, *сэлха* — ‘подобный белому’, *халэв* — ‘цвета чайки’, *силер* — ‘серый’, *силере’э* — ‘серущий’ и т.д. То же можно сказать по отношению к оттенкам других мастей: черноты, красноты и пр.

Нами отмечено до 30 названий по виду рогов: *лэхосэй* — ‘олень с широко расставленными рогами’, *талвэй* — ‘олень с узко расставленными рогами’, *норцьде’э* — ‘с рогами без отростков’, *ламбэй* — ‘с ветвистыми концами рогов’, *харёй* — ‘олень с загнутыми вперед рогами’, *хылтуй* — ‘с загнутыми рогами назад’, *нямд ямб* — ‘длиннорогий’, *нямд хэм* — ‘короткорогий’, *нямд лылуй* — ‘олень с обломанными рогами’, *нямд хабэй* — ‘с омертвелыми рогами’, *селюй* — ‘с очищенными рогами’, *мортана* — ‘с неочищенными рогами’ и т.д.

Очень детальны обозначения оленей по признакам пола и возраста: *таску сую* — ‘новорожденный теленок’, *пендуй* — ‘теленка перед линькой шерсти’, *няблюй сую* — ‘летний теленок’, *сывы сую* — ‘зимний теленок’, *хора нялуку* — ‘годовалый теленок самец’, *етя нялуку* — ‘годовалый теленок самка’, *нэвця* — ‘теленка рождающий теленка’, *намна* — ‘двухгодовалый самец’, *сырэй* — ‘двухгодовалая самка’, *хабт намна* — ‘двухгодовалый холощенный бык’, *нюртей ни’мяхананда мэна* — ‘важенка первого отела’, *няби ни’мяхананда мэна* — ‘важенка второго отела’, *няхар’ни’мяхананда мэна* — ‘важенка третьего отела’ и мн. др. Наиболее велик словарь, относящийся к частям тела оленей, он состоит более чем из двухсот слов.

Не менее подробно разработана терминология, непосредственно связанная с оленеводческим процессом. Сюда относятся: упряжь, виды нарт, части нарт, дрессировка ездовых и упряжных оленей, пастбище и корм, названия видов почвы, перекочевки и т.д.

Для примера приведем названия различного вида нарт. Различаются нарты не только по внешнему виду или устройству, но и по тому грузу, для перевозки которого они служат.

Хан — ‘нарта вообще’,

Нгэдалёсь — ‘мужская нарта, предназначенная для легкой езды’,

Ненган — ‘женская нарта’,

Хурюда — ‘нарта с мягкой рухлядью, ненужной в данный момент’,

Хурумы — ‘нарта для груза средней тяжести’,

Нгурос — ‘нарта для тяжелых грузов /бочек, бочонков, лодок и пр./’,

Вандако — ‘нарта для сшитой одежды, выделанных шкур, не нужных в данный момент’,

Пя вандако — ‘нарта для деревянного ящика с припасами’,

Ларь хан — ‘нарта для деревянного ящика с припасами’,

Юхуна — ‘нарта для постели, старой одежды, которую носят в чуме около огня’,

Вата хан — ‘нарта с неопределенным грузом’,

Мюд хан — ‘нарта аргиша’,

Пи’ хан — ‘нарта для дров’,

Нгамзи’ хан — ‘нарта для мяса’,

Сябу — ‘нарта для досок, настилаемых на пол в чуме, для женских пимов пр’,

Нгуто’ — ‘нарта для шестов’,

Норт — ‘длинная узкая нарта, весной ее употребляют иногда вместо нгэдалёсь’,

Хаби норт — ‘длинная узкая нарта, весной ее употребляют иногда вместо нгэдалёсь’ /остяцкая нарта/’.

Перечислить все виды нарт не удастся, т.к. у каждого хозяина нарта получает еще особые названия, в зависимости от тех вещей, которые он на нее нагужает.

Следует отметить, что именно в связи с детализацией терминологии нередко возникают затруднения при переводе на русский язык того или другого термина, т.к. в русском языке соответствующих понятий мы зачастую не имеем.

Второй основной чертой оленеводческой терминологии ненцев является то, что довольно значительная часть терминов является описательной и зачастую сложной. Немало примеров этой описательности можно найти в уже приводимых нами терминах:

- длинноногий,
- олень с длинной спиной,
- олень, не боящийся собаки,
- березоподобный,
- подобный белому,
- короткорогий,
- длиннорогий и пр.

Все термины, связанные с положением оленей в упряжке, сплошь являются описательными:

- *нензаминдя* — ‘передовой (собств. прямо идущий)’;
- *нерня мэта* — передовой (собств. впереди держимый),
- *нгудахы* — передовой (собств. к руке принадлежащий),

- *неры* — передовой (передний),
- *нензаминдя хэвхы* — второй олень в упряжке (собств. олень, находящийся около передового),
- *самлянгг еркы* — олень, запряженный в середине упряжки (собств. средний из пяти),
- *вары хэвхы* — четвертый олень в упряжке (собств. олень, находящийся возле крайнего),
- *вары* — пятый олень (собств. крайний).

Четыре последних оленя могут еще иметь название *пелей*.

Здесь мы разобрали названия оленей легкой пятиупряжной нарты. Такими же описательными являются и термины трех- и четырехупряжной нарты, а также все термины, связанные с упряжкой оленей в нартах аргиша.

Почти сплошь описательны и сложны названия оленьей сбруи. В этом разделе следует особо отметить один термин *ё'иня*, не укладывающийся, как мне кажется, в рамки санного оленеводства, в то время как все остальные термины подтверждают, что в основном мы имеем дело с санным оленеводством. Состоит этот термин из двух слов: *ё'* — 'углы рта', *иня* — 'ремень'. Как увязать собственное значение этого термина 'ремень', проходящий через уголки рта, с обозначаемой им в настоящее время частью упряжи, представляющей из себя кожаную полосу, обхватывающую спину запряженного оленя и соединяющуюся на животе особой вязкой, я пока сказать не берусь. С этой целью следовало бы просмотреть словари соседних народов, нет ли там подобного обозначения. Таковы основные, на мой взгляд, черты, характеризующие оленеводческую терминологию.

Из форм словообразования обращает на себя в первую очередь внимание конечное йот /й/ как ныне уже омертвевший оформитель прилагательности. В разделе названий оленей по виду рогов мы встречаем: *талвэй* — 'узкорогий', *лэхосэй* — 'широкорогий' (с широко-расставленными рогами), *харёй* — 'с рогами, загнутыми вперед', *хылтуй* — 'олень с прямыми рогами, с наклоном назад', *ламбэй* — 'олень с широкими концами рогов', *матюй* — 'с обрезанными рогами', *селюй* — 'очищенными рогами' (термин этот часто выступает в фольклоре как эпитет по отношению к стреле) и пр. В разделе названия свойств и качеств оленей: *нарюй* — 'чрезмерно не берегущий себя олень', *марюй* — 'упорствующий олень', *вэбтый* — 'сердитый'. В разделе названий оленьих шкур: *пендуй* — 'шкура еще не линявшего теленка', *няблюй* — 'шкура летнего теленка'. Большинство слов с оформителем /й/ йот в современном понимании полностью субстантивировано и не осознается в своем первоначальном значении прилагательности. Например *яхадей* — важенка, *сырэй* — сырица (важенка на первом отеле — собств. зимняя), *менаруй* — холощенный, но не дрессированный олень крупного роста и т.д.

В этой связи интересно кратко остановиться на различных названиях гончих собак. Характерным здесь является то обстоятельство, что наряду с названиями ненецкого происхождения мы находим названия, несомненно заимствованные из русского языка, которые, однако, осознаются как свои. Некоторые из этих русских по происхождению названий сохранили окончание русского прилагательного, лишь несколько видоизмененное: 'черный' — *сёрной*, 'бурый' — *пурой*, 'лысый' — *лысой*. Это своеобразное восприятие русских имен прилагательных в форме русского среднего рода остается закономерным и по настоящий день, когда в ненецкий язык входят и широко бытуют многие русские прилагательные в основном общественно-политического, культурного и технического значения. Таким образом, наряду с омертвелыми формами прилагательности можно говорить в ненецком языке о вновь создающейся категории прилагательности.

Из живой системы словообразования наиболее широко употребляются уменьшительный суф. -*ко* или -*ку* и ласкательно-сожалительный суф. -*ця*, выступающий обычно в сочетании с суф. -*ко*. Названия оленей в устах ненца звучат задабривательно-ласкательно: *тэкуця* — олешек, *яхадеко* или *яхадекоця* — важеночка, *хорекоця* — ласкательно-уменьшительное название самца, *суюко*, *суюкоця* — 'теленочек', *менаруйко*, *менаруйкоця* — уменьшительно-ласкательное название *менаруя* и т.д. Про оленного человека говорили обычно «ты нгэкцяхана ядэрнга, т.е. оленной ножкой ездит» /*нгэкця* — имя уменьшительно-ласкательное от основы *нгэ* 'нога'/ в противоположность не имеющему оленей пешему — *ядна*. В ряде случаев суф. -*ко* не осознается в значении уменьшительности, а воспринимается как часть основы имени. Например: *латако* — лопатка, от *лата* — широкий, *сэрако* — 'белый' от *сэр* — 'белый', *яляко* — 'светлый' от *яля* — 'день, свет', *вандако* — вид нарты и т.д.

Уменьшительный суф. -*ко* выступает иногда в усеченной форме в виде *к*, например, *сейк* 'сердечко', *мыдж* 'печеночка'. Слова эти служат для обозначения сердца и печени маленьких по размеру животных, как новорожденного теленка, птиц, рыб и т.д. Чтобы придать оттенок уменьшительности в обозначении сердца взрослого оленя, употребляется форма *сейко*. На этом основании, как мне кажется, можно предположить, что в ненецком языке существовало разделение на класс больших и класс малых предметов.

Характерна в этом отношении этимология слова *нялуку* — название годовалого теленка. *Нялу* — 'семенник', *няладюй* — употребляется для обозначения небольших и округленных по своей форме предметов, *нялана* — 'округляться или выскальзывать /из рук или еще откуда-нибудь/'. *Няля* — 'быть круглым, быть гладким'. Слово это применимо также по отношению к упитанному оленю.

Наряду с *няладюй* существует *мандалюй* / от основы *мандал'* — 'сложенная куча', употребляемое по отношению к крупным шарообразным предметам — округленная большая сопка и пр. *Няладюй* также употребительно по отношению к сопкам, но, во-первых, по отношению к сопкам маленького размера и, во-вторых, не совсем круглой формы. И здесь мы имеем дело с двумя началами обозначений в зависимости от величины и формы предмета. Что касается термина *нялуку*, то в нем конечное 'ку' является суфф. уменьшительным, и термин, как мне кажется, очень точно передает особенности этого вида оленей не только со стороны величины и формы, но и со стороны производственной. Дело в том, что весной у годовалых телят отпадают рога, и поймать их арканом бывает очень трудно, так как они легко проскальзывают сквозь петлю. Этим моментом и обусловлено, по-видимому, в основном название этого вида телят *нялуку*. Поимка же этих телят диктовалась хозяйственной потребностью оленевода — нарезать на ушах метки собственности, чтобы, попав на летнем стойбище в другое стадо, телята не затерялись бы.

Кроме меток на ушах /*ха пидте'мя*/, у каждого хозяина стада имеется своя метка или тамга для шерсти оленя /*тар' пидте'мя*/ . Тамги на шерсти вырезаются обычно в зимнее время или после отбраковки стада.

Тамги служили не только метками собственности, но и подписями в официальных бумагах инородческих управ. Тамги ставились и на оповещении об инородческих сходках. Каждый торговец имел у себя образцы тамг, полученных им из официальных бумаг инородческой управы. Таким образом, все долговые и пр. обязательства ненцев скреплялись и гарантировались тамгами.

Приведу образцы тамг по Большой Земле, существовавшие еще в мою бытность в большеземельской тундре:

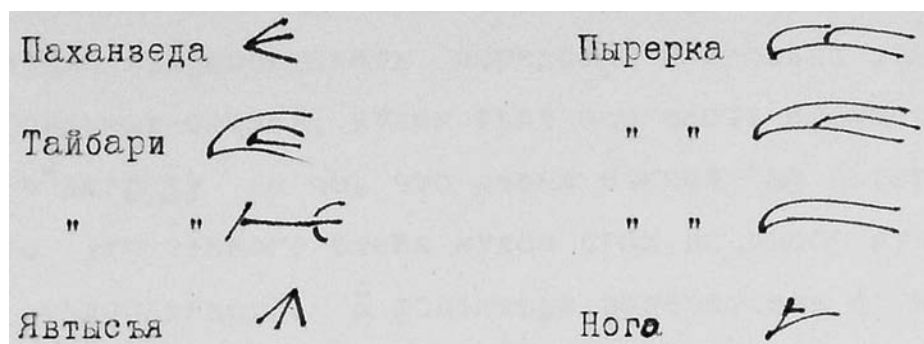

Рис. 4. Ненецкие тамги. Большеземельская тундра.
Рисунок А.П. Пырерки

Или вот тамги или, как они еще назывались, клейма по Тиманской и Канинской тундрам, отмеченные в одном из официальных документов, датированным 1825 г.

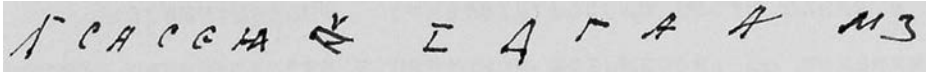

Рис. 5. Клейма ненцев Тиманской и Канинской тундр. 1825 г.
Перерисовано А.П. Пыреркой

Последние напоминают в своем большинстве начертание начальных букв христианских имен, т.к. ненцы этих районов еще до 1825 г. в какой-то мере были «обращены» в христианство. Как видно, от старых родовых темг по Тиману и Канину ничего не осталось.

С именем оленя, с обладанием или необладанием оленями и с величиною оленьего стада, тесно связана социальная терминология, бытовавшая у ненцев до Великой Октябрьской Социалистической революции. *Нгарёй* — малооленный, но стоящий самостоятельно чумом, «свободный» от хозяйев-кулаков. *Ты пэртя* — батрак, пастух. *Тэта* — оленщик, кулак. *Тэхэна сававна иленя* — понятие, близкое к понятию середняка. Наконец, *нядана* или *ядна* — для обозначения ненцев, совершенно лишившихся оленей.

Также были связаны с оленней терминологией и названия некоторых видов эксплуатации. Например, *подернада* — запрягаемый — термин, широко распространенный в прошлом среди бедняцкого населения тундры. Заключался этот вид эксплуатации в том, что малооленные получали от кулаков-многооленных нескольких оленей для дрессировки сроком до года, причем отдельно указывалось, сколько нужно выдрессировать передовых и сколько пелеев. Кроме выдрессированных оленей, кулак брал еще часть промысла малооленного в награду за то, что давал оленей «на подержание». За каждого утраченного оленя кулак брал на выбор лучшего оленя из стада малооленного. В фольклоре запечатлена форма робкого обращения бедняка-ненца с просьбой о даче ему для дрессировки оленей: «*Мэта тэхэна хырка нгэнгобат?*» — ‘Не дашь ли мне оленя на подержание?’ / собств. держимым оленем каков ты будешь?/.

Небезынтересно отметить вообще место оленя и оленеводческой терминологии в ненецком фольклоре. За неимением печатных источников, дающих материал по этому вопросу, мне придется ссылаться на записи текстов, сделанных мною в 1934 г. во время поездки на Ямал и находящихся в Институте народов Севера. Из известных мне видов ненецкого фольклора олень имеет особенно большое значение в сказаниях, называемых самими ненцами *яраби*, что значит дословно — «оплакивание». Олень выступает здесь основным видом богатства, служит транспортным средством. Герои ярабц не летают по воздуху на своих луках, как на крыльях,

как об этом зачастую рассказывается в других фольклорных произведениях, а ездят на оленях, причем упряжка обязательно состоит из оленей одной масти.

Например в ярабц: “Тэмзорта Нгууци” /“Скрывающийся Нгууци”/ название упряжки — *Тет юну ся* ‘четыре лошадинолицых’, в “Мандо’ Енове’э” — /“Средний Мандо”/ — упряжка *тет падвы* ‘четыре пестрых’, *тет сэрако* — ‘четыре белых’, *самляннг хабтарка* — ‘пять хабтарок’ и т.д. “Ваданэ Хороля” — /“Выращенный Хороля”/ упряжка — *Тет нёвды* — “Четыре ублюдка”, “Няхар’ Тёр” — /“Три Тёр”/ упряжка — *Сидя Хатрако* — ‘Два пестрых’, *Сидя Сюнды* — ‘Два безрогих’, *самляннг хабтарка* — ‘пять хабтарок’, “Пыя Сэр’ тэта” — /“Белолобый Оленщик”/ упряжка *тет пыя сэр* — ‘четыре белолобых’ и т.д. В этих сказаниях герой часто называется мастью своих оленей. Типа *Хатрако Тэта*, *Пыя Сэр’ тэта*, *Нявангга тэта*, *Сюндэко тэта* и т.д.

Мне кажется, отсюда могли возникнуть некоторые родовые названия, которые мы имеем сейчас. Например: *Сэротэта* — ‘Оленщик белых оленей’, *Нгокдэта* — ‘Многооленный’, *дэта* или *тэта* может быть присоединен ко всем другим родовым названиям, если данный хозяин, носящий имя того или другого рода, обладает большим стадом оленей, например: *Носитэта*, *Харюцитэта*, *Тайбаридэта*, *Тэ’мядо’тэта*, *Пыритэта* и т.д.

В этих же сказаниях особенно богато и красочно описывается упряжь и нарта героя, и особенно, героини. В качестве иллюстрации высказанного положения приведу небольшой отрывок одной из ярабц:

*Тет сэраконда нгэвакуту’ ний’ нойтанараха’,
Ямдюкохотата сыра’ нярмаг’.
Тобъёви’ хэв’ сыри ерку’нга’.
Сенггари’ таебты’, юёнакуда сеена*

*Ямлаха
Мэцэй нгэвы!*

Четырех белых головки покрыты словно сукнами,
От кистей украшений краснеют снега.
Из половинок кожи сделанные седельца снега разрезают.
Только колокольчики позвякивают.
Звук колец словно сталкивающихся морских льдинок звук.
Ну и щеголь же!

В заключение нужно сказать, что работа по сбору словаря оленеводческих терминов начата в сентябре нынешнего года.

Все помещенные здесь термины записаны мною на память и дают терминологический материал по большеземельному говору, который

положен в основу создания ненецкого литературного языка и является для меня родным языком.

Незначительный срок не позволил дать полной обработки собранного словаря. Кроме того, завершение работы невозможно без поездки на место, т.к. в словаре моем отсутствует в настоящий момент такой первостепенной важности раздел, как созданная и создающаяся за последние годы терминология социалистического оленеводства, терминология колхозного и совхозного строительства в тундре. Пополнение этого колоссального пробела является совершенно необходимым.

Из известных мне оленеводческих терминов я включил в словарь только основные. Если бы брать соединения нескольких признаков, то обозначений получилось бы во много раз больше. Так, названия по признакам пола, возраста, названия по виду, по особым свойствам и качествам, по стельности, по кастрации, названия ездовых оленей составляют, по моим записям, около 200 терминов, а термины эти присущи каждой масти, которых отмечено свыше 30. Таким образом, получается возможное количество терминов 200×30.

Кроме того, я не беру названий одномастной упряжки, хотя названия эти также являются своего рода терминами. Образование их получается путем присоединения к названию той или иной масти того или иного количества оленей. Напр.: *тет падвы* — ‘четыре пестрых’, *самляннг париденя* — ‘пять черных’, *мат’ няргьяна* — ‘шесть красных’ и т.д.

Прилагаемый оленеводческий терминологический словарь разбит по тематическим разделам. Отдельные слова записывались в тематической последовательности, а не в алфавитном порядке.

Записаны слова на практическом русском алфавите, т.к. никаких определенных установок по транскрибированию для северных языков в настоящий момент еще не выработано.

Словарь ненецких оленеводческих терминов прилагается.

Название оленей

ты — олень

Названия оленей по полу

хора — самец

яхадей — важенка

Названия по возрасту

сую — теленок

таску сую — новорожденный теленок

пендуй сую — теленок на грани линьки первой шерсти

нябллой сую — теленок в летнем волосе

мальцясана сую — теленок, пригодный для малицы¹

сывы сую — зимний теленок

хора нялуку — годовалый теленок самец

етя нялуку — годовалый теленок самка

нявця // нёвця — ублюдок

хора намна — полуторогодовалый самец

хабт намна — кастрированный полуторогодовалый олень

сырэй — двухгодовалая самка, т.е. важенка на первом отеле²

сидесь' хора — двухгодовалый самец, от *сидя* — числительное 'два', -сь' — суфф. имени орудия действ.

няхара хора — трехгодовалый самец

тет пота хора — четырехгодовалый самец, от числ. *тет* — 'четыре', *по* — 'год', *та* — прич. соверш. действ.

самлянгг пота хора — пятигодовалый самец, от числит. *самлянгг* — 'пять'

сырэй нисе'мя — важенка на первом отеле

небой сырэй нисе'мя — важенка, на втором отеле, от *небой* — 'прошлогодний'

сидесь' нисе'мя — важенка на втором отеле

няхар' ни'мяхананда мэна — важенка, находящаяся на третьем отеле

тет ни'мяхананда мэна — важенка, находящаяся на четвертом отеле

самлянгг ни'мяхананда мэна — важенка, находящаяся на пятом отеле

матад ни'мяхананда мэна — важенка, находящаяся на шестом отеле

си'ив ни'мяхананда мэна — важенка, находящаяся на седьмом отеле

пухуле'э хабт или *яхадей* — старый бык или важенка, от осн. *пуху* — старуха и жена.

¹ От глагола *мальцясь* — 'быть малицей' + суффикс назначения *-са* + суффикс причастия несовершенного действия *-на* — Прим. ред.

² Сырей — годовалая важенка, дожившая до зимы, *нисе'мя* от *нисям*- 'стать родителем' — Прим. ред.

Названия оленей по виду рогов

талвэй — узкорогий, т.е. олень с узко расставленными рогами

лэхосэй — с широко расставленными рогами в противоположность талвэй

харёй — олень с загнутыми рогами вперед

хылтуй — олень с прямыми рогами с наклоном назад

ламбэй — олень с широкими, плоскими и ветвистыми верхушками рогов

матюй — олень с обрезанными рогами

селюй — олень с очищенными рогами от шкуры, от осн. *села* — очистить рог от оболочки роговой

мортана — с неочищенными рогами в отличие от *селюй*, от осн. *мора* — “живой рог оленя”, *мортась* — ‘быть с живыми рогами’, *-на* прич. совершающ. действия.

малк//малкуй — безрогий, с отпавшими рогами или обрезанными по самому основанию

матюй яралё — олень с ветвистыми обрезками рогов

нямдри — олень, у которого рога по росту велики, от осн. *нямд* — ‘рог’, *-ри* — суфф. ограниченности

нямдлус — олень, у которого рога с изгибом, от осн. *лус* — ‘крутой изгиб’

нямд тёр — олень с узко расставленными прямыми рогами

нямд ямб — длиннорогий

нямд хэм — короткорогий от осн. *хэм* — ‘короткий’

нямд пай — криворогий

нямд тид’ *нгэда* — пряморогий, от осн. *тид*’ — ‘прямо’; *нгэ* — находится, быть, *-да* — причастие совершающегося действ.

нямд лылуй — олень с обломанными рогами

нямд матюй — олень с обрезанными рогами

нямд хабэй — с омертвелыми рогами

нирдасавэй — олень, обладающий передними отростками рогов, от осн. *нирд* — ‘отросток рога вперед’, *-савэй* — суфф. имени обладания

нирдаси — олень без отростков рогов спереди, *-си* — суфф. имени необладания

норцьде’э — олень с рогами без отростков сзади

хаво’лы — олень с надушной костью, от осн. *хаво* — род. п. мн. числа, *лы* — ‘кость’

хаво’ня — олень с надушным деревом /серьга/, от *хаво*’см. выше, *ня* — ‘дерево’

педцяда — олень без отростков рогов сзади, от осн. *пед*’ — отросток в центре рога сзади, *-ця* или *-ци* — суфф. имени необладания, *-да* — суфф. 3 л. личн. скл.¹

¹ Форма причастия настоящего времени (совершающегося действия) от основы *педця*. — *Прим. ред.*

сидям нирдата — олень с двумя отростками рогов впереди, от осн. *сидя* — числит. ‘два’, -м — суфф. вин.п., *нирд* см. выше, -та — прич. совершающегося действ.

сидям пыялёта — олень с двумя отростками рогов спереди, от осн. *пыя* — ‘нос’, -лё или -ли, -ри — суфф. ограничительный
вае’нямд — однорогий¹.

Названия оленей по телосложению

нгэ ямб хабт — длинноногий бык, от осн. *нгэ* — ‘нога’, *ямб* — ‘длинный’, *хабт* — ‘бык’

нгэ ямб яхадей — длинноногая важенка, это понятие может быть выражено от другой основы см. ниже.

пук ямб хабт — длинноногий бык, *пук* — название лапы птицы, в отличие от человека и животного

маха ямб хабт или *яхадей* — длинноспинный бык или важенка, от осн. *маха* — ‘спина’

маха хэну — олень с выгнутой спиной

хармуй — олень с горбатой спиной

вангарпэй — олень стройный без всячего живота

ик нга’ ло — олень с короткой шеей

ябта хабт — тонкий бык

ябта яхадей — тонкая важенка

тэва ямб — длиннохвостый

пыя хубу — горбоносый

тай пари — чернолобый

нгэва пириця — олень с высоко поднятой головой

пися хунггя — олень с мышинными передними ногами

лэдыри — олень с длинным позвонком

тив нгарка — большепузый

сидям пирбята — олень с двумя загривками

няванга — олень с заячьими ушами

тэва лус — олень с кривым хвостом

немдя ямб — олень с длинным волосом под шеей

ик хара — олень с кривой шеей

хардыта — олень с длинной шерстью

тар’ нянз — олень с мягкой шерстью

тар’ ябтий — олень с крепкой и прямой шерстью

¹ *вэй*” один (из парных членов тела человека или животного) (НРС: 11). — Прим. ред.

Названия частей тела [олениа]

- ха* — уха
хальмер нгэвэй — задняя часть мозга от осн. *хальмер* — ‘покойник’,
нгэвэй — ‘мозг’
ханды — двенадцатиперстная кишка
ханзи — отверстие уха
ха ту’мер’ — жир в основании уха
хэвиц’ — ребро
хэв панг // вэя пангг — корни крови
хоба — шкура
хоба хавонор’ — часть шкуры около ушей
хоба ямбак — край шкуры около лба
хоба ик — шея шкуры
хоба няра — мездра шкуры
хоба няна — пух на шкуре
хоба нензу — слизистая оболочка на шкуре оленя
хоба пемдя — длинная шерсть под шейей оленя
хоба пирбья — на шкуре место переднего горба
хоба пирбья нянз — пух на загривке оленя
хоба подер’мю — место на шкуре, покуда проходит лямка
хоба сул — край шкуры
хоба сивци — свищевые дыры на шкуре
хоба тар’ — шерсть шкуры
хоба тэванор’ — край шкуры около хвоста
хоба торанор’ — тонкие места шкуры
хоба ту’мер’ — жир на шкуре
хорангэсь’ — половой орган самца
хунггья — передняя нога оленя
хунггья нелак — икра передней ноги оленя
хунггья нгэ еся нгэсо’ — нижний сустав передней ноги
хунггья нгэ еся хэва — мозг нижней кости передней ноги
хунггья нгэ еся — нижняя кость передней ноги
хунггья тасий нгэсо’ — нижняя суставная кость передней ноги
хунггья сингг — подъем передней ноги
хунггу — горло
хунггу нер’ — хрящ горла
нгамнелада ик нгэсо’ — вкусный сустав шеи
нганзи — моча
нгангг — мочевой пузырь
нгавод — бедро
нгавод по’ — соединение позвонка с тазом

- нгэва* — голова
нгэвэй — мозг
нгэвэйць' — череп
нгэвэйць' *хоркадю* — внутреннее черепное пространство
нгэвэй нензу — мозговая оболочка
нгэвэйць' *савак* — острое место на черепе
йй нгамза — мясо, покуда проходит лямка
йй — жир спереди лопаток и тянущийся вниз между передних ног
йй ти' — см. *йй*
ямбак — угол лица
ярцонггэй — колено задней ноги
едю — тонкая кишка
едю мадю — изгиб кишок
едю палка — кишечный кал
ей' — ямочки с боков в конце позвонка
ерь хэваць — среднее ребро из передних
ик — шея
ик мар' — железа шеи
ик нензу — слизистая оболочка, покрывающая шею
ик нгэсо' — сустав шеи
ик тэ' — жила шеи
ённг — передний сустав шеи
юху — маленькая брюшинка
лад хэваць — переднее ребро
латако — лопатка
латако хэва лы еся — средняя часть лопаточной кости
латаку хэва лы хэва — мозг лопаточной кости
латаку хэва лы нгэсо' — сустав мозговой лопаточной кости
латаку хэва лы — мозговая кость лопатки
латаку нелак — лопаточная икра, см. хунггля нелак
латаку нелак хэва — мозг средней кости передней ноги
латаку нелак хэва лы — вторая средняя кость передней ноги
латаку нелак хэва нгэсо' — сустав второй средней передней ноги
латаку нгамза — лопаточное мясо
латаку нелак нгамза — мясо второго среднего сустава передней

НОГИ

- лэды* — позвонок
лэды нуриу — кровеносный сосуд, идущий вдоль позвонка
лэмбара — грудь
лэмбара нидак — хрящи с краю грудной клетки
лэмбара нгэва — головка груди
лэмбара ту' — грудной жир

лонга — яичко
люси — селезенка
маханий хунггя пена — камыс правой передней ноги
маханий — латако правая лопатка
маханий пунгы пена — камыс правой задней ноги
маха тэ' — спинная жила
маха ту' — спинной жир
малдѣда — кишка, покрытая жиром, от осн. *малдѣ* — быть закрытым
мэхэй — мясо на позвонке
мыд — печень
мыд нгамза — печеночное мясо
монзангг — холка
монзангг хэва лы хэва — мозг заднего верхнего сустава ноги
монзангг хэва лы — кость верхнего сустава задней ноги
монзангг хэва лы нгэсо' — верхний сустав задней ноги
монзангг нгамза — мясо от холки
над' — сопля¹
нармэй — носовая полость
нармэй нензу — слизистая оболочка носовой полости
нармэй нер' — хрящ в носовой полости
навангг — жировая оболочка кишок
ня' — рот
нябилад хэваць' — второе переднее ребро
няби лад хэваць' нгэсо' — сустав второго переднего ребра
няхарамдэй — третье переднее ребро
няхаремдэй лад хэваць' нгэсо' — сустав третьего переднего ребра
нялу — семенник
нялу пангг — кровеносные сосуды семенника
нямд — рог
нямю — язык
нямю мал — конец языка
нямю мар' — языковая железа
нямю лы — языковая кость
нямю нгылы ентѣ — подъязыковое соединение
нямю паха' — основание языка
нямю сяр' — поверхность языка
нянко — брюшина
нянко пир' — внутренняя шороховатая оболочка брюшины
нянко сѣ — пищевод
нянзи — полость рта
нянгу — нижняя челюсть
нянгу лы — кость нижней челюсти

¹ Прим: *надѣм'* 'сопли' (РНС: 228). — Прим. ред.

- нянгу лы хэва — мозг нижней челюсти
нянгу лы нгамза — мясо нижней челюстной кости
нянгу лы паха' — основание нижней челюстной кости
нянгу мал — передний конец нижней челюстной кости
не'нгэсь' — половой орган самки от осн. не — женщина, нгэ — быть, находится, -сь' — суфф. орудия действ.
нерний хэвиць' — переднее ребро
нерний тибя — передний зуб
нюртей лад хэваць' нгэсо' — сустав первого переднего ребра
падя — желчь
пала — задняя кишка
палканзи — отверстие заднего канала
парны вар — края заднего канала
павэ — затылок
пемдя — длинная шерсть под шеей
пена — камыс
пена яриунггэй — колено камыса задней ноги
пена еся — средняя часть камыса
пена матыр' — место обреза камыса
пена паха' — основание камыса
пена пулы — колено камыса
пена сингг — подъем камыса
пена вэра — щетка камыса
пибтя' — губа
пирбя — загривок
пья — нос
пья мал — конец носа
пьянзи — отверстие носа
подер'мю — место, откуда проходит ляпка
пуду — позвоночный мозг
пунзу — жир на. задней ноге
пунгы — задняя нога
пунгы еся — нижняя часть задней ноги
пунгы еся хэва — мозг нижней части задней ноги
пунгы еся нгэсо' — сустав нижней части задней ноги
пунгы мал нгэсо' — сустав основания задней ноги
пунгы нелак — икра задней ноги
пунгы нелак хэва — моет икряной кости задней ноги
пунгы нелак еся — средняя часть икряной кости задней ноги
пунгы нелак нгамза — мясо икры задней ноги
пунгы нелак нгэсо' — сустав икряной кости задней ноги
пунгы терензя — маленькое копытце задней ноги

пунгы тэ' — жила задней ноги
пунгы тоба — копыто задней ноги
пулы — колено передней ноги
ся' — лицо
сябер' — брюшная мышца
сябер' нензу — брюшная оболочка
сяд лы¹ — кость лица
сянув пад — мешочек личинок в гортани носового овода
сятаний хунггя пена — камыс левой передней ноги
сятаний латако — левая лопатка
сятаний пунгы пена — камыс левой задней ноги
сей — сердце
сей малдэ — сердечный жир
сей пурцу — кровеносные трубочки сердца
сей тивак — сердечное легкое
селв — сгустившаяся кровь
сэв — глаз
сэв яляко — белок глаза
сэв и' мя — самый край глаза
сэв леню — жир глаза
сэв лы — надглазная кость
сэв нялеко — зрачок глаза
сэв нензу — глазная оболочка
сэв пангг — кровеносные нервы глаза
сэв пуду — основание глаза
сэв ту' мер' — жир в основании глаза
сэв вангг — яма глаза
сэв вар — край глаза
сё — пищевод
сёйць' — гортань
суик/ки/ — почка²
суик ту' — почечный жир
синю — таз
синю пуду пангг — часть спинного мозга, проходящая по тазу
сю' — пупок
тай — лоб
тава — кишечный жир
тава мар' — кишечная железа
та'ванабць' — коренной зуб
тава ту' — кишечный жир

¹ сяд' лы (ся':gen.sg. 'лицо', лы 'кость')

² -хи/ки суффикс дв. числа. — Прим. ред.

темзя — маленькое копытце
тетимдейлад хэвиць' — четвертое переднее ребро
тетимдейлад хэвиць' нгэсо' — сустав четвертого переднего ребра
тэмбой — жила
тэнгга — жир между пахами
тэва // сани — хвост¹
тибья — зуб
тибья паха' — основание зуба
тилю — основание рога
тил'нго'ма — место нахождения рога
тив — содержимое брюшины
тивак — легкое
тив' нгамза — десна
тоба — копыто
ва'набця лы — коленная косточка задней ноги
вары хэвиць' — крайнее ребро
вэя// хэм' — кровь
вэра — щетка

Название оленей по мастям

сэрак — белый, от осн. *сэр* — 'белый' -ко — суфф. уменьшительный.
сэре'э — белущий
няравэй — очень белый
няраве'э — очень белущий
париденя — черный, от осн. *паридесь* — 'быть черным', -ня прич. совершающегося действ.
парисе'э — чернущий
си'лаха париденя — черный подобно тени, от осн. *си* 'тень', -лаха суфф. уподобительный
тай пари — чернолобый
вэра пари — олень с черными щетками
падвы — пестрый, от осн. *пада* — писать, -вы причастие совершавшегося действ.
падве'э — пеструщий
хатре'э — пятнистый пестрый
пья мал — конец носа
тай сэр' — белолобый
лад сэр' — олень с белыми лопатками
нгавод сэр' — олень с белым задом
тоба сэр' — белокопытный
тай хаерэй — олень с белой полосой на лбу

¹ *сане''(с)/ сани''(с)* крайне-зап. хвост (НРС: 453). — Прим. ред.

хорха — березоподобный, от осн. *хо* — ‘береза’, *-рха* или *-раха* — суфф. имени уподобительности

хорсе’э — березоподобный

яляко хорха — светло-березоподобный

яляко — светлый

сэлха — белоподобный

няргяна — красный

яляко няргяна — светлокрасный

париденя няргяна — темнокрасный

сэлха няргяна — белоподобный красный

илебицлха — подобный дикому оленю

няркуця — мохоподобный

тэ’мук — желтовато-темного цвета

халэв — чайка

силере’э — молодая серая чайка

Названия по кастрации

хабт — бык

яна хабт — смирный бык

хэхэдана хабт — недрессированный бык

менаруй — бык кастрированный, но не дрессированный, оставленный на украшение стада

хоранггабт — бык, неудачно кастрированный

Названия по стельности

мынадёй — стельная важенка

нядако — поздно отелившаяся важенка

ванггды — от осн. *вангг* — яма, *ды* это *ты* — олень

хабтарка — быкоподобная, от осн. *хаот* — бык, *-рка* суфф. имени сравнения

хасуй ванггды — сухая яловая. В отличие от тех, у которых был выкидыш

нензады — яловая ежегодно, не роняющая своей упитанности

хора хабтарка — самец *хабтарка*, т.е. самка с придатками органов самца

хасуй хабтарка — сухая хабтарка, у которой ни разу не было зародыша теленка

таркасавай — важенка с новорожденным теленком, от осн. *тарка* — отросток *савэй*, суфф. имени обладания¹

¹ *тарка* — отросток, *савэй* — суфф. имени обладания. — Прим. ред.

Названия свойств и качеств

- хальырта* — недрессированный передовой
халцокад — передовой, свертывающийся вправо
хореко — самец от осн. *хора* — самец, ко суфф. уменьшительный
хоре — самец
холеко — см. *хореко*, это то же самое
хэхэдана — недрессированный
яна — смиренный дрессированный
евако — безродный
ламдик — низкий
ланд — неповоротливый, ленивый
лэнгсана — передовой неидуций¹
марюй — не поддающийся дрессировке
мя'енггад — олень, склонный приходить на мочу человека
муйха — передовой, не справляющийся с другими оленями в упряжке
мунгграха — стрелоподобный
мунггрена — это то же, что *мунгграха*
нямгалтана — еле передвигающий ноги
нарюй — храбрый, не жалеющий своих сил
на'волик — олень в упряжке, толкающий передового
нёр // *нёрас* — олени, привязчивые друг к другу, которые неразлучно ходят вместе
нёрсяда — олень без привязавшегося к себе другого
ну'умрана — олень гордый, бойкий
нгавка — олень, прирученный к чуму
нгамлутна — жадничающий
нгэва тоенана — твердоголовый /принято говорить по отношению непослушных передовых/
нгэва тибей — гнилоголовый /по отношению к передовому/
нгэва мадэхэй — <с> порезанной головой
нгый — смиренный, не убегающий от поимки арканом
письннгад — олень, склонный к мышеедению
пуйхананда сава — возовой олень, не дергающийся назад
салу — возовой олень, все время упирающийся назад
санарта — олень, перепрыгивающий через <ограду> загона
симбей — ненасытный
сэхэ — не поддающийся к поимке
тэмг — послушный передовой
варю — олень, отрывающийся от человека
варннгад — олень, склонный убежать от стада, за грибами, за дохлыми мышами или при недостатке зелени
вэуннгад — олень, склонный набрасываться на собак

¹ Ср. *лэнгамзь* — перен. 'отказаться, уклониться от ч-л.' (РНС: 159). — Прим.ред.

вэднда — олень, не поддающийся к поимке
выдрена — бойкий, игривый
вэбтый — сердитый

Названия ездовых оленей

нензаминдя — передовой от осн. *ненза* ‘прямо’, *минзь* — ‘идти’, *-да* — прич. совершающегося действ.

нернямэта — передовой от осн. *нерня* ‘впереди’ *мэць* — ‘держатъ’, *-та* — прич. совершающегося действ.

нгудахы — передовой, от осн. *нгуда* — ‘рука’ *-хы* — суфф. имени принадлежности /дословно ‘к руке принадлежащий’/

неры — передовой, от осн. *нер* ‘передъ’, *-ы* усеченная форма *-хы* суфф. имени места принадлежности

нензаминдя хэвхы — олень в упряжке, идущий справа от передового (НРС: 242)

нерня мэта хэвхы — находящий возле передового от осн. *хэв* ‘сторона’

нгудахы хэвхы — <находящий возле передового>

неры хэвхы — <находящий возле передового>

самляннг еркы — средний из пяти, от осн. *самляннг* — числительное ‘пять’, *ерь* — ‘середина’, *-кы* суфф. имени места нахождения

вары — крайний¹

пелей — крайний от осн. *пеля* — ‘половина’, это обозначение применимо ко всем оленям в упряжке, кроме передового

няхартэць — средний из трех в упряжке²

саси — без постромки

ханты — упряжка нарты

мюдзи — упряжка аргиша, от осн. *мюд* ‘аргиш’ *-зи* ‘или’ *-си* ‘покрышка’

вата — свободный, излишний, незапряженный

нензета — незапряженный

ханмбуй — олень, запряженный за легкоковой нартой

нютня — тянущий вазовую нарту

мюд ты — олень, запряженный в аргиш

вандакомбуй — олень, запряженный за нартой *вандако*

ня вандакомбуй — запряженный олень за нартой *ня вандако*

ларьмбуй — олень, запряженный позади нарты *ларь*

юхунамбуй — олень, запряженный позади нарты *юхуна*

сябумбуй — олень, запряженный позади нарты *сябу*

вандаконзи — олень, запряженный в нарту *вандако*

ня вандаконзи — олень, запряженный в нарту *ня вандако*

ларьнзи — олень, запряженный в нарту *ларь*

¹ От *вар* ‘край’ + усеченный суффикс имени принадлежности. — Прим. ред.

² От *няхар* ‘три’ + *ты* ‘олень’. — Прим. ред.

юхунанзи — олень, запряженный в нарту юхуна
сябунзи — олень, запряженный в нарту сябу
нгутоснзи — олень, запряженный в нарту нгутос

Термины размножения

хор' ирий — месяц самцов, т.е. течки
хор' туро'ма — хорканье самцов во время течки
тадра — быть самке в периоде течки
вахадей тадрава — период течки важенок
хорбма — производить акт течки
ненэй ниць — месяц настоящего отела важенок

Названия болезней оленя

посахабцо, *вэвако хабця'и поса* — сибирка, от осн. *поса* — 'раздуться',
хабця' — 'смерть'¹, *вэва* — 'плохая', -ко суфф, уменьшительный.
тоба хабця', *тоба* — копытка
лека — копытка < 'расколоться'²
сей хабця' — сердечная болезнь
тивак хабця' — легочная болезнь
люси хабця' — селезеночная болезнь
нгэва хабця' — головная болезнь
яра — нарост
пуду хабця' — болезнь позвоночного мозга
соярад хабця' — болезнь от зараженной зелени
мэдьць' — болячка
тэ'эм хабця — болезнь желтухой
едю мэдьць' — кишечная болячка
нгэ мэдьць' — болячка ноги
палкамбада хабця' — понос
тебкамбада хабця' — припадочная болезнь

Термины перекочевок

неда — аргишница³
недарма — дорога, изрезанная многочисленными аргишами и в про-
должении многих лет⁴
сехэры — дорога
ямда — скочевать⁵

¹ 'смерть, болень, -и суфф. увеличительный. — Прим. ред.

² *мэдьцо* — б.-з., вет. 'копытный рак, копытница' (НРС: 216). — Прим. ред.

³ След аргиша (НРС: 237). — Прим. ред.

⁴ Изъезженная дорога. — Прим. ред.

⁵ Перекочевать с чумом на новое место.

- мюсе* — перекочевывать
мина — стоять чумом
нгэсо — стать чумом
мяды — чумовище
мядырма — место многократного становища чумом
нгудондана — прокладывающий след впереди аргишев, от осн. *нгудон-*
да ‘след прокладывать’, *-на* — прич. совершающегося действия
нулта — остановиться
нгара — жить самостоятельно с чумом¹, от осн. *нгар-* ‘величина’
ёнда — перекочевывать в одну сторону. Термин больше употребляется
для обозначения перелета птицы и зверей.
мюд — аргиш
мю — перекочевка
мяпой — караван, снаряженный с небольшим количеством быков, от
осн. *мя’* — ‘чум’, *-пой* — суфф. порядковости
пэндъя — складывание каравана, снаряженного с небольшим количе-
ством оленей², от осн. гл. *пэнзь* — ‘положить’, *-да* — прич. совершающегося
действ.
самбэриць — передом³ ехать во время аргишения или в гонках за пес-
цами
таньрта — переганивающий⁴ стадо
сола — прицепить за нартой другую нарту
вадлась — повести
нгэдалава — верста
нгэдалава по’ — промежуток версты⁵

Термины дрессировки оленей

- тохола* — выучить, от осн. *тохо* — выучиться, *-ла* — суфф. начина-
тельного вида
янимда — выдрессировать
нензада’ла — надрессировать передовым
танара — надрессировать с большим трудом
пахала — дрессировать недрессированного оленя между упряжкой

¹ Отдельным чумом. — *Прим. ред.*

² Т.е. ‘погрузка вещей на нарты и составление их в аргиш’, ср. *пэндъя* груз (НРС: 430). — *Прим. ред.*

³ Т.е. впереди, задавая направление, ср. *сэмбэйц’* перен. заманить кого-л. куда-л.; натолкнуть кого-л. (на какое-л. действие) (НРС: 450). — *Прим. ред.*

⁴ Т.е. ‘перегоняющий’, ср. *таньрта* ‘гонщик оленей за аргишом’ (НРС: 541). — *Прим. ред.*

⁵ Перегон — *Прим. ред.*

марю'лабта — довести дрессируемого оленя до того, как он начнет ложиться, от осн. *марю'ла* — начать ложить оленя во время дрессировки, *-бта* — суфф. заставительности¹

халылабта — попортить дрессированного передового, от осн. *халыла* — начать кружиться передовому, суфф. *-бта* см. выше

ядюла — сделать смиренным

тидхала — направить прямо передового

тэмгомда — сделать послушным дрессируемого передового

лонггалта — подвязать к дрессируемому оленю за шею специальные палки для усмирения

тобе'ла — подвязать ноги ремнями или подвязать специально сделанные колоды с таким расчетом, чтобы олень не мог далеко убежать от человека

енгада'ла — подвязать ноги ремнями от осн. *енга* 'шаг', *-да* — суфф. 3 л. ед. числа, *-ла* — суфф. начинательности

Термины кастрирования

хабтанзь — кастрировать

нялкаць — выдергать /семенники/

сяторць — искутать /семенники/

ладорць — исколотить /палкой семенники/

Термины поимки оленей

ёркола, *нултанго* — загонять смиренных быков в загон, от осн. *ёрка* — 'полукруг', это же обозначение употребимо к изгибу реки хребта и т.д., *-ла* — суфф. начинательности, *нулта* — 'остановить', *-нго* — суфф. незавершенного действия

яркола — вылавливать оленя арканом, от осн. *ярка*- 'заловить /оленя/ арканом'

ярка — заловить оленя арканом

тынзь — вылавливать оленя арканом от осн. *ты* — 'олень'

иркадта — заловить моментально

иробта — см. *иркадта*

ёнгонзь — заловить /оленя/ арканом за шею, от осн. *ённг* — 'передний сустав шеи'

тобе'ла — зацепить арканом /оленя/ за ногу

нгэмалта — заловить /оленя/ арканом за конечность ноги, от осн. *нгэ*- 'нога', *мал* — 'конец'

¹ Т.е. научить оленя ложиться по приказу дрессирующего, от основы 'начинать укладывать оленя во время дрессировки'; *-бта* суффикс каузатива. — *Прим. ред.*

пыя малта — заловить оленя арканом за конец носа, от осн. *пыя* — ‘нос’, *мал* — ‘конец’, *-та* — суфф. глаголообразующий

тилта — заловить оленя арканом по основанию рогов, от осн. *тил-* форма вин. п. мн. числа предмета¹, суфф. *-та* см. выше.

нялта — пропустить оленя свободно через петлю аркана, от осн. *нялиць* — ‘войти’, *-та* — суфф. незавершительности действия

няхабта — упустить, промазать, от осн. *няхя* — ‘мусор’, *-бта* — суфф. заставительности

варкабтё — соревноваться во время поимки оленя

варкабта — победить в соревновании

сапярте — упереться, натянуть туго арканом

Термины перегонок стада

тана — пригнать

вэхэрта — спугнуть стадо, быстро погнать

харцара — приостановить стадо

сара — вернуть стадо назад

майра — чуть-чуть приостановить стадо

лябамла — спугнуть стадо чем-нибудь неожиданно

лэнгамла — изменить направление стада

сябарць — круто погнать оленей собакой /дословно обтесать/

харумда — согнуть направление стада

нерте — опередить

сюрте — окружить

вадламба — вести стадо

вадла’ма — олень, которого ведет пастух и за которым следует остальное стадо

лабаць — отколупывать² стадо многократно

лядаць — раскалывать стадо многократно³

вэхэра — напугаться стаду

вэнула — напугаться стаду, от осн. *вэну* — форма вин.п. мн. числа предмета⁴, *-ла* — суфф. начинательного действия.

сарняхалц — пойти стаду по одной тропинке

тахарабта — заставить стадо разбрестись в разные стороны

¹ Неясно, какое точное значение имеет эта основа; возможно, близкое значение сохранилось у глагола *тиля* — ям. ‘нижнее переднее ответвление рога с обрезанными концами’ (НРС: 570). — Прим. ред.

² Т.е. отделять часть стада, *лабаць* — ‘вытрясти, вытряхнуть, отряхнуть (много раз или многое)’ (НРС: 121). — Прим. ред.

³ Отделить несколько оленей — Прим. ред.

⁴ **вэно’(н)* — ‘страх’. — Прим. ред.

варанзь — расходиться стаду за грибами или при недостатке зелени
парыбта — отряхнуться оленю
тане'ла — заставить оленей бежать рысцой
мя хара — тяжело дышать /оленю/
лынзра — извиваться¹ стаду от оводов или комара
мыхыра — биться стаду от овода или комара
сюрлабта — заставить стадо кружиться
нуць — остановиться стаду
нубць — место стоянки стада во время жары
паде — биться стаду во время жары
падь' — место битвы² оленей во время жары
е — окарауливать стадо в ночное время
тэ'на мэ — окарауливать стадо днем

Термины видов почвы

таб — песок
яра — сухое песчаное место
монгга — измененность болотистая /торфяник/
нярмхой — хребет с суглинистой почвой и красным ягелем
садер' — место с лужами
няхабта — глина
сабол' — торфянистый зыбун
табэй — песчаник
нянггад — почва со строевым³ мохом
нярцу — белый мох, употребляемый на подстилку детей

Термины, связанные с пастбищем

няда — ягель
пур' няда — ягель плесень
пэдаракораха няда — лесоподобный ягель
нярм няда — красный ягель
халбуй няда — продолговатый ягель
яра няда — боровой ягель
монгга няда — болотный ягель
сада няда — ягель, растущий на луже
нгамдэ' — трава
ты вэмня — лист, который любит олень

¹ Т.е. метаться. — Прим. ред.

² Т.е. страдания от гнуса. — Прим. ред.

³ Мох, употребляемый при постройке в качестве конопатки (НРС: 292). — Прим.ред.

марангга вэба — лист кустов морошки
лабц — истоптанное место оленями
хадо — место, объединенное оленями
тыбне'мя — разрытая яма оленем в поисках пищи
сарня — тропа оленей

Термины насекомых и паразитов

сиби пилю — свищевый овод
сянув пилю — носовой¹ овод
юну пилю — лошадиный овод
ненянг — комар
ниберю — мошкара
сиби — личинка свищевого овода
сянув — личинка носового овода

Термины пастуха и его вещей

еня — караульщик в ночное время
ты пэртя — оленепас
тэ'на мэна — в оленях находящийся, от осн. *тэ'на* — местн.п., полная форма *тэхэ'на* — 'в оленях', *мэ* — 'находящийся', *-на* — прич. совершающегося действия
сярда хан — нарта караульщика, от осн. *сяра* — быть связанным, *да* — прич. совершающегося действия, *хан* — нарта
сярда — упряжка караульщика
тюр — шест для понукания оленей
тынзя' — аркан для поимки оленей
тынзя' вэ' — задняя часть аркана
сармик — костяной блочек на переднем конце аркана
няда янгац' — колотушка для ягеля
ни — пояс
хар — нож
тубка — топор
туни — ружье, от осн. *ту* — огонь, *ни* — пояс
сок // савк — мужская верхняя одежда²
сок пялик — лоскут из шкуры, подкладываемый во время караула в сильные морозы на подбородок для сохранения от льда

¹ *сяну' пилё* 'носовой овод'; *сянув* (б.-з.) 'личинка носового овода' (НРС: 518). — Прим. ред.

² *сáвк* б.-з. и зап. 'совик (верхняя меховая одежда мужчины, надеваемая в сильные морозы поверх малицы, шьётся мехом наверх)' (НРС: 443). — Прим. ред.

наро' — шкура для сидения на нарте
нгамдёрць' — место для сидения на нарте, от осн. нгамдэ сидеть, -р — суфф. повторности или многократности, -ць' суфф. имени орудия действ.
хурку — вязка¹ нарты
хансиндер — покрывало нарт
тар'ни' — покрывало женских нарт, сшитое из шкур
нойни' — суконное покрывало нарт
яхелабць' — тонкий нож для вытачивания дырьев копыла и др. предметов, от осн. *яхалэ* — вытачивать дырья, -бць' — суфф. имени орудия действ.
толата — долото
пянггар — тонкий узенький нож для вытачивания дырьев копыла и др. предметов, от осн. *пя* — дерево, *нггар* или *хар* — нож
парэ' — сверло
наря — копые на заднем конце жеста для понукания оленей
тюрмал — костяной наконечник на переднем конце шеста для понукания оленей

Названия, некоторые клички и окрики гончих собак

вэ' — собака
вэнеку — собака, от осн. *вэ'* — задняя половина, вторая осн. *вэн* с соединительным -ку или -ко в литературном начертании — суфф. имени уменьшительности
хора вэнеку — собака самец
етя вэнеку — собака самка
яндуду — тонкошерстная собака
суцька — сучка /русское/
лыско — лыско /русское/
лапо — лапа
сёрно — черный
пуру — бурый
тарко — шерстистая от осн. *тар'* — 'шерсть', -ко — суфф. уменьшительности
налто — называют собак с мохнатой и талной² шерстью
падё — пестрая
ливко — мохнатая
хакия — ушко, от осн. *ха* — ухо, -к — суфф. уменьшительности, -ция — суфф. ласкательно-сожалительный
икса — шейка
хорти — от детского лепета 'самец'
няврю — светлая

¹ Приспособление для увязывания. — Прим. ред.

² Неровной.

халку” — ненасытный, от осн. *хал* — ‘ненасытный’, -ку- суфф. уменьшительности

етяку — самочка

хораку” — ‘самец’ уменьшительно

мадку” — лай

тёняку” — лисичка

терензя — с лишними коготками на задней ноге

терё — маленький задний коготок, полная форма *терензя* см. выше.

лабт — собака с виснувшими ушами

падвы — пестрая

хадак — коготок

юдак” — зарубочка

тайко” — лобик

ик сэрко — белошеевый

сэвко” — глазок

нохоко” — песец

сэрко” — беленький

пися — мышь

тасо — желтого цвета

халак — глухая¹ рукавица

мадак — обрезок

и т.д.

пр — бери²

хусь — науськивать

мэсь — хватить

ля — выкликание собаки к себе

Термины оленней сбруи

а) Название сбруи 5-ти упряжной нарты

нгэваиня — вожжа, от осн. *нгэва* ‘голова’, *иня* ‘ремень’.

мэтаиня — вожжа, от осн. *мэць* ‘держат’, -та — прич совершающегося действ.

иня — вожжа-ремень

мэта иня сятаний сян — левая надлобная кость держимого ремня

ямдю — украшение, кисточки на уздечке

вэбарка хоба ямдю — кисточки для украшения из шкуры белухи

ты хоба ямдю — кисточки украшения из оленьей шкуры

тобъёва ямдю — кисточки украшения из кожи

¹ Пришитая к верхней одежде. — Прим. ред.

² Записано несколько междометий-команд для собак. — Прим. ред.

- мэта са* — держимая¹ постромка
ямб са — длинная постромка
няхартэць — постромка третьего и среднего оленя, от осн. *няхар* ‘три’,
 <ты/тэ> ‘олень’, -*ць* — суфф. орудия действ.
ё’иня — седло, от осн. *ё* ‘углы рта’, форма вин. п. мн. числа предмета,
иня ‘ремень’
пеле’иня сярась — см. *ё’иня сярась*, это тоже обозначение, но от разных
 основ *пеле*. Это *пеля* — половина, часть упряжки
ё’иня иня нясик — пуговица вязки седла
ё’иня мара — петля седла, от осн. *мара* — ‘петля’
ё’иня лы — кость седла
халцо’лы — косточка на седле передового, которая устроена для того,
 чтобы не падала вожжа вниз, от осн. *халцо* — ‘червь’, *халицоць* — ‘как червь’,
 передовому перебрасывать вожжу через спину
ё’иня лэбтна — висящий конец седла от осн. *лэбта* — ‘висеть’ -на прич.
 совершающегося действ.
нензаминдя таркабтёда — развилка /лямка/ передового от осн. *тар-*
кабтёсь — ‘быть развилкой’, -*да* — прич. совершающегося действия
таркабтёда мара — петля лямки развилкой
ё’иня иня — связка² седла
таркабтёда сись — пуговица лямки или вязка
таркабтёда лы — кость лямки развилки
нензаминдя хэвхы са — постромка оленя возле передового, от осн.
хэв — ‘сторона’, *хы* — суфф. имени места нахождения
нензаминдя хэвхы пеле’иня — уздечка оленя возле передового
мэта иня нясик — пуговичка вожжи
мэта иня пня иня — ремешок над носом уздечки вожжи
мэта иня сёёт — подошейник вожжи
мэта иня ямдю — кисточки украшения на уздечке вожжи
мэта иня сюрня — блочек /вертушка/ вожжи, от осн. *сюра* — ‘кружить-
 ся’, -*ня* — прич. совершающегося действия
ерь са — средняя постромка
пелей хэвхы са — постромка возле крайнего
ирт’ нгда са — прямая лямка от осн. *ирт* — прямо послелог, *нгэсь* —
 ‘находиться’, -*да* прич. совершающегося действ., *подер* — ‘лямка’
пелей хэвхы таркабтёда — лямка-равилка возле крайнего
таркабтёда сися мара — петля от вязки лямки
сися’нясик — пуговичка от вязки развилки
пеле’иня сярась’лы — кость для завязывания уздечек крайних
пеле’иня сян — плоская кость на уздечке

¹ Которую держит едущий. — Прим. ред.

² Веревка, вязка. — Прим. ред.

пеле'иня сюрня — блочек /вертушка/ уздечки
пеле'иня сёт' — подошейник уздечки крайних оленей в упряжке
пеле'иня пэяд' — налобник уздечки
пеле'иня пыялы — носовая косточка уздечки
пеле'иня пясик — пуговичка уздечки крайнего
пеле'иня ямдю — кисточки для украшения уздечки крайних в упряжке
еркы пеле'иня — средняя уздечка
пелей хэвкы пеле'иня — уздечка оленя возле крайнего в упряжке
вары пеле'иня — уздечка крайнего в упряжке
нензариць³ — блочек для скольжения постромки
нензариця⁴ иня — ремешок для привязывания блочка
вырка'лэ // ентёда — ремешок, растянутый от постромки

б) Сбруя для возовых нарт

вата са — возовая постромка, от осн. *ваць* — 'быть излишним', *-та* — прич. совершающегося действ.

вата са подер — возовая ляжка
вата са пясик — пуговичка возовой постромки
пуй — привязь бокового быка к передним нартам
пуй сян — боковая кость задней уздечки
пуй пясик — пуговичка задней привязи
пуй сярась' — место привязывания задней привязи
пяця' — блочек для скольжения возовой постромки
пиця' — палочка, прибитая к головке нарт для скольжения возовой постромки

Названия нарт и частей их

а) Виды нарт

хан — нарта
нгэдалёсь' — легковая нарта, от осн. *нгэдалё* 'ехать налегке', *-сь'* — суфф. орудия действ.
негган — женская нарта, от осн. *не* 'женщина', *нгган* или *хан* 'нарта'
хурюда — связанная нарта' от осн. *хурё* 'быть связанным'
вандако — нарта с нешироким основанием, от осн. *ванда* 'быть с нешироким основанием внизу', *-ко* суфф. уменьшительности
пя вандако хан — нарта для деревянного *вандако*, т.е. деревянного ящика
ларьхан — ларь (русское слово)
ясык хан — нарта для ящика⁵

³ *нензариць'(н)* (РНС: 242). — Прим. ред.

⁴ *нензариця'*. — Прим. ред.

⁵ Для хранения продуктов. — Прим. ред.

хурумы — возовая нарта для тяжелого и твердого груза, от осн. *хура* ‘связать’, *-мы* — причастие совершившегося действ.

нгурос — возовая нарта для тяжелого груза, выделяются из толстых деревьев и грузные на вид, довольно уродливые, *нгурос* происходит от русского ‘урос’

юхуна — нарта для постели

сябу — нарта для чумовых досок

нгуто — нарта из-под шестов, от осн. *нгу* ‘шест чумовой’

норт — длинная нарта без боковых досок и с длинным настилом досок

хаби норт — остяцкая нарта, см. *норт*

мюд хан — нарта аргиша

вата хан — возовая нарта

пи’хан — дровяная нарта, от осн. *пи’* — форма род. п. мн. числа предмета

нгамзи’хан — мясная нарта

сынзь’хан — продуктовая нарта с початым мешком муки

харёй хан — выгнутая нарта

хутаяда хан — негнутая нарта

тё’люхан — нарта с сильно загнутыми полозьями

мадгаяда хан — нарта с нешироко расставленными полозьями

лехэвтёда хан — нарта с широко расставленными полозьями, от осн.

лехэбтёсь ‘быть с широко расставленными полозьями’

б) Название частей нарты

хан нгэсо’ — сустав нарты, т.е. корпус

ханз’ — полоз

хан пыя — головка нарты

харму — передний изгиб полоза

сёнзяри — средняя часть полоза, от осн. *сёнзя* ‘желудок’, *-ри* — суфф.

ограничительный

хан нгэ — копыл нарты, от осн. *нгэ* ‘нога’

хан нгэ си — отверстие копыла

хан нгэ паха’ си — отверстие для основания копыла

хан нгэ нгэва — головка копыла

хан нгэ сэхэ — утонченная часть копыла

хан нгэ нгэва си — дырка для закрепления головки копыла

ханзад ябцу — задний конец полоза, от осн. *ханзад* ‘полоз’, *ябцу* — ‘хвост рыбы’

нин — продольная перекаладина нарт

нинлад — передняя часть продольной перекаладины нарт

нин вану — задний конец продольной перекаладины нарт

нярт’ — поперечная перекаладина нарт, от осн. *няр’* ‘поперек’

няртад нгэва — головка поперечной перекаладины

няртад си — дырка поперечной перекладины нарт
няртад теб — гвоздь поперечной перекладины
недець' — передняя поперечина нарты
недеця' си — отверстие для передней поперечины нарт
хан пья си — отверстие головок нарт
тёндер' — досчатая перекладина нарт
нерний тёндер' — передняя досчатая перекладина нарт
пуй тёндер' — задняя досчатая перекладина нарт
хан лата — доски нарты
хан лата тер'мя — ремешок для привязывания досок нарты
маханий хан хэвдяр' — правая досчатая боковина нарты
тер'мя си — отверстия на досках нарты для подвязывания ремнем
ентё си — отверстие для привязывания ремня, идущего от постромок
вырка'лё си — [отверстие для привязывания ремня, идущего от постромок]
ненварця' си — отверстие для привязывания блока постромки
хан лехэ — нижнее основание нарты
няр'ма — дерево, прибитое для утолщения полоза

[Прим. ред.: далее в статье Г.Д. Вербова будет также приведено описание устройства и использования ненецких нарт. Здесь мы вставили схематический рисунок, который был сделанным Г.Д. Вербовым, который для этой части книги наиболее подходит.]

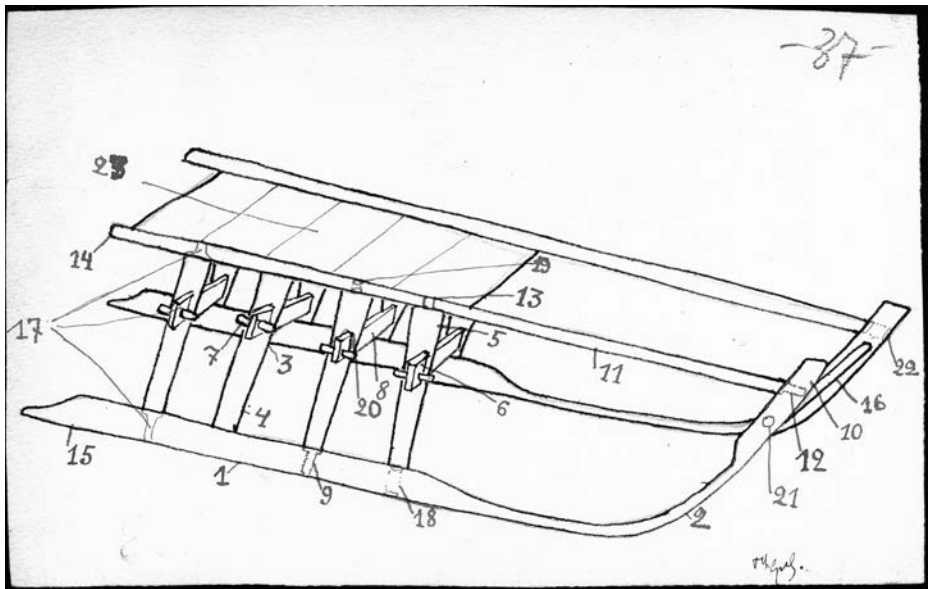

Рис. 6. Рисунок Г.Д. Вербова [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 37]

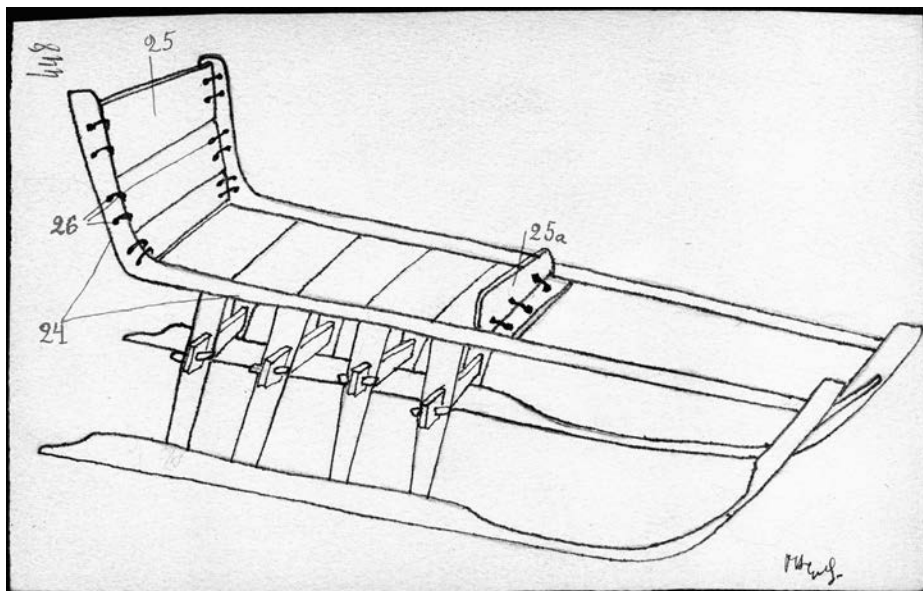

Рис. 7 [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 37 об.]

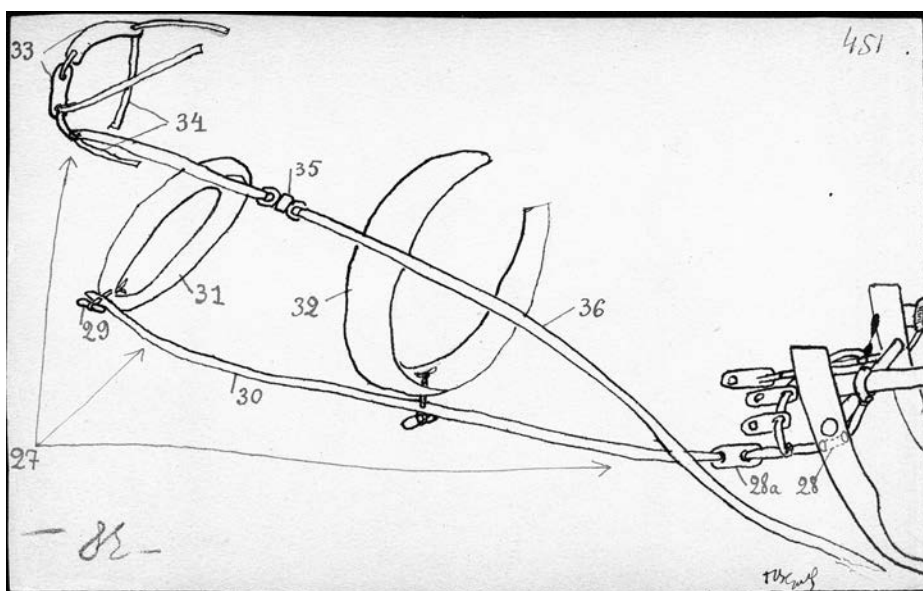

Рис. 8 [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 38]

Сокращения: р.с. - русское слово; мн.ч. - множественное число;
знак (') означает прибавление придыхания, в конце слова, которое в
основном остается без изменений. - Долгота; ' - Палюдонгога.
Знак ~ (напр. ае') означает слитное произношение двух букв.

- 1) р.с. полоз — hānt's ; мн.ч. hānt'sad .
- 2) р.с. зашиб — hartū ; мн.ч. hartūd .
- 3) р.с. копыла — hāpāgāe ; мн.ч. (?) ; если два копыла, пара, го — hartūk .
- 4) р.с. низ копыла — hāpēgēn'sehēr ; мн.ч. (?) .
- 5) р.с. верх копыла — hāpēgēngējwa ; мн.ч. (?) .
- 6) р.с. кончик поперечина — hārtadāgāējwa ; мн.ч. (?) .
- 7) р.с. деревянный воязык — hārtadntēv ; мн.ч. (?) .
- 8) р.с. поперечина — hārt ; мн.ч. hārtad .
- 9) р.с. нижний кончик копыла — така — таn'si ; мн.ч. (?) .
- 10) р.с. носок — hāntpūjē ; мн.ч. (?) .
- 11) р.с. продолжка — hān ; мн.ч. (?) .
- 12) р.с. кончик продолжки — hāntmāl ; мн.ч. (?) .
- 13) р.с. верхний кончик копыла; слово тоже, что и для нижнего (см № 9)
- 14) р.с. ~~hāntpūjē~~ - задок продолжки — hāntpūjē ; мн.ч. (?) .
- 15) р.с. задок полоза — hāncadjarco ; мн.ч. hāncadjarco (?) .
- 16) р.с. передок — n'edēt' ; мн.ч. n'edēt'a (?) .
- 17) р.с. шездо, дырка — така — та ; мн.ч. (?) .
- 18) р.с. шездо в полозе — hānsadn'si ; мн.ч. (?) .
- 19) р.с. шездо в продолжке — hān'si ; мн.ч. (?) .
- 20) р.с. шездо в копыле — hāpēgēn'si ; мн.ч. (?) .
- 21) р.с. шездо ^{для передка} в носке — n'edēt'sān'si ; мн.ч. (?) .
- 22) р.с. шездо для продолжки в носке — pūjēn'si ; мн.ч. (?) .
- 23) р.с. настилы досок (самые доски) — hānlātā ; мн.ч. (?) .
- 24) р.с. специально отшлифованная (обыкновенно карем) продолжка с зашибом
для спянки — hānawāno ; мн.ч. hānawāni (?) .
- 25) р.с. доски спянки — t'ōnt'ēr ; мн.ч. (?) .
- 25а) р.с. доска в передке настилы — го мет ^{слово} го и № 25 .
- 26) р.с. отверстия в шпильке и досках, при помощи которых
доски привязывались ремешками. — t'ōnt'ēr-n'si ; мн.ч. (?) .
см. дальше.

-41-

- 27) р.с. - упряжка - *sa*; мн.ч. - так же.
- 28) р.с. - ерберские для тапки - *n'ensor'sān's'i'*; мн.ч. (1).
- 28a) р.с. деревянная, или кожаная пластинка с отверстием; то же слово, греч. *28*
- 29) р.с. вбродик, заплата - *šān-p'ās'ik*; мн.ч. (1). (рашерови пясик)
- 30) р.с. - тут - *sa*; мн.ч. - так же. (одинаково с употребл вообще)
- 31) р.с. - ляжка - *rod'ež*; мн.ч. (1).
- 32) р.с. - подпуза - *jo-jin'e*; мн.ч. (1).
- 33) р.с. соответствует узелке, делается из кожи - *hāēwojin'e*; мн.ч. (1).
- 34) р.с. заски медоузга, завязывающиеся под шеей - *šōjoptādayin'e*; мн.ч. (1).
- 35) р.с. вершуга (для того чтобы не срывалась ~~вожжа~~
hāēwojin'e-š'ōrn'e; мн.ч. (1).
- 36) р.с. вожжа - *hāēwojin'e*; мн.ч. (1).

Названия сани

- a) Сани для мертвей туша - *hūitū*; мн.ч. *hūitōš*.
- b) Сани для туловых досок - *š'āvi*; мн.ч. (1).
- c) Сани для постелей и мелких вещей - *ji'kun'a*; мн.ч. (1).
- d) Сани для людей (легковое) - *hūimū*; мн.ч. (1).
- e) Сани со шкивом - *hāēda-l'os'*; мн.ч. - *hāēda-l'os'a*.
- f) Сани грузовые - *pēntejejkān*; мн.ч. (1).
- g) Сани шапранские - *hāfejkān*; мн.ч. (1).

M. G. G.

Рис. 9.2 [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 40 об. — 41]

Названия меток собственности

ха пидте'мя — ушная метка, от осн. *ха* — 'ухо', *пидте'мя* — 'метка'
ха мада'ма — ушной обрез, от осн. *мада* 'срезать', *-ма* — суфф. имени места нахождения

ха тарка — ушная развилка

ха матюй — с прямыми обрезами ушей

сидняд тарка — с обеих сторон развилкой

сятаний хада тарка — левое ухо развилкой

маханий хада тарка — правое ухо развилкой

хавода нерняд мадавы — уши его спереди обрезаны

ха сыхуй — с обрезами ушей с двух сторон

тар' пидте'мя — мета по шерсти

Некоторые термины из области социальных отношений

хайвы — олень, оставленный в наследство, от осн. *хаё* — 'остаться', *-вы* прич. совершившегося действ.

мядинзэй — олень, данный в подарок

сярвы — олень, привязанный в жертву или в залог на невесту

нётад' — олень — подарок родителям невесты от жениха, от осн. *нё* 'дверь', *тала* 'закрывать', отсюда и гл. *нётле* 'дать подарок'.

тюсэй — олень, принесенный в жертву перед вхождением молодых в чум, от осн. *тю* — 'войти'

нгэдинзэй — приданный олень невесты, от осн. *нгэда* — 'отправить', пустить

тэта — оленщик-кулак в прошлом

ты пэртя — оленепас-батрак в прошлом

ядна — пеший — лишившийся оленей

нядэна — живущий на <...>¹ доме без оленей

нгарёйко — кочующий самостоятельно — бедняк

тэхэна сававна иленя — оленем хорошо живущий — середняк

подерпада — упряжной олень, взятый у кулака на поддержку временно

¹ Пропуск в рукописи; Русско-ненецкий словарь [Сост. Терещенко Н.М. СПб.: филиал изд. Просвещение, 2003. С. 339] дает перевод 'оседлый, неподвигающийся'. — Прим. ред.

Рецензия на «Материалы по ненецкой оленеводческой терминологии» А.П. Пырерка

Свою рецензию на работу А.П. Пырерка я позволю себе дать в виде ряда советов начинающему ученому-первенцу из ненецкой народности, желая помочь ему усовершенствовать свой труд. Несомненно, что материал, который собран А.П. Пырерка в области оленеводческой терминологии у ненцев, является ценным как с научной точки зрения, так и с точки зрения научно-практической; поэтому должное оформление этого материала является делом далеко не второстепенным. В деле этого оформления я и хочу помочь автору.

Прежде всего мне хочется обратить внимание автора на название его работы; оно не соответствует содержанию: материал, приводимый в работе, относится к большеземельским ненцам — это должно найти свое отражение в названии /“Материалы по оленеводческой терминологии у большеземельских ненцев”/. Тема же «Материалы по ненецкой оленеводческой терминологии» обязывает автора привлечь материал по различным говорам диалекта тундровых ненцев, а также по диалекту лесных ненцев.

Основную часть работы составляет словарь. Его следует в ряде отношений подработать. Прежде всего в нем имеются существенные недостатки по части русского языка в переводах отдельных терминов; напр, на стр. 41 «тонкий нож для вытачивания дырьев копыла», на стр. 34 «перегонивающий стадо», «место многократного становища чумом», «прокладывающий след впереди аргишев», стр. 20 «место на шкуре покуда проходит лямка», стр. 21 «мясо по куда проходит лямка», стр. 26 «кровеносные нервы глаза», стр. 27 «белущий», «очень белущий», «чернущий» /ср. стр. 4 «серущий»/, стр. 31 «олень, отрывающийся от человека», стр. 33 «болезнь желтухой», стр. 35 «начать ложить оленю во время дрессировки», стр. 36 «заловить оленя», «заловить оленя арканом за конечность ноги», стр. 37 «упереться, натянуть туго арканом, «круто погнать оленей собакой», «отколупывать стадо многократно», «заставить стаду разбрестись в разные стороны», стр. 40 «вязка нарты», стр. 41 «покрывало женских нарт, сшитая из шкур, стр. 42 «собака с виснущими ушами», стр. 43 «держимая постромка, стр. 44 «как червь, передовому перебрасывать вожжу через спину», «петля лямки развилкой», «ремешок над носом уздечки вожжи», стр. 25 «сердечное легкое» и др.

В ряде случаев переводы, данные для того или иного термина, нуждаются в пояснениях; напр., на стр. 19 «олень с мышинными передними ногами», стр. 27 «олень с черными щетками», стр. 28 «чайка», стр. 30 «олень, прирученный к чуму», «гнилоголовый /по отношению к передовому/, «порезанной головой», стр. 33 «расколотья — копытка», «болезнь от зараженной зелени», стр. 39 «ягель плесень», «лист, который любит олень»,

стр. 40 «колотушка для ягеля», стр. 42 «собака с мохнатой и талой¹ шерстью», «от детского лепета самец» и др. В этой связи отмечу, что вообще было бы желательно дать в словаре комментарии к отдельным терминам, не только в части грамматического разбора, как это в ряде случаев /но далеко не всегда/ сделано, но в части разъяснения читателю того или иного явления из области оленеводства; так, напр, на стр. 30, где дается термин *нгавка* «олень, прирученный к чуму», следовало бы отметить, что названный термин относится к оленям, лишившимся своей матки и вскормленным искусственно при чуме /бульоном, хлебом/; или, напр., на стр. 39, где дано название растения *ты взмня* «лист, котор. любит олень», следовало бы сообщить по этому вопросу имеющиеся у автора сведения. Что этими сведениями автор располагает — в этом сомневаться не приходится уже потому, что он в течение многих лет своими руками пас оленей; свой опыт в этом деле, свои знания оленевода-практика автор далеко не использует в своей работе в той мере, как он мог бы это сделать в целях обогащения ее ценнейшим материалом, остающимся до сих пор неизвестным.

Несколько слов скажу по части грамматического разбора отдельных терминов, включенных в словарь. Прежде всего я должен посоветовать автору дать этот разбор в более систематическом виде. Спрашивается: почему на стр. 15 в термине для 'двухгодовалого самца' — *сидесь' хора* — дается разъяснение, что это название происходит от *сидя* — числ.2 + суфф. *сь'* — суфф. имени орудия действия, а в названии для теленка пригодного для малицы — *мальцясана сую* — /на той же 15 стр./ никакого объяснения суфф. *-сана* не дается; в то же время остается несомненным, что слово *мальцясана* «пригодный для малицы» является производным от слова *мальця* «малица»? Или, почему на той же стр. 15. в термине для четырехгодовалого самца — *тет пота хора* — дается разъяснение, что это название происходит от числа *тет* — '4' по 'год' суфф. *-та* для причастий соверш. действия /это, между прочим, неверно — причастие в ненецк. яз. 1/ отглагольная имяобразовательная категория, 2/ суфф. причастия является *-да*, а не *-та*; см. об этом ниже/, а на след. стр. 16 в термине для важеньки на первом отеле — *сырэй нисе'мя* — никакого разъяснения суфф. *-'мя* в слове *нисе'мя* не дается?.. С моей точки зрения, было бы желательно дать грамматический разбор всех словообразовательных /а также словоизменяемых/ категорий, встречающихся в словаре; это намного повысило бы ценность работы с лингвистической точки зрения.

Кроме того, я должен посоветовать автору проверить в ряде случаев тот анализ грамматических категорий, который им дан в работе; зачастую этот анализ неточен, а иногда ошибочен. В частности укажу на след. случаи: 1/ на стр. 15 дается разъяснение, что название для четырехгодовалого сам-

¹ У Пырерки 'талной', с. 85 — Прим. ред.

ца — *тет пота хора* — в части слова *пота* состоит из *по* год -*та* — суфф. прич. соверш. действия. Спрашивается: как понять сокращение «соверш.»; ведь это может быть «соверш/ающийся/», «соверш/енный/», соверш/ившийся/»? Для знающего ненецкий язык ясно, что речь идет о «совершающемся» действии; но в то же время возникает другой вопрос: как это может быть, что от слова *по* год /т.е. имени существительного/ образуется с помощью суфф. -*та* причастная форма? Ведь причастие в ненецком языке 1/ отглагольная категория; 2/ одним из причастных суффиксов в ненецком языке является суфф. -*да*, но не -*та* /см. 1/ статью Г.Н. Прокофьева «Ненецкий /юракосамоедский/ язык» в сборнике «Языки и письменность народов севера» часть I: на стр. 21 — § 28 п. 4, на стр. 38 — § 53, на стр. 15 — § 22; 2); Г.Н. Прокофьев «Самоучитель ненецкого языка»: стр. 135 — § 122, стр. 71 — § 66, стр. 84 — § 72; правильным анализом формы *пота* можно считать следующий: «форма *пота* является причастием совершающегося действия /суфф. -*да*/, образованным от гл. *поць* быть годовалым', являющимся производным от имени *по* — год ; оглушение начального звонкого *д* /в суфф. -*да*/ в *т* объясняется тем, что конечным звуком основы гл. *поць* является -' /глухой гортанный смычный/, с которым начальное *д* суффикса вступает в сочетание в виде *т*».

Укажу далее на ряд ошибок А.П. Пырерка в деле грамматического анализа приводимых им терминов; сюда относятся: стр. 18 — *нгэ ямб яхадей* длинноногая важенка; указывается, что «это понятие может быть выражено от другой основы»; в данном случае мы не имеем дела со словообразовательной категорией, поэтому говорить о производстве «от другой основы» неправильно. На стр. 34 указывается, что суфф. -*ла* в слове *тохола* является суфф. начинательного вида; это неверно — в данном случае суфф. -*ла* является формантом, с помощью которого от непереходного глагола /*тохо* 'выучиться'/ образуется глагол переходный /см. § 52 в статье Г.Н. Прокофьева «ненецкий язык», сборник «Языки и письменность народов Севера», ч. 1/. Того же порядка ошибка встречается на стр. 35, 36: суфф. -*ла* в слове *енгада'ла*, в слове *ёркола* является здесь не видовым суффиксом, а суффиксом, с помощью которого в ряде случаев от именной основы образуются переходные глаголы /см. § 76 в статье Г.Н. Прокофьева «Ненецкий язык», Сборник «Языки и письменность народов Севера» ч. 1/; относительно суфф. -*та* в слове *нялта* /стр. 36/ см. в указанной статье Г.Н. Прокофьева § 52; неверно также указание на стр. 46, согласно котор. в слове *вата* /в сочетании *вата са*/ суффиксом причастия совершающегося действия является -*та*.

Далее я считаю своим долгом остановить внимание автора на имеющейся в словаре непоследовательности в транскрипции отдельных терминов. Этот недочет необходимо устранить. Так напр., на стр. 23 мы имеем *нямю паха*' основание языка, а ниже — *нянгу лы паха* основание

нижней челюстной кости; одно и то же слово *паха* 'основание' записано по-разному¹. На стр. 24 мы имеем *нерний хэвиць* 'переднее ребро', а ниже *нюртей лад хэваць* 'нэсо' 'сустав первого переднего ребра'; одно и то же слово 'ребро' /*хэвиць*, *хэваць*/ записано по-разному². Непонятен также тот принцип, на основе которого отдельные слова пишутся то вместе /в одно слово/, то раздельно /в два слова/; срав. на стр. 24 *пыя мал* 'конец носа' и на стр. 41 *тюрмал* 'костяной наконечник на переднем конце шеста для понукания оленей'; или напр., возникает вопрос, почему на стр. 23 слово *нянзи* записано слитно, когда оно по сути дела состоит из двух частей: 1) *нян* — осн. сл. *ня* 'рот' и 2) *си* 'отверстие'; то же относится к записям *палканзи*, *пыянви* /стр. 24/, *сядлы* /стр. 25/, *тетимдейлад хэвиць* 'нэсо' /стр. 26/, *мюдзи* /стр. 32/ и мног. др. С этой точки зрения следует посмотреть весь словарь³.

В ряде случаев вызывает сомнение, насколько правильно дается этимология того или иного названия; напр., на стр. 24 дано название *парны вар* с переводом 'края заднего канала'; насколько нам, известно слово *парны* в ненецком языке относится к половому органу самки⁴. На стр. 34 для слова *нулта* дан перевод 'остановиться'; насколько я могу судить, гл. *нулта* в ненецком языке означает 'остановить' /гл. переходной/. Непонятным является, каким образом от слова *няхя* 'мусор' /стр. 37/ с помощью суффа. *-бта* /заставительность/ образуется глагол *няхабта* со значением 'упустить, промазать'. Непонятно также, почему /на стр. 41/ автор связывает слово *вэнеку* собака с осн. *вэ* 'задняя половина'; в ненецк. языке различаются основы *вэ*//*вэн* 'собака' и *вэ*//*вэс* 'часть, половина'; считать их как-либо связанными между собой нет никаких оснований. Сомнительно, что название *ё'иня* /стр. 44, а также стр. 7/ связало со словом *ё* 'углы рта'; я считаю, что следует во всех случаях предпочесть отказ от этимологизирования того или иного слова любой попытке сомнительного и непонятного его толкования. К тому же совершенно непонятным является указание А.П. Пырерка на то /стр. 7/, что термин *ё'иня* не укладывается «в рамки санного оленеводства». В этой связи не могу также не указать что у Лехтисало [1932: 55] из пяти записей слова *ё'иня* только в одном случае /для низовьев Таза/ это слово записано с гортанным смычным /ʔ/; в сделанных

¹ Здесь Г. Н. Прокофьев не заметил, что в обоих случаях А. П. Пырерка написал слово с гортанным смычным на конце. — *Прим. ред.*

² Здесь Г.Н. Прокофьев говорит о 'неустойчивых' гласных, произнесение которых определяется морфонологической позицией, темпом речи и др. — *Прим. ред.*

³ До сих пор нет правил слитного или раздельного написания слов на ненецком языке — *Прим. ред.*

⁴ *Парны* (*парнэ*) в ненецком языке означает 'ведьма' [Терещенко 1965].

мною записях в большеземельской тундре, на Ямале и на Енисее гортанного смычного в слове *jō iŋŋa* также нет, так что вряд ли *jō* в слове *jō iŋŋa* правомерно связывать с *jō'*//осн. *jon* = 'угол рта'. Кстати несколько слов о транскрипции; автор принял практический алфавит, очевидно, желая тем самым сделать свою работу более доступной широкому кругу читателей — против этого, конечно, возражать не приходится. В то же время не могу не отметить того, что в некоторых отдельных случаях было бы не лишне дать варианты того или иного слова, встречающиеся в большеземельской тундре, в более точной /т.е. фонетической/ транскрипции; ведь с точной, правильной записью сплошь да рядом связана возможность правильно этимологизировать данное слово.

А вариантами пренебрегать не следует: одно дело, как данное слово привык произносить сам автор, а другое дело — как оно кроме того произносится ненцами хотя бы на территории той же большеземельской тундры. С этой точки зрения, напр., непонятно, почему на стр. 41 слово собака записано в виде *вэнеку*; более распространено в виде *вэнеко*, т.к. *вэнеку* имеет значение формы винительного падежа множ. ч. Также непонятно, почему на той же стр. для слова нож в сочетании *пянггар* дается в виде отдельного варианта запись *нгар*; этот вариант — чисто комбинационный; его можно дать в записи *paŋŋgar* /*пянггар*/, но не отдельно.

Следовало бы подработать заголовки разделов словаря. На стр. 29 дан заголовок «Названия свойств и качеств»; лучше этот раздел озаглавить так: «Названия оленей по их качествам».

На стр. 32 дан заголовок «Термины размножения», на стр. 33 «Термины перекочевок», на стр. 34 — «Термины дрессировки оленей, на стр. 35 — «Термины кастрирования», на стр. 36 — «Термины поимки оленей», на стр. 39 — «Термины насекомых и паразитов», «Термины пастуха и его вещей». Лучше говорить не о терминах /т.к. в ряде случаев ненецкий язык вместо того или иного термина использует сочетания слов/, а о разделах словаря, относящихся к <...> или о названиях /напр, насекомых и паразитов/.

Не всегда словарный раздел по своему заголовку совпадает с приведенными в нем словами. Так, напр., на стр. 32 в разделе терминов, относящихся к размножению оленя, включены названия месяцев *хор' ирий*, *ненэй ниць*'. В разделе «Названия частей тела» включены слова *нганви* 'моча', *едю палка* 'кишечный кал', *над'* 'сопли', *сянув над* 'мешочек личинок в гортани', *падя* 'желчь' и др. В разделе «Названий по стельности» дается название *хора хабтарка* 'самка с придатками органов самца'. И др. См. также 1-й раздел словаря «Названия оленей», в котором дано только одно слово ты олень.

Надо устранить несоответствие в указании, сделанном автором на стр. 15, согласно которому «отдельные слова записывались в тематической

последовательности, а не в алфавитном порядке, и порядком расположения слов по алфавиту (но не по русскому алфавиту) в разделах «Названия частей тела», «Названия свойств и качеств». Раздел «Названия видов почвы» следует, по-моему, упразднить как не относящийся к словарю по оленеводческой терминологии.

Наконец, отмечу, что словарь требует тщательной обработки с чисто технической стороны /техредакция/.

Говоря о вводной части в работе А.П. Пырерка, я прежде всего должен сказать, что мне осталось неясной ее целенаправленность: в ней нет стержня, нет связанности между отдельными разрозненными высказываниями; к тому же эти отдельные высказывания не всегда верны по существу /напр., неверно утверждение на стр. 1, что «все основные оленеводческие термины в языках самоедской группы общие»/.

Я советую А.П. Пырерка коренным образом переработать вводную часть своей статьи, переработать ее под таким углом зрения, чтобы она освещала собранный им в словаре материал.

При этом, конечно, нельзя обойти молчанием названную выше работу Лехтисало, как это и не делает А.П. Пырерка; но здесь важно остановиться на этой работе более подробно, указать ее достоинства и недостатки с привлечением примеров; затем важно показать, что в материале, опубликованном Лехтисало, не соответствует тому, что собрано А.П. Пырерка, что в материале А.П. Пырерка дополняет работу Лехтисало и т.п. Если А.П. Пырерка хочет показать, что транскрипция в работе Лехтисало не дает точного отображения записанных слов, то это следует иллюстрировать примерами. Ссылку на то, что у Лехтисало неправильно составлена карта местообитания ненцев, следует, по-моему, снять, т.к. никаких указаний на то, что ненцы живут, по мнению Лехтисало, в Вятке и Чердыне, нет ни на самой карте, ни в тексте книги /см. предисловие/.

Должен отметить, что работа Лехтисало безусловно является обстоятельной, ценной работой по оленеводству у ненцев; работа несомненно научного, а не беллетристического характера. Я настоятельно советую А.П. Пырерка ознакомиться с этой работой более подробно: это ему даст возможность повысить ценность своего труда. Я не сомневался в том, что в распоряжении А.П. Пырерка как ненца, как бывшего оленевода-практика имеются сведения, которые во многих отношениях могут явиться дополнением к тому, что собрал Лехтисало — наблюдатель со стороны. В этом разрезе следует, по-моему, и стоит поработать А.П. Пырерка над своим материалом.

6/IV-38 г.

Г.Н. Прокофьев

ОЛЕНЕВОДСТВО У НЕНЦЕВ¹ (1938)

[Предисловие]

Оленеводством занимается свыше 90 % ненецких хозяйств. Если по своей товарности оленеводство нередко стоит на втором и даже на третьем месте, уступая первенство охоте и рыболовству, то общехозяйственное значение почти у всех групп ненцев чрезвычайно велико. Не говоря уже о хозяйствах, для которых оленеводство является основным источником существования, оно играет первостепенную роль и там, где охота или рыболовство первенствуют. Кочевки к промысловым угодьям совершаются на оленях. На оленях же охотник объезжает свои ловушки, травит зверя, на оленях ездят в оседлые населенные пункты и в соседние стойбища, нередко расположенные в 40–60 и даже более чем 100 км. Кочевой рыбак и охотник нуждается в оленьих шкурах для изготовления одежды и покрывал чума. Достаточно отметить, что соседящие с ненцами полуоседлые и оседлые ниже-обские ханты, занимающиеся рыболовством и охотой, равно как русские и коми-ижемские охотники и рыбаки, не нуждающиеся в шкурах для устройства жилища, покупают и выменивают их у оленеводов для пошивки одежды и нередко для перевозки улова, топлива и т.д., пользуются наемными оленями. Приведем некоторые данные, относящиеся к биологической характеристике оленя, т.к. без знакомства с ними затруднительно разобраться в излагаемом далее этнографическом описании ненецкого оленеводства.

Ненецкий домашний олень (*Rangifer tarandus Sibericus*) принадлежит к низкорослой тундровой форме. Высота взрослых животных (в холке) большей частью колеблется между 90–110 см., что делает их мало пригод-

¹ Архив МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. В документе некоторые страницы были перепутаны. В настоящем издании они были приведены в соответствии с логикой построения статьи. Большую помощь при определении оленеводческой терминологии рукописи оказали Е.В. Рассохин, п. Красное НАО и Р.И. Канюкова, г. Нарьян-Мар. — Прим. ред.

ными для верховой езды. Убойный вес (туша) не превышает, как правило, 70–90 кг. Приведенные данные не относятся к так называемым «лесным» оленям, более крупным, которые имеются у оленеводов — лесных ненцев в бассейне р. Пур и на некот[орых] притоках средней Оби.

[Рабочий возраст оленя]

Рабочий возраст ездового оленя — до 7–12 лет. Гон приходится в сентябре-октябре, отел — в мае. Важенка приносит обычно одного теленка весной. До периода отела самцы-хоры и кастрированные быки сбрасывают рога, которые достигают полного развития и затвердевают лишь осенью. Важенки теряют рога после отела. Линька шерсти происходит с апреля по август. В этот же период из-под кожи оленя выпадают личинки кожного овода, развивавшиеся там в течение осени и зимы, и свищи в коже зарастают.

[Питание оленя]

В зимнее время олень питается ягелям (различные лишайники, гл[авным] обр[азом] *Cladina rangiferina* и *Cladonia sylvatica*). Летом он предпочитает зеленый корм и не брезгует также грибами, птичьими яйцами и леммингами <...>. Олени очень любят пить человеческую мочу. Они легко приучаются также есть хлеб, рыбу, мясо и т.д.

В зависимости от режима питания, пораженности спинным оводом и некоторых других причин состояние оленей и качество получаемой от них продукции резко колеблется. Отъевшись за лето на зеленых кормах, не перемещаясь на большие расстояния и мало работая в упряжке, олени набираются сил, жиреют и заканчивают линьку. Свищи в коже оленей, образовавшиеся после выделения личинок спинного овода, зарастают. Осень и первая половина зимы — это время, когда олень безотказно <нрзб> и при убое дает хорошее мясо и шкуру с цельной мездрой и густой шерстью. К концу зимы вследствие отсутствия зеленого корма и многомесячной работы в упряжке силы оленя начинают убывать. К этому времени развиваются под кожей оленя личинки спинного овода, сильно истощающие оленя. Весной, когда действие указанных причин достигает наибольшей интенсивности, происходит линька, сбрасывание рогов и отел. Весной и в первую половину лета олень <нрзб> работает в упряжке, его мясо становится тощим, а шкура не представляет почти никакой ценности.

[Классификация оленей по полу, возрасту и масти]

У всех оленеводов имеется четкое подразделение оленей на группы. В зависимости от пола, возраста, масти и других признаков. Соответ-

ствующая номенклатура имеется в ряде языков оленеводческих народностей, в частности в ненецком. Литературные данные по ненецкому оленеводству содержат смешанную номенклатуру, состоящую из ненецких, коми-ижемских и русских терминов. Ниже мы приводим данные по ненецким терминам для разл[ичных] половозрастных групп оленей, с указанием соответствующих названий в русском языке

	Нен[ецкое название]	Русск[ое название]
Самец-производитель	<i>Hora</i>	Хор, хора, пороз
Холощенный самец, используемый для езды	<i>Habt</i>	Бык
Непр[авильно] лош[ёный] самец <нрзб>	<i>Hora habt</i> ¹	-
Самка ²	<i>Jahadej</i>	Важенка
Холощенный самец, не использ[уемый] для езды	<i>Menaruj menurəj</i>	Менурей
Яловая самка	<i>Wangdɔ</i>	Яловая важенка
Бесплодная важенка	<i>Habtarka</i>	Хапторка
Новорожд[енный] теленок	<i>Tasko, sułako</i>	Теленок
Теленок до 5–7 мес[яцев]	<i>Suji</i>	«-»
Теленок годовалый ³ (самец) ⁴	<i>Namna</i>	Лончак
«-» (самка)	<i>Syrəj</i>	Сырица

Тундровый олень бывает в большинстве случаев бурой масти разных оттенков разной интенсивности окраски. Реже встречаются пестрые и белые олени. Наряду с мастью, при различении оленей ненцы учитывают экстерьер, форму рогов и другие отличительные черты каждого животного. Ниже мы приводим перечень ненецких названий для оленей, основанных на учете указанных признаков

<i>Paridena</i>	Черный
<i>Ńarjana</i>	Красный
<i>Tətuɟ</i>	Темновато-бурый
<i>Sərɟ</i>	Белый
<i>Haləw</i>	Белый с серым оттенком (чайка)
<i>Horaha</i>	Бурый с белыми полосами на боках ⁵

¹ Имеется ввиду «недокастарированный» бык. — Прим. ред.

² Перечеркнуто «важенка». — Прим. ред.

³ Вычеркнуто: «восьми-девятимес[ячного] возр[аста]». — Прим. ред.

⁴ Добавлено красным карандашом: «? На 2-м г. ровно год ɳaloko (м.ж.)». — Прим. ред.

⁵ Вычеркнуто: «и спине». — Прим. ред.

<i>Jaleko</i>	Светло-шерстный ¹
<i>Padwъ</i>	Пестрый
<i>Taj sərŋ</i>	Белолобый
<i>Taj pari</i>	Чернолобый
<i>Нэwa pari</i>	Черноголовый
<i>Нэwa sərŋ</i>	Белоголовый
<i>Şamdoreŋe</i>	Белодымчатый
<i>Şaberŋ sərŋ</i>	Белобрюхий
<i>Lad sərŋ</i> ²	Белый на передней части туловища
<i>Hondeŋe jik</i>	Черношей («куропачья шея»)
<i>Рѣja mal</i>	Пятноносый
<i>Joŋo padarŋ</i>	Пестрощекий
³	
<i>Нэ jamb</i>	Длинноногий
<i>Lamdik</i>	Низкорослый
<i>Тэwa lembe</i>	Мохнохвостый
<i>Şundъ</i>	Безрогий
<i>Malk</i>	Комольный
<i>Lambəj</i>	С лопатообразными рогами
<i>Maŋjəŋgad</i>	Тяготеющий к чуму (любящий мочу)
⁴	Общительный, любящий держаться с некотор[ыми] ол[ениями]
<i>Лək, maŋuj</i>	[ленивый, задерживающий]

[Рога]

Рога у взрослых оленей являются осенью и зимой важным признаком для различения отдельных животных. После достижения известного возраста форма рогов стабилизируется и у взросл[ого] оленя каждую осень вырастают рога совершенно такие же, как были и в предыдущем году. Поэтому, зная во всех деталях форму рогов у отдельных оленей, их весьма нетрудно различить. На практике же оленей узнают, конечно, по совокупному ряду признаков или наоборот — не используют ряда признаков, отсутствующих в зависимости от сезона.

¹ Так обозначается светло-рыжий цвет (И.Н. Ледков, п. Красное, 2016 г.). — Прим. ред.

² Перед этим ненецким сочетанием слов стоит вопросительный знак красным карандашом.

³ Вычеркнуто: «*wəra pari* — черношерстный». Досл. «черная шерсть между копыта оленя». — Прим. ред.

⁴ Вычеркнуто: «*ŋoras*». — Прим. ред.

[Клички]

В каждом стаде у некоторых оленей имеются клички, известные большей частью лишь членам данной семьи, а иногда только одному хозяину. Часть этих кличек представляет собою повторение вышеприведенных названий, иногда с некоторой детализацией, часть нередко включает родственную терминологию. Напр[имер], *Ṣadḥkəw* — «сторона морды» (т.е. олень, у которого правая или левая сторона морды пестрая или отличается по цвету от общей окраски животного), *Malk ne rəra* — «младший брат безрогой женщины» (бык или хора, у которого есть «сестра» — безрогая важенка), *Ṣadəkə ne* — «добавочная женщина» (важенка, родившаяся последней в период отела) и т.д.

[Оленья шкура]

Шкуры, снятые с оленей различного возраста и в разное время года и резко отличающиеся друг от друга качеством волосяного покрова, мездры и размером, также имеют особые названия

<i>Suji, suji hoba</i>	Шкура новорожд[енного] теленка, «Пыжик»	
<i>Ṣabluj, ṣabluj hoba</i>	Шкура 3–4 мес[ячного] теленка	
<i>Ṣəroj hoba</i>	Осенняя шкура	«Постель», «тындра» ¹
<i>Ṣəraj hoba</i>	Зимн[ая] шкура	
<i>Narəi hoba</i>	Весенн[ая] шкура	
<i>Təḥ hoba</i>	Летн[ая] шкура	

Соответственно называются и *камысы*².

[Приручение]

Степень прирученности оленей у ненцев очень невелика. Если не принимать в расчет весьма незначительное количество ручных оленей, берущих пищу из рук, можно утверждать, что многое в ненецком оленеводстве зиждется на силе стадного чувства, чрезвычайно развитого у оленей. На учете этого свойства построены, как излагается ниже, многие приемы пастьбы и поимки оленей у ненцев.

¹ Эти два слова приписаны справа от названия шкур: *пóстель* – так называется шкура годовалого теленка; *тындра* (точнее *тындар* < нен. *ty' tar'* 'шерсть оленя') – место, где олени спасаются от гнуса, не заражаются оводом, м.б. возле чума, шкура их остается неповрежденной. — *Прим. ред.*

² *Камыс* или *камус* — принятое в русск[ом] языке название для шкуры с ног оленя. Видимо, пришло от коми-ижемцев *кьс*. На ненецком *камус* называется *репа*.

[Транспортное оленеводство]

Будучи неприхотливым относительно корма, добывая его без помощи человека, олень как транспортное животное чрезвычайно полезен. Благодаря наличию широких копыт, отростки которых на мягком грунте легко расходятся, увеличивая площадь следа, и сравнительно небольшому весу, олень без особого труда тащит нарту по глубокому снегу, не вязнет в болотах и приспособлен для езды по бездорожью в любое время года. Можно еще отметить, что олень быстр на бегу, хорошо плавает, отлично переносит сильный холод, не требуя от человека убежища, и сравнительно легко приучается ходить в упряжке.

[Перекочевки и размер стада]

Интересы оленеводства в ряде отношений совпадают с интересами охоты и рыболовства, заставляют ненцев-олeneводоов проводить сезонные перекочевки¹. Обычно эти кочевки имели меридиональное направление. Зимой, с декабря до марта, оленные хозяйства находились в зоне лесотундры или у северной границы лесов, совершая лишь небольшие местные перекочевки. Весной начиналась кочевка к северу — к берегам океана, крупных заливов (Байдарацкая губа, Обская губа, Ёыдаямский и Енисейский заливы) или на возвышенности, расположенные в северных частях тундры. Олени паслись там спокойно, т.к. холодное лето и постоянные ветры отгоняли комаров. Там же, на своих летних угодьях, являвшихся прежде родовой собственностью, ненцы занимались рыбной ловлей и охотой на птиц и морского зверя. По пути к местам летовок, останов[ливались] на период отела, по окончании которого снова двигались к северу. Осенью, после перерыва, при бл[изительно] совпадающего со временем гона у оленей, начиналась обратная кочевка к югу, лесам, где рыхлый снег (в отличие от плотного, нередко покрывающегося ледяной коркой снежного покрова тундры) позволял оленям без труда добывать корм и защищал их от сильных ветров. Там не было и недостатка в топливе, столь необходимом в холодную пору и в дереве для поделок. Немного в лесотундре и тайге также охотились на белку, горностаю, зайца, лисицу. Наряду с известными положительными годами, обычный годовой

¹ В последние годы благодаря земле-водоустройству территории, заселенной ненцами, и новой организации труда в различных отраслях их хозяйства, возникнувшей в связи с коллективизацией, резко изменились в ряде районов маршруты и сократились амплитуды кочевок. В настоящей работе мы описываем черты ненецкого оленеводства, характеризовавшие его в прошлом, до широкого развития коллективизации, и частично сохранившиеся на первых ее этапах.

хозяйственный цикл препятствовал сколь-либо значительному разделению труда, требовал большой непроизводительной затраты времени¹ и сильно истощал оленей.

Исключение составляли малочисленные стада, принадлежавшие лесным ненцам, живущим в бассейне р. Пур и по притокам средней Оби, а также сюда «лесовым» ненцам, кочующим между р. Мезенью и Северной Двиной. Обе эти группы в течение круглого года не покидали таежную область и совершали лишь незначительные перекочевки с сезонными амплитудами в 50–150 км, выпасая летом свои стада на водораздельных болотах, а зимой в лесах, где они занимались охотой.

Размеры оленьих стад у ненцев довольно резко колеблются по районам. Прежде, при наличии резкой классовой и имущественной дифференциации у ненцев, эти колебания были еще более заметны даже внутри отдельных районов и отдельных территориальных групп.

В период 1928–1936 гг. средний размер оленьего стада (принадлежащего одному хозяйству) для Канинской, Малоземельской, Большеземельской, западной части Гыданской и Ямальской тундр колебался между 120 и 250 головами. При этом, наряду с бедняцкими стадами в 25–40 голов, имелись кулацкие стада численностью свыше 1 000 и до 7000–8000 голов. В низовьях р. Таз и по левобережью Енисея (бассейны рр. Хеты и Солёный) среднее поголовье падало до 20–70 гол[ов] при наличии заметного числа безоленных или бедняц[ких] хозяйств, имевших по несколько сот и даже тысяч оленей. У лесных ненцев бассейна р. Пур стада были еще малочисленнее, редко превышая 30 гол[ов]. И лишь отдельные хозяйства, часть которых эксплуатировали наемный труд, насчитывали в своих стадах 200–600 оленей.

Состав стад зависел от их величины. В крупных стадах большую часть составляли важенки, около 30 % составляли телята и хоры и лишь 10–15 % падало на быков — ездовую часть стада. Чем стадо было малочисленнее, тем заметнее возрастала транспортная часть в ущерб плодовой. В результате наблюдалось правило: чем меньше стадо, тем медленнее оно растет.

[Выпас]

Приемы выпаса оленей различны в зависимости от сезона и характера местности. В нормальных условиях пастьба на заранее намеченном пастбище происходит следующим образом.

Олени пасутся на местности, которую легко обозреть с какой-либо возвышенности. Основная задача пастуха заключается в том, чтобы во-

¹ Некоторые группы ненцев лишь на весеннюю и осеннюю перекочевки затрачивали 4–5 месяцев в год.

время перегонять стадо на участки с невытравленным кормом и не давать отдельным оленям и целым группам уходить далеко в сторону. При опытной пастьбе, для соблюдения этих условий, не производят непрерывного окарауливания¹. Если стадо пасется невдалеке от чумы, то его пригоняют трижды в день, после кормежки к чуму, где олени лежат пока не разбредутся на следующую кормежку². Так же поступают, напр[имер], ненцы Приенисейских тундр. На о. Колгуеве окарауливание обычно совсем не производится и стадо лишь раз в сутки собирается к чуму. Несмотря на столь свободный режим выпаса, почти всегда, особенно ночью, возле чумы держат караульную нарту с запряженной в нее парой оленей, т.н. *şarda*, чтобы в случае необходимости иметь возможность собрать стадо, отправиться на поиски убежавших оленей и т.д.

[Собаки]

Зимой, особенно в лесу, где снег глубок, рыхл и ходьба по целине почти невозможна, пастухи пользуются лыжами. Если олени пасутся в лесотундре или чистой тундре, где снежный покров плотен, пастух сгоняет стадо, объезжая его на нарте. Во всех случаях помощником ему служит собака — ненецкая лайка. Собаки эти смешанной породы, и среди них встречаются экземпляры различного роста, экстерьера, масти и т.д. Все же наиболее типичными оленегонными собаками у ненцев являются животные низкорослые с длинной шерстью со свернутым в кольцо хвостом, короткими ногами и острыми стоячими ушами. Собак специально обучают работать в среде, с этой целью иногда привязывают необ[ученную] собаку к обученной, когда последняя работает. Обучен[ные] собаки беспрекословно слушаются хозяина, по его приказу подгоняют убежавших оленей и по команде возвращаются к нему. Они не должны пускать оленей и забегать в центр стада, чтобы не распугать его. Чтобы собака не кусала оленей, им иногда спиливают клыки. Существуют разные формы команды: *přř* или *přř huş* — приказ подогнать к стаду определ[енного] оленя или целую группу, *tała*, *la* — приказ вернуться к хозяину и т.д.

¹ В настоящее время в ряде колхозов установлено непрерывное окарауливание стада. Применяются также новые приемы просчета пойман[ых] оленей и т.д., напр[имер] каррали. В настоящей работе мы не касаемся новой техники и условно пользуемся формой настоящего времени, описывая приемы, нередко еще весьма широко распространенные, но в целом характеризующие оленеводство ненцев в прошлом (до 1931–1936 гг.)

² В зависимости от разл[ичных] условий кормится от 3 до 6 раз в сутки — столько же раз ложится для переваривания пищи.

Хорошие пастушьи собаки высоко ценятся (за одну собаку дают иногда несколько голов оленей). Обычно они находятся на открытом воздухе, и лишь в комарное время или в сильные морозы их пускают в чум. Там же держат и сук с маленькими щенятами. Если в то время, как собирается стадо, данная собака является лишней, то ее привязывают веревкой в нарте или к шестам внутри чума, у входа. Во время перекочевки одна или две собаки помогают гнать стадо, а остальные большей частью привязываются с помощью короткого ремешка или цепочки к нарте, обычно женской, возле полозьев которой, вернее между полозьев которой и бегут.

[Пастьба и объединение стад]

Зимой во время пастьбы в лесотундре ненцы редко объединяют более чем 2–3 мелких стада, т.к. олени в это время держатся кучно, чему способствует глубокий снег. Весной большей частью производят полное разделение стад. На этот период приходится отел. С наступлением комарного времени стада вновь объединяются, т.к. мучимые насекомыми олени легко разбегаются, и минимальным размером стада, которое более или менее удобно там в это время, считается 200–300 голов. Осенью, перед началом гона, стада вновь разделяют и вновь объединяют их уже после гона, перед осенней кочевкой.

При пастьбе пастух постоянно следит, чтобы олени не отбивались от стада. Особенно это трудно летом. Зимой, после сбора стада, пастух, обходя пешком, на лыжах или объехав на нарте копище, без труда замечает следы ушедших в сторону оленей, за которыми и отправляется. В темные ночи, когда еще нет снега, следить за стадом помогают белые олени, легко заметные в темноте. Когда стада собирают (особ[енно] летом, когда следы мало заметны) и желают проверить, все ли олени в сборе, то, лишь бегло осмотрев стадо, медленно, без подсчета определяют, какие именно олени отсутствуют. Это проделывается за несколько минут в стаде в 200–300 гол[ов] и основано на том, что каждый ненец отлично знает своих оленей «в лицо» и кроме того не имеет обычно отдельных оленей, а лишь целые группы. Таких групп в стаде бывает много, и их <нрзб> обусловлено разными причинами. В каждом стаде есть олени, которые обычно держатся впереди, есть постоянно находящиеся на одном из планов стада, есть, наконец, такие, которые всегда идут в конце или в центре. Каждый пастух знает также группы оленей, которые всегда держатся возле старых важенок, потомством которых являются. Имеются, наконец, группы оленей «товарищей», которые пасутся и держатся в стаде всегда вместе. По приметным оленям каждой такой группы легко установить, в сборе ли стадо.

[Волки]

Большие трудности испытывает пастух осенью и весной, когда оленей тревожат волки. Наличие в данном месте волков определяют по разным признакам. Находят следы, замечают появл[ение] ворона, который нередко сопутствует волкам, и т.д. Если стаду угрожает волк, то вечером, после дневной пастьбы, его подгоняют к чуму, откуда он уходил на пастбище под присмотром пастуха, остающегося со стадом до утра. Всю ночь пастух объезжает стадо кругом, подбадривает оленей окриками, стучит по нарте деревянной оббивалкой для снега, иногда стреляет из ружья. В такие ночи приходится по несколько раз менять оленей для караульной нарты. Чтобы не тревожить при этом стадо, пастух подходит к оленям, особенно любящим мочу, имитирует мочеиспускание и ловит подбегающих оленей, которых потом и запрягает. Если нападают волки, то главная задача пастуха — сдерживать основную массу оленей и не дать им разбежаться. Отдельные олени, отбитые волком, не увлекают за собой стадо, а, наоборот, — стремятся к нему вернуться. Весной 1936 г. я наблюдал, как волк отбил от стада одного оленя, загнал его довольно далеко, но ушел, спугнутый собаками. Олень немедленно вернулся к стаду, хотя у него было вырвано горло и он едва держался на ногах.

Для отравления волков и для того, чтобы легче было находить оленей на лесном пастбище или ночью, применяют примитивный капкан (нен. *lolko*). Обычно это корытообран[ый] выдолбл[енный] внутри кусок дерева, внутри которого подвешены на ремешках 4–5 языков из оленьего рога. *Lolko* подвешивается между рогами оленя и при каждом движении животного издает довольно громкий звук. Существует более примитивная форма: *lolko* создается из <нрзб> доски дл[ина] 40 см, шир[ина] 12–15 см. К обеим сторонам которой прикреплены такие же языки, они в *lolko* первого типа.

[Комары]

Летом, когда стадо, мучаемое комарами, стремится бежать против ветра, пастух с по[мощниками]-собаками старается повернуть его и заставляет кружить на одном месте. Для мелких стад, выпасаемых летом в лесотундре и в тайге (бассейн р. Пур, правобережье Оби в районе <рек> Вануйта — Кутопьюган, Мезенского леса), устанавливают для охраны от комаров дымокуры из сырого леса и веток. В Мезенских лесах также дымокуры делают в виде длинных узких грядок, расположенных параллельно друг другу на расст[оянии] 5–10 м. В промежутках между дымокурами стоят олени. Нередко дымокуры огораживают жердями, чтобы сильно страдающие от комаров олени старались приблизиться вплотную к дымокуру, не обжигали ноги.

[Беспокойные олени]

При пастьбе на скудных пастбищах опасались, что олени уйдут ночью, в той стороне, куда не хотят упустить стадо, устанавливают оленье пугало (нен. *ty pitfj*). Пугалом могут служить шест с надетой на него ветошью, нарты, поставленные стоймя, и т.д.

На задних наиболее беспокойных оленей, стремящихся отколоться от стада, надевают (Енисей, Пур) деревянную колодку (нен. *tobali*). Колодка закрепляется на ноге оленя, над копытом, с помощью дерев[янной] пало[чки], плотно втыкаемой в отверстия, просверленные в выступах колодки. Когда олень движется, дерев[янный] шип, управляемый на нижн[ей] стороне колодки и задевающий неровности почвы, служит своего рода тормозом. Колодки известны ряду народов, заним[ающихся] оленеводством, и неоднократно [Миддендорф 1877: 496; Martin 1897; Попов 1935: 87 и др.]. Беспокойным оленям, или необученным в упряжке и подлежащим обучению, надевают на шею дерев[янный] обруч (нен. *ʒojefjta*), концы которого в месте их пересечения скреплены дерев[янным] гвоздем. На обруч надевают одну или несколько деревяшек, дл[иной] около 50–60 см, заостренных на конце. Когда олень пытается бежать и высоко поднимает передние ноги, деревяшка больно ударяет по коленным суставам, и животное вынуждено перейти на шаг.

У хоров, чтобы они не ранили важенок перед гоном, спиливают рога. У упряжных оленей также иногда спиливают внутренние отростки, так как, работая в упряжке, животные подчас мешают друг другу, цепляясь рогами за рога соседних оленей.

[Приемы при отеле, кастрации и лечении]

Оленеводческая техника у ненцев имеет также ряд приемов при отеле, кастрации и лечении оленей.

При отеле, если важенька не может родить сама, пастух вводит руку и повернув теленка, вытаскивает его. Нередко важенька уходит от новорожд[енного] теленка и не хочет его кормить. Тогда ей подвешивают ботало (*ʒojefjta*). Случается, что важенька даже не лижет теленка. В этом случае ей делают ножом надрез на верхн[ей] губе, и она, начав слизывать с теленка капающую на него кровь, постепенно начинает лизать его. С той же целью делают надрез возле края половой щели и кровью мажут теленка.

Хоров, достигших полуторалетнего возраста и предназначенных для работы в упряжи, кастрируют. Кастрация обычно проходит в сентябре. Ненцы практикуют три способа кастрации оленей:

1. Оленя валят, стянув ему ремнем ноги и притянув одну задн[ую] ногу вперед, привязывают свободн[ый] конец, привязывая веревку к рогам. Помощник держит голову оленя, а оператор, схватив мошонку в рот, и стараясь не повредить ее, раздробляет оболочку семенников. После этого он рукой мнет мошонку, раздробляя окончательно семенники.

2. Связав и повалив оленя, как в первом случае, на мошонку надевают петлю и, притянув мошонку к ляжке оленя, ударяют по ней палкой (часто рукояткой скребка для выделки шкур). Оболочка семенников лопается, и затем раздробление завершается, как и в первом случае, рукой.

3. Связав и повалив оленя, делают вдоль мошонки два разреза ножом и, выдавив семенники, вырывают их. На о-ве Колгуеве, по словам И.А. Перфильева [1928: 12], разрез присыпают солью (с антисептической целью). По его наблюдениям, выдавив семенники из мошонки, их раздробляют палкой или камнем (рис. 10, 11).

[Обучение и лечение оленей]

Обучать оленей работе в упряжи начинают обычно с двух лет. Обучению подлежат холощенные быки, хапторки и, реже (в мелких стадах), важенки. Обучение заключ[ается] в том, что оленя привязывают за шею к заднику нарты и ездят так ежедневно по неск[олько] раз в день. Животное постепенно привыкает к веревке на шее и к необходимости бежать за нартой. После этого обучаемого оленя запрягают в середину, между двух обученных сильных быков. Через некоторое время он вполне привыкает к работе в упряжи. Менее упрямых и хорошо слушающихся седока оленей приучают к работе в ка[честве] передовых, что требует больше времени и труда. Главная задача — научить оленя слушаться вожжи и не поворачивать влево. Особенно ценятся передовые идущие совершенно прямо, в отличие от идущих зигзагами (нен. *halmërta*).

<...>

При серьезных заболеваниях, например при сиб[ирской] язве (нен. *posa habç*), лечение оленей не производят.

При нагноении под копытом делают тонкий разрез ножом и выдавливают гной.

Летом и осенью, надрезая и отламывая с указ[анными] выше целями рога, еще не затвердевшие и имеющие сист[ему] кров[янных] сосудов, ниже места отреза туго перетягивают рог сухожильной ниткой, чтобы прекратить кровотечение.

Если олень сильно утомлен и отказывается идти вперед, то ему делают надрез на хвосте и пускают кровь, а иногда совсем отрезают кончик хвоста.

Рис. 10–11. Кастрация оленя. Большеземельская тундра. 1914.
Автор: Г.Д. Федоров. МАЭ 2426-79, 2426-80

Личинок носового овода некоторые пастухи вынимают из горла оленя рукой. Личинок спинного овода выдавливают, причем оставшийся свищ некоторые натирают солью. Солью же мажут нарывы на языке оленя.

Оводов стараются всячески уничтожать, пользуясь для этого следующим способом. Расстилают белую оленю шкуру и садящихся на нее оводов, привлеченных белым «оленем», лежа возле нее на земле, бьют палочкой, нередко оводу отрывают при этом головки.

[Клеймение оленей]

Поскольку олени нередко откальваются от стада и примыкают к другим стадам, откуда их надо выбирать, отдаются во временное пользование и т.д., их клеймят. Клеймо (нен. *pidtefma*, *jesir*), служащее у ненцев знаком собственности, вырезается ножом на шерсти оленей. Клеймение проводится обычно по новой шерсти осенью или зимой. Клеймят важенок, хоров и молодняк, ставя метку на лопатке.

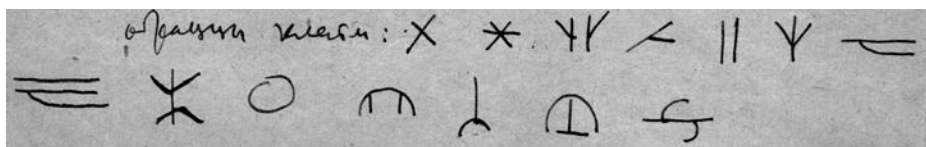

Рис.12. Образцы клейм. Рисунок Г.Д. Вербова.

Независимо от клеймления по шерсти каждому годовалому теленку вырезают метку на ушах (нен. *hawo' pidtefma*). Эти метки служат только для клеймления оленей и как знаки собственности в других случаях не фигурируют. Вырезание меток производится ножом на одном, а иногда и на обоих ушах оленя. Если клейма имеют на обоих ушах, то они бывают иногда одинаковыми и расположенными симметрично, иногда разными¹.

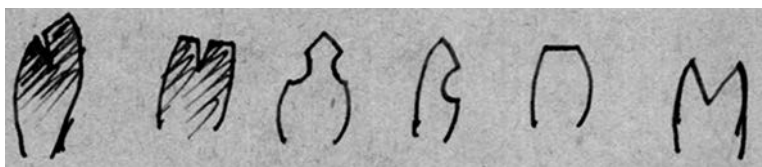

Рис. 13. Образцы ушных клейм. Рисунок Г.Д. Вербова

¹ Описание клейм в связи с имущественными отношениями будет дано вып[уске] Музея. [Что за выпуск Музея имел ввиду Г.Д. Вербов, остается неизвестным. — Прим. ред.]

С

Соболев Михаил

В

Ванчонидра

Х

Хатанзев

Л

Ланидимаев

А

Хаташзеева Е.

И

Вучейский Ф

Г

Т

Алитин Ивано

Х

Лётков Василий

Е

Васин Андрей

Рис. 14. Метки на ушах. Из архива Г.Д. Вербова [АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 42]

[Убой оленей]

Убой оленей производится в различное время года. Ранний убой производится в августе. В это время шкура телят, родившихся в мае, годна на тонкие малицы, а шкуры взрослых оленей, имеющих короткий и прочный новый волос, — на подола для малиц. Августовский убой производят не все и не всегда¹. В октябре, когда вес телят значительно вырастает, а шкура становится т.н. «выростком», происходит массовый убой. Это время удобно и тем, что наступившие морозы предохраняют мясо от порчи. Взрослых оленей бьют также в это время, но в зависимости от необходимости убивают и позже, стремясь лишь не делать этого весной. В дореволюционные годы, когда многооленные кулаки забивали осенью сотни телят, для убоя выбирались специальные пункты, откуда мясо вывозилось торговцами.

Техника убоя в разных районах различна. Старинный способ убоя, сохранившийся еще на Ямале, в Левобережье Оби и на р. Таз, заключается в том, что оленя, оглушив превар[ительно] ударом обуха по лбу, душат, затягивая у него на шее аркан. Обычай убивать оленя посредством удушения еще очень распространен и применяется не только в период осеннего убоя. В 1936 г. я видел, как задушили оленя, раненного волком. Охотовед В.М. Ларионов в 1934 г. наблюдал в верх[овьях] р. Ныды, как дикого оленя, раненного во время охоты, также задушили. В европейских тундрах, в восточном Приуралье и на Енисее убой производят иначе. Оленя ударяют обухом в лоб и, оглушив, колют ножом в сердце. Иногда ограничиваются лишь уколом в сердце и в продолговатый мозг. На о. Колгуеве я наблюдал последовательно все эти три операции при убое одного оленя. При убое обычно стараются поставить оленя головой к югу².

¹ Между строк было написано предложение: «В это время покупают дорожку и мездра теленка». — *Прим. ред.*

² Этот прием, равно как и удушение, имеет ритуальное значение. Соответствующие данные будут помещены в др[угом] в[ыпуске] Материалов [не ясно, что за издание имеет ввиду Г.Д. Вербов. — *Прим. ред.*]. Животное валят на спину и вспарывают кожу от головы до грудной кости. Затем делают продольный разрез на шее, вытаскивают пищевод и, перерезав его, нижний отрезок связывают узлом, чтобы не вытекало содержимое желудка. После этого сделанный на коже надрез проводят до хвоста и разрезают кожу на ногах до коленных суставов. При этом сами суставы перерезают. В верхней части шеи делают круговой надрез. После этого шкуру сдирают, тушу переворачивают на правый бок и на левой стороне живота делают косой надрез, через который вынимают жел[удок] и кишки. Введя руку в надрез, разрезают диафрагму и удаляют печень, после чего обрезают передние и задние левые ноги и, надрезав, отламывают ребра. Удалив легкие, сердце и кровь, переворачивают тушу и отрезают правые ноги, шею и голову. После того как сделан первый разрез вдоль горла и завязан пищевод, к разделке туши приступают лишь после некоторой паузы. Видимо, считалось, что перед разделкой следует дать душе оленя выйти через разрез, для чего ему требуется известное время.

[Аркан]

Каждый пастух имеет аркан (нен. *тыңзаф*) для поимки оленей. Аркан плетут из оленьей, нерпичьей, белужьей или коровьей кожи в 4 прядки. Летом нередко пользуются веревочными арканами. Длина аркана около 14–18 м (десять маховых сажен). На одном конце аркана прикреплен костяной или роговой блок (нен. *тыңзаф сармик*) с двумя отверстиями. В меньшее отверстие пропущен конец аркана, завязанный узлом. Иногда между узлом и блоком на аркан надевается прямоугольная костяная пластинка. Второй конец аркана пропущен в другое, большее отверстие блока, образуя мертвую петлю. Приготавливая аркан для метания, пастух захватывает правой рукой петлю, а левой блок и с помощью кругообр[азного] движения правой рукой тянет аркан сквозь большее отверстие блока, свертывая его в кольцо. Когда смотано около 2/3 аркана, на изгиб правой руки вытягивают около 1 м аркана и затем снова продолжают сматывание, свободный конец аркана наматывая на левую руку. После этого берут в левую руку часть аркана, свернутую после пропуска, а перевернутый отрезок оставляя между двумя руками пастуха, соединяя кольца, зажатые в левой р[уке] с кольцами, зажатыми правой. Метание производят обычно правой рукой. Петля, образованная брошенной частью аркана, скручиваясь на лету, падает на рог, шею или задние ноги оленя и затягивается. После этого, перебирая аркан руками, подходят к животному.

Метание аркана требует большой тренировки, и мужчины начинают обучаться этому с детских лет. Мне рассказывали большеземельские ненцы, что в штормовую погоду, бросая аркан по ветру, связывают по два аркана и ловят таким образом оленей на дальнем расстоянии. Искусство метания аркана служит не только для поимки оленей.

Мне нередко приходилось видеть, как набрасывают аркан на плавающее дерево, чтобы подтянуть его к берегу, на раненую птицу, плавающую в озере. Известны случаи, когда с ледяного причала набрасывали аркан на вынырывающих нерп.

Поимка оленей арканом по большей части комбинируется с загоном части стада в «невод». «Невод» (нен. *ваф* или *жорка*) устраивается из нарт, поставленных полукругом, причем передок каждой нарты поднят на задок соседней. Если имеются с высоко наложенным грузом, то их передки не поднимаются. К обеим крайним нартам полукруга привязываются длинные веревки. Когда стадо пригнано, то стараются загнать ездовых «смирных» быков в «невод». Как только это сделано, люди, держащие веревки, которые были отведены наружу у крайних нарт, тянут их навстречу друг другу, замыкая круг, где быки оказываются запертыми. После этого, часть стада, состоящую из важенок, хапторок, телят и недостаточно «смирных» быков, начинают прогонять с помощью собак мимо людей с арканами, которыми

они ловят нужных для запряжки, но не попавших в «невода» оленей. Затем в «неводе» выбирают нужных быков и, обвязав им шеи ремнем или веревкой, выводят, привязывают к нартам и возвращают в «невод» за другими. Когда все олени для запряжки пойманы одним из указанных способов, оставшихся в «неводе» быков выпускают и снимают веревки, которыми замыкали круг. В районе к востоку от Оби загон в «невод» практикуется не столь часто, как на западе. Нередко всех нужных для запряжки оленей ловят арканом.

[Нарты]¹

Ненцам известно лишь санное оленеводство. Некоторые пережитки выгонного оленеводства сохранились до нашего столетия лишь у группы лесных ненцев в верховьях Пуры и описаны Т. Lehtisalo в [Lehtisalo 1932].

Для ненецкой нарты (нен. *han*) характерны широкие высоко загнутые полозья, сравнительно высокие копылья, укрепленные в полозьях у некоторых типов нарт под углом в 20–30 градусов, и низкая конструкция. Все основные части скреплены с помощью пригонки в сквозные отверстия, без перевязывания ремнями. Связывание дерев[янных] частей впрочем, применяется, но лишь для прикрепления спинки у легких нарт.

Для разных целей пользуются нартами различных типов.

1) Мужская легковая нарта (нен. *ṅadlošfj*) высоко загнутые (ок[оло] 75 см 75 см от земли) полозья, на которых с помощью 4–5 пар фигурных, слегка изогнутых высоко до 40 см копыльев укреплены продольные дл[иной] 150–180 см. Копылья имеют обычно наклон назад до 20–35 градусов. Благодаря этому они пружинят. Для того чтобы при быстрой езде по бездорожью предотвратить частые опрокидывания нарты, копылья поставлены ниже с наклоном до 30 градусов внутрь. Благодаря этому расстояние между полозьями оказывается значительно большим, чем ширина сиденья. Каждая пара копыльев соединена нащепом, концы которого вставлены в отверстия, прорезанные в верхней утолщенной части каждого копыла. Концы продольных вставляют в отверстия в передн[их] концах полозьев, которые соединены друг с другом одной или двумя поперечными планками. На нащепе, между продольными, помещается сиденье из 2–3 тонких дощечек. Спереди оно ограничено передком, представляющим собою дощечку, высотой до 30 см, и спинкой, состоящей из 2-х дощечек, привязанных ремнем к кокорам, которыми оканчиваются продольные. Для прочности продольные, позади посл[едней] пары копыльев обычно стягивают

¹ Описание нарт и упряжи дано также в статье Л.В. Хомич. Языковой материал, связанный с материальной культурой оленеводства, см. в статье А.П. Пырера. — *Прим. ред.*

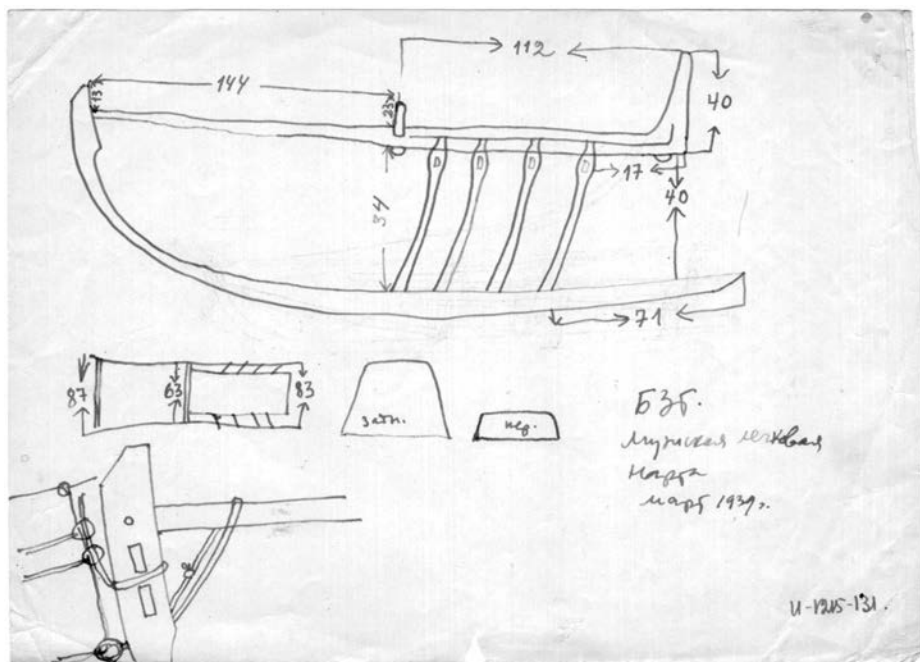

Рис. 15. Мужская легковая нарта. Большеземельская тундра. 1939.
Рисунок Г.Д. Вербова. МАЭ И-1215-131

отрывком старого ременного аркана, что, возм[ожно], является пережитком скрепления частей нарты путем связывания.

2) В качестве мужской нарты используется для неспешных поездок с некот(орым) грузом нарта более длинная, чем описана выше, с почти вертикально поставленными 3–4 парами копыльев и без спинки. Они известны под названием *wandad han* или *hurumь* и нередко используются как грузовые, в частности, для перевозки мяса.

3) Женская нарта (нен. *nenkan* < *ne han* — «женщины нарта»; *pisutana* — «с покрывалом») выше и шире чем мужская, чтобы почти полн[остью] предохранить нарты от опрокидывания и подмачивания при переправе через реки. Нередко с правой стороны укреплением вертикальных досок (нен. *hawdarfj*, *hawdarlata*) высотой до 30 см, образующая вместе со спинкой и передком как бы ящик, открытый лишь с левой стороны. Такое приспособление устраивается потому, что женщина возит с собой в нарте детей, некоторые продукты, потребляемые во время кочевки, и т.д.

4) Грузовая нарта для хранения и перевозки выделанных оленьих шкур, мехов, продуктов (нен. *wandako*). Немного уже, чем женская нарта. Имеет 4–5 пар высоких копыльев. На продольных укреплены четыре вертикальные стенки из досок, образующие вместе с дощатым настилом как бы ящик без крышки.

5) Грузов[ая] нарта для хранения и перевозки шкур, служащих постелями и одеждой, носимой в чуме (нен. *juhuna*), имеет 3–4 пары высоких копыльев, передок и спинку.

6) Грузов[ая]¹ нарта для хранения и перевозки одежды и различных мелких вещей (нен. *huçoda* «завязываемая»; *wata han* «лишнего нарты» — канин[ские]) почти не отличаются от *juhuna*.

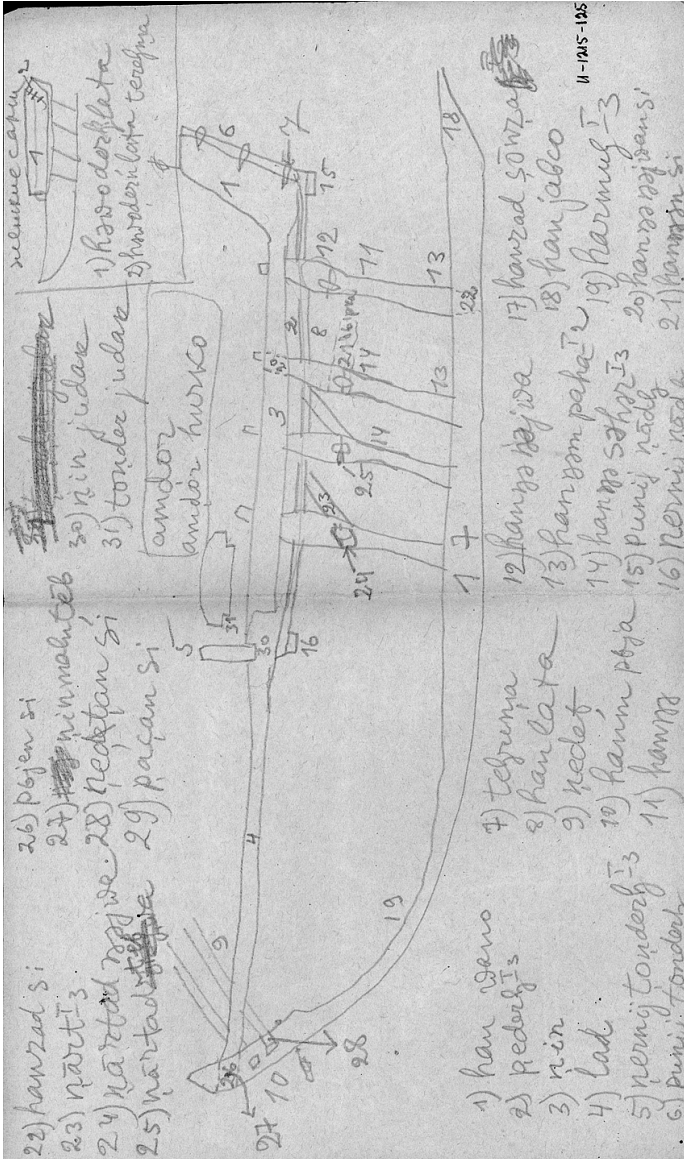

Рис. 16. Женская нарта. Рисунок Г.Д. Вербова. МАЭ И-1215-125

¹ Карандашом сверху написано «это вандако». Почерк Вербова. Стрелкой показывает на 4 тип нарты. — Прим. ред.

7) Грузов[ая] нарта для перевозки деревянного ларя, в котором хранят продукты, боеприпасы, иногда упряжь (нен. *lar han*) имеет две пары копыльев и низко расположенные нащепы, на которые устанавливается ларь. На продольные спереди и позади ларя обычно надевают две поперечные планки, не позволяющие ларю смещаться при спусках и подъемах.

8) Грузов[ая] нарта для перевозки дров, мешков с мукой и другого тяжелого груза (нен. *ηuroq; tarownpa* русские *дровни*, Канин). По конструкции напоминает *lar han*, но несколько ниже и с толстыми нащепами.

9) Грузов[ая] нарта для перевозки досок, служащих в чуме полом, жел[езного] листа для очага, циновок и женской обуви (нен. *şabu*), мало отличается от *lar han*, но обычно длиннее. Имеет 2–3 пары копыльев, на нащепках настила не имеет.

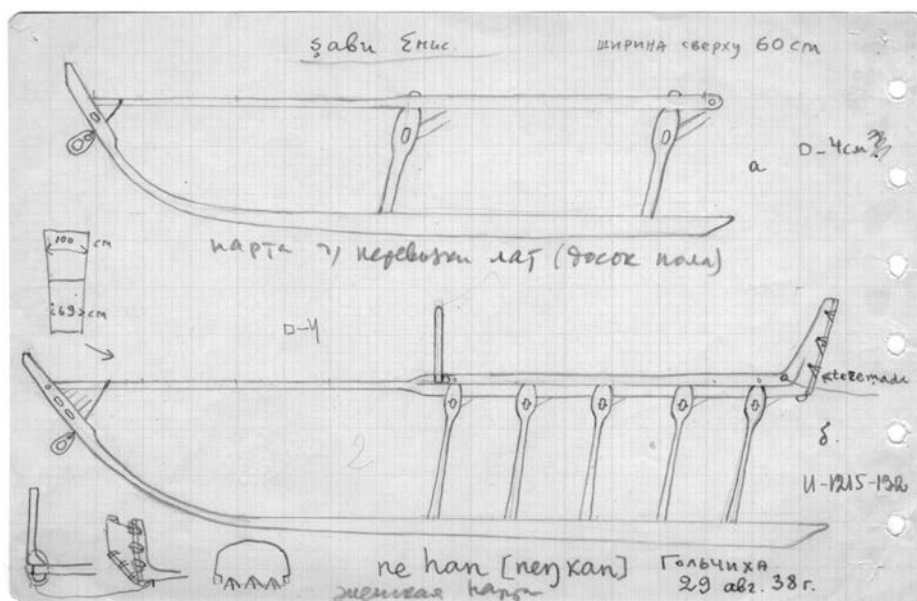

Рис. 17. *şabu* и *neŋkan*. Таймыр, р. Гольчиха. Рисунок Г.Д. Вербова. МАЭ И-1215-132

10) Грузов[ая] нарта для перевозки шестов, служащих остовом чума, покрытием чума, стола и т.д. (нен. *ηutos* — «шестовая», *poj ηutos* — промежуточная шестовая; *jamh han* — длинная нарта), по конструкции почти не отличается от *şabu*, но длиннее и имеет ниже расположенные нащепы.

11) Грузов[ая] нарта для перевозки дров и тяжелого груза (нен. *kasewaj* < русск. *кошева* (?))¹. Напоминает русские дровни. Имеет три пары копыльев;

¹ *Кошева* — ж. местн.; = кошевая 'Широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожей'. (Толковый словарь Ефремовой. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>). — Прим. ред.

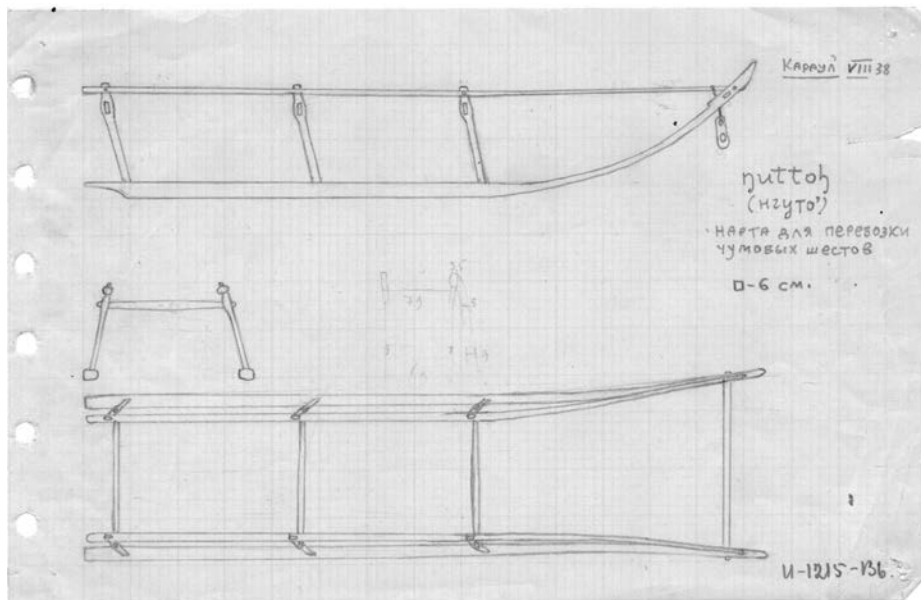

Рис.18. Нарта *nutos*. Пос. Караул. 1938 г. Рисунок Г.Д. Вербова
МАЭ И-1215-36

передняя пара с помощью планки соединена с передними концами обоих полозьев, что предотвращает их разгибание. Продольины привязаны к верхним концам копыльев. Известна только ненцам, живущим на реках Таз, Енисей. Употребляется под груз и энцами, которые называют ее по-долгански — *turkuçan*. Нарты этого типа бытуют у долган. У них встречается *turkuçan̄ki* — маленькая легко[ая] нарта и *turku* — грузовая нарта.

12) Балок. Представляет собою передв[ижное] жилище, состоящее из обтянутого шкурами и материей дерев[янного] каркаса, установленного на две длинные широких полозья. В утолщениях полозьев укреплены с помощью шипов и веревочных вязок три пары нижних широких копыльев. Балок известен лишь ненцам, жив[ущим] на правом берегу Енисея, и недавно заимств(ован) ими у русских или долган.

13) Грузов[ая] нарта нап[ом]инающ[ая] *hurim̄t̄*, но меньшего размера. Ее обычно тянут вручную и употребляют для подвозки к чуму снега, льда и иногда дров (*hanoko*).

14) Ручная нарта разн[ых] типов для перевозки съест[ных] припасов (нен. *şanka*). Обычно не имеет продольин. На нащепках укреплен настил, к передн[ему] краю которого прикреплен *варан*¹, соедин[енный] с концами полозьев. На правобережье Енисея санки несколько напоминают по конструкции *kasewaj*.

¹ От нен. *вар* 'край'. — Прим. ред.

15) Священная нарта, на которой хранят и перевозят предметы культа (нен. *həhəŋkan*), напоминает легковой мужской нарт, имеет б[ольшей] ч[астью] от 7 до 14 копыльев. <...>.

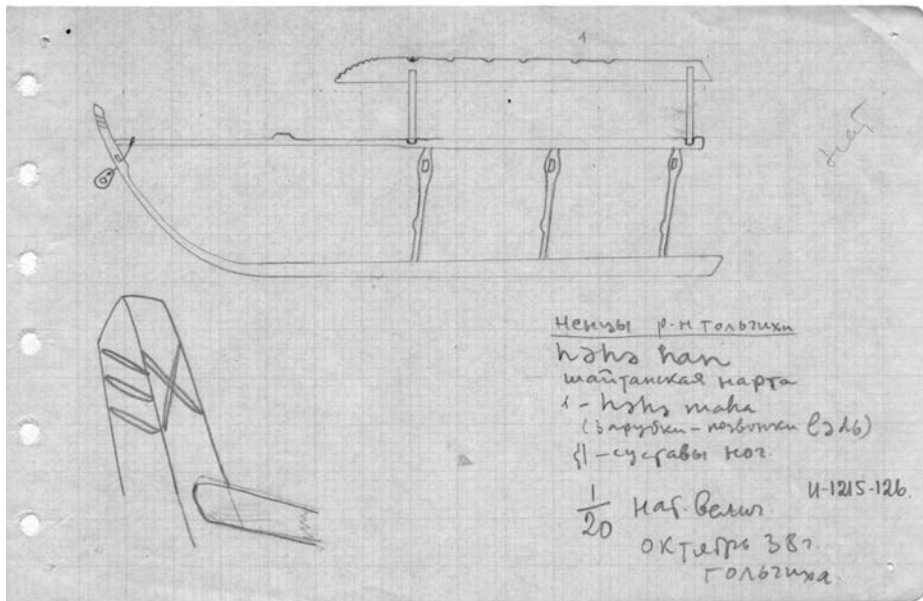

Рис. 19. Священная нарта *hehe han*. Таймыр, р. Гольчиха. 1938 г.
 Рисунок Г.Д. Вербова. МАЭ И-1215-126

Особо следует отметить употребляемый нередко примит[ивный] *тоб-бкан*¹. В случае серьезной поломки легковой нарты ездок снимает с сиденья оленью шкуру, кладет ее на снег волосом вниз, вперед шейной частью, и, пропустив в ушные отверстия шкуры постромку, запрягает двух оленей. Сидя на шкуре, ездок держится за переднюю ее часть.

[Ездовое собаководство]

Специализированного ездового собаководства у ненцев не существует. В некоторых районах (Новая Земля, о. Вайгач, южная часть Оби и низовье Енисея) для езды используют собак, запрягая их в нарты, отличающиеся от оленных нарт типа *hurut* только меньшим размером. К полозьям собачьей нарты весной прикрепляют стальные подполозья, чтобы облегчить скольжение.

¹ **hobahan* 'шкура-нарта'. — Прим. ред.

Рис. 20. Собачья упряжка. Фото Д.Д. Иевлев. 1914 г. Р. Усса.
МАЭ 2361-38

Рис. 21. Дмитрий Лагей¹ и его собаки. Пос. Хабарово.
Фото Г.Н. Прокофьева. МАЭ И-1174-27

¹ Дмитрий Лагей — знакомый Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых по их экспедиции к ненцам в 1929–1930-е гг. — *Прим. ред.*

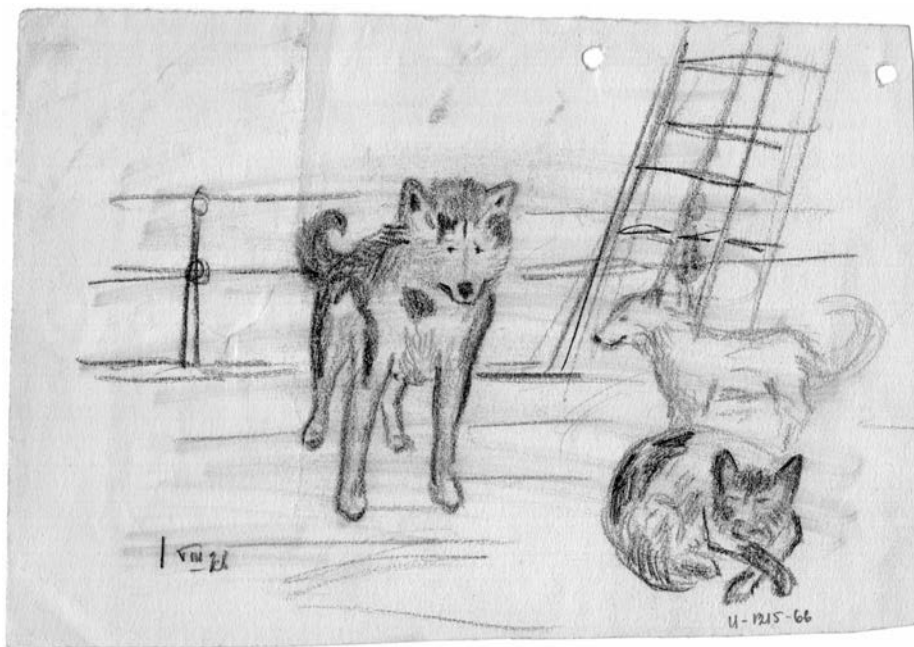

Рис. 23. Собаки. Рисунок Г.Д. Вербова.
МАЭ И-1215-66

[Изготовление нарт и упряжи]

Ненецкие нарты, изготавливающиеся целиком из дерева, на полозья обычно идет лиственница или ель. На копылья и нащепы большей части береза. На продолину береза. Сроки службы легковых нарт (*ηədłoʃf* и *hurimʹ*) равен обычно 1–2 годам, после чего приходится менять стершиеся полозья, в особенности левый, который несет большую нагрузку, так как ездовые идут на левой стороне нарт. Грузовые и женские нарты, не употребляющиеся для быстрой езды, служат много лет, приходится лишь менять гниющие от сырости копылья. Размеры нарт одного и того же типа заметно колеблются, т.к. мерой при изготовлении нарты обычно служит ручная четверть (*terwa*)¹ и голени изготавливающего нарту (нен. *həwa lʹ*)². Так, например, высота копыльев жен[ской] нарты (от полозьев до продолины) 2 четверти, мужск[ой] нарты 1,5 четверти. Например, женск[ая] нарта — 2 голени, мужск[ая] — 1,5 голени и т.д.

Упряжь для легкой нарты состоит из упряжи для передового оленя и упряжи для остальных оленей, количество которых колеблется в зави-

¹ Расстояние от конца большого пальца до конца мизинца. — Прим. ред.

² *həwa lʹ* — букв. 'бока кость, т.е. ребро' — Прим. ред.

симости от различных условий от 2 до 6. Для прикрепления упряжи к нарте служат два деревянных или костянных, реже метал[лических], блока (*řacer*). В меньшее отверстие каждого блока пропущен короткий ремень, свободный конец которого проходит сквозь отверстие, просверленное в переднем утолщенном конце полозы ниже каждой соединительной планки, и привязан к продольной р[емню]. Через большие отверстия обоих блоков пропущены постромки *sa* длиной 4–6 метров, представляет собой ремень шириной 1,5–2 см. Из кожи морского зайца или кот[иковой] кожи. К той части постромки, которая находится между блоками, с помощью таких же блоков или металлических колец прикрепляют столько коротких постромок, каждая длиной около 1,5 метров, сколько запряжено оленей сверх двух. Иногда для каждой добавочной пары оленей прикрепляют таким способом лишь одну постромку, за концы которой они и тянут. К концам постромок с помощью веревок или костянных застежек *řasik* пристегнута лямка *poderfj* из котиковой кожи, надеваемая на того оленя; лямка соединена проходящим через один из ее концов ремнем, концы которого прикреплены к «поясу» — *jo jina*, также изготвл[енному] из котиковой кожи, перекидываемому через спину оленя. К правой стороне пояса, с помощью ременной петли, прикрепленной к костянной пряжке, привязан недоуздок для оленя, идущего справа. К поясу этого оленя соответственно прикреплен следующий недоуздок и т.д. Лишь к последнему крайнему правому оленю не прикрепляется недоуздок. Каждый недоуздок *řan* состоит из двух изогнутых обрезков оленьих рогов, соединенных друг с другом и с двумя роговыми или костянными (из моржового или мамонтового клыка) нащечниками. К нащечникам присоединены ремни: один проходит под мордой оленя и другой, состоящий из двух половинок, пристегиваемых друг к другу на затылке животного. У недоуздка для левого — передового — оленя левая костяшка — прямая. Когда тянут за прикрепленную к недоуздку перед[ового] ол[еня] вожжу, прямая костяшка причиняет оленю боль, и он повинуется ездоку, поворачивая влево. Для того чтобы вожжа не провисала, на левой стороне пояса передового оленя укрепляют костянной, роговой или металлический держатель *halcolb*¹ для вожжи.

При езде с большой скоростью с соблюдением определенного аллюра (например, на бегах) передового оленя не прикрепляют к постромке, а лишь управляют им.

В качестве поясов или оторочки к настоящим поясам, щеголи употребляют полосы из шкуры белого или бурого медведя, т.н. *workado*.

В женской праздничной, в частности в свадебной, упряжи к поясам пришивают широкую полосу из орнаментированного цветного сукна т.н. *jo jina*.

¹ Червяк-кость' — Прим. ред.

Недоуздки *ṣan* нередко бывают украшены кистями из ровд[ужьих] ремешков, окрашенных суриком.

При езде на мужскую нарту кладут мехом вверх оленью шкуру (нен. *ṅamdorḥ* — ‘сиденье’). Ее шейная часть перекидывается через спинку нарты и закрепляется ремнем. Под шкуру обычно кладут аркан, топор и лучковое сверло — вещи, необходимые для ловли и связывания оленей и починки нарт при поломках.

С правой стороны нарты к продолине прикрепляют на двух ремнях чехол для ружья, сшитый из коровьей кожи или оленьей шкуры, мездрой наружу, причем мездра бывает обычно окрашена в красный цвет. Прежде таким же образом привязывали налучник. Запасную нарту покрывают особым покрывалом из ол[еньих] шкур (зимой), бум[ажной] материи или сукна (*piḥ*) и закрепляют его покупными шерст[яными(?)] вязками.

Групповая упряжь состоит из основных постромок (*sa*), пропущенных в отверстия двух блоков, прикрепленных к передним концам полозьев и лямок, надеваемых на шею грузовым оленям. В грузовую нарту обычно запрягают двух оленей. Каждый из них с помощью ремня, цепи или веревки (*pujiṅa*) привязан за шею к задку впереди идущей нарты. Если один из оленей начинает отставать, то его сосед уходит вперед, еще ближе подталкивая ленивца к нарте. При этом шейный ремень натягивается и заставляет отставшего ускорить бег; чтобы шейные ремни и веревки не провисали слишком низко и не портились от постоянного обмерзания, [они] находятся всегда под мордой оленя, их составляют иногда из трех частей: к шее оленя и к задку нарты, идущей впереди, привязывают короткие ремни, а посередине к ним присоединяют обрубок рога. Летом, когда олени с трудом тащат грузовую нарту, нередко с помощью добавления постромки припрягают третьего оленя, привязывая за шею к одному из задних углов впереди идущей нарты.

Быстрота легкой езды резко колеблется в зависимости от времени года, состояния оленей и пути, искусства ездока. Нормальной скоростью для легкой езды на 3–5 оленях следует считать 7–10 км в час. При наличии благоприятных условий для езды или в случае необходимости скорость может быть доведена до 20 и даже 30 км в час. При легкой езде через каждые 8–12 км (летом через 4–7 км) делают остановку на 2–3 минуты, давая роздых оленям. Расстояние между такими остановками называется *ṅadalawam poḥ*, северн. русск. «попрыск». В день проезжают 4–8 *ṅadalawa* — т.е. до 100 км. В отдельных случаях, когда торопятся по важному делу и не жалеют оленей, проезжают по 200 и даже более км в сутки. В 1936 г. в низовье Оби мне пришлось участвовать в поездке, когда без кормежки на одних и тех же оленях было пройдено около 200 км за 16 часов.

Кроме вожжи, для понукания и управления оленями служит хорей (нен. *ṭur*) — шест, обычно березовый, длиной до 5,5 м, на переднем конце

которого обычно укреплен костяной или роговый шарик *tur mal*, на задний конец хорея насажают железное тупоконечное копьё *nağa*. При ударах в ляжки и по затылку оленей кост[яной] шарик предохраняет кожу животного от повреждений. Копьё служит как противовес при держании хорея подмышкой левой руки, используется для испытания прочности льда, для разбивания его, когда хотят достать воды для питья, для обороны (например, от волков), зондирования спусков в ночное время, измерения глубины рек при переправе вброд и т.д. В старину копьё служило боевым оружием.

Приготовляясь пустить упряжку, ездок наматывает конец вожжи на кисть правой руки, свертывает часть вожжи в кольцо и берет в левую руку хорей. Олени трогаются, вожжи разматываются, и ездок на ходу садится на нарту. Сидят на нарте (мужчины), положив на сиденье полусогнутую правую ногу и поставив левую на полозу.

Реже садятся, скрестив ноги на сиденье. Если необходимо осмотреть местность впереди, то, не останавливая оленей, левой становятся на полозу, а хорошие ездоки даже на сиденье. Женщины, путешествуя, по большей части свешиваются вниз или ставят на полозу две ноги.

Управляют упряжку так: если надо повернуть влево, то тянут вожжу к себе, передовой олень поворачивает и тянет за собой остальных. Для поворота вправо похлопывают вожжой по боку передового, который, делая поворот, толкает вправо остальных оленей. Хорей служит главным образом для понукания и выравнивания. Отстающего оленя тычут в ляжку, реже ударяют по спине или рогам. На крутых спусках ездок, сойдя с нарты, вытягивает хорей перед мордами оленей, не позволяя им торопиться убежать от наезжающей на них нарты. Хореем же ездок загораживает путь передовому, (плохому) сворачивать влево. При необходимости практикуется на близкие расстояния езда вдвоем, причем седок садится с правой стороны.

При езде на собаках употребляются те же приемы. Собачья упряжь мало отличается от оленьей, но проще и состоит из лямок, постромок, соединяющих ремней и вожжей. Запрягают обычно от 6 до 12 собак, которые везут почти так же быстро, как и олени, и в состоянии тащить бóльший груз.

[Караванная езда]

Способ караванной езды на оленях не может быть рассмотрен отдельно от описания кочевки, которая происходит следующим образом. После того как разобран чум и части его уложены на соответствующие нарты, пастухи пригоняют стадо. Когда все нужные для запряжки олени пойманы описанными выше способами, женщины запрягают грузовых оленей в увязанные заранее и составленные в аргиши нарты. Каждый аргиш (нен. *tud*) состоит из 5–7 грузовых нарт, причем олени, запряженные в переднюю грузовую нарту, привязываются за шеи к задку легкой большей частью женской

нарты, на которой и едет лицо, ведущее данный аргиш (большей частью женщина). После того как аргиши готовы в путь и ездоки запрягли оленей в свои легковые нарты, караван трогается в путь. Впереди едет вожак — *juduntana*. Обычно это глава семьи или его старший сын, человек, хорошо знающий местность. За ним растягиваются аргиши, следующие обычно в некотором отдалении. Если путь труден и узок, например в лесу, то стадо, которое гонят, следуя за ним на нартах, погонщики *tanbrta* идут позади аргишей. Если снег глубок, то оленей иногда пускают вперед, протоптать путь. Если же кочуют по ровной безлесной местности, то иногда гонят стадо рядом с аргишами, следуя за ним позади и с противоположной стороны.

Караван движется шагом или легкой рысью. Через каждые 4–7 км делают кратковременную остановку. Впрочем, бывает достаточно и случайных остановок: нередко опрокидываются грузовые нарты, олень наступит ногой на постромку, которая застревает у него между копыт, случаются какие либо поломки и т.д. Все это вызывает остановку движения аргиша, а иногда и всего каравана. Следя за нартами своего аргиша, каждый ездок должен также наблюдать за вожаком — *juduntana*. Последний в случае необходимости подает знак остановиться и указывает, как сократить удобней путь, поудобней сделать объезд озера, лед на котором оказался непрочным, и т.д. За день кочевки проходят летом до 15–20 км, а зимой до 20–40 км.

Порядок расположения нарт в каждом аргише сильно колеблется. Придерживаются лишь следующих правил: за левой нартой обычно идут нарты типа *wandako*, *juhuna* и *lař han*. Нарта *nytos* для перевозки шестов чума идет последней, так как иначе олени, запряженные в эту нарту, могут повредить ноги выступающими концами шестов. Нарта *řabu* — «поганая» — не включается в аргиш, который ведет мужчина. Первый аргиш обычно ведет незамужняя дочь хозяина, второй — ее мать, остальные — другие члены семьи. Если есть невестка — жена сына главы семьи, то нередко первый аргиш ведет она.

[«Дороги»]

В некоторых районах (например, Малоземельская и Большеземельская тундры) для больших сезонных перекочевок пользуются дорогами (нен. *sehəř*). Это, конечно, не дороги в буквальном смысле, но по ним ежегодно идут караваны, протаптывая глубокую ложбинку. Такие «дороги» меняют редко, и пользуются ими десятки лет, до тех пор пока в окрестностях не окажется вытравленным корм. След различают еще караванов и легковых нарт, сохраняющийся в течение сезона (нен. *nedarma*) и, наконец, след отдельного каравана — *neda*. В таежных районах на обычных кочевых путях имеются кое-где просеки (*nod*), например в бассейне р. Пура. Изредка

устраиваются гати, представляющие собой настил из хвороста и жердей (нен. *pul*). При переправах через реки ездок, стоя на нарте и упершись хореом в левый полоз, переплывает реки. Оленей при этом иногда припрягают, оставляя 2–3 впереди и привязывая остальных позади нарты, чтобы не допустить погружения в воду ее задней части. При переправе с аргишами стремятся найти брод, пользуясь для этого хореом или загоняя в реки оленя, привязанного на аркан. Если брода нет, то грузовую нарту устанавливают на импровизированный паром, состоящий из двух связанных друг с другом лодок-долбленок, и перетягивают его с помощью веревки через реку. Стада Большеземельских ненцев, следующие на о. Вайгач, осенью переплавляют через Югорский Шар на материк. Для этого выбирается тихий день с легким южным ветром, доносящим запахи земли, и, привязав к лодке 2–3 (обычно белых) оленей, служащих для стада «приманкой» и ориентиром, гребут через пролив. Стадо после этого загоняют в воду и следуют за ним в 2–3 лодках, не дают оленям отворачивать назад.

[Ориентировка]

При легкой езде, а иногда и при перекочевке, важную роль играет правильная ориентировка. В районе своих летних и зимних стоянок каждый ненец отлично знает местность и рискует заблудиться лишь в сильный буран или в полной темноте. Но при поездках по местам малознакомым пользуется различными ориентирами. Даже на ровной местности важным ориентиром служит линия горизонта, обладающая определенной волнистостью. Отдельные сопки и обрывы, котловины и т.д. также служат ориентирами. Направление определяют еще по снежным застругам, по прямой осенними ветрами траве (зная обычное направление этих ветров). При езде близ морского берега наблюдают за окраской, т.к. темная окраска в передней части небосклона указывает на наличие в данном направлении открытой воды. В лесотундре стороны света определяют по деревьям, у которых ветви с северной стороны обычно короче и на стволах кустарников с N (северной) стороны всегда лед и т.д. Пользуются и искусственными ориентирами: вехами (нен. *tufj*) и знаками, сконструированными из камней и земли на возвышенностях (нен. *həkurfj*). Ненцы отлично разбираются в следах, определяя количество прошедших нарт, оленей, направление их движения и степень свежести следа. Если ездовой потерял след или, двигаясь по целине, не видит знакомых ориентиров, он немедленно останавливается и пешком исследует местность. Если это не помогает, то принято возвращаться назад по собственному следу до того места, где начинается знакомая зона, откуда снова делают попытку двигаться вперед, но уже под углом к прежнему направлению. Ориентировка производится также по звездам и солнцу.

Когда вожак каравана нашел место, удобное для стоянки, он раскапывает лопаточкой, которую везет с собой, снег и определяет пригодность пастбища. Если пастбище хорошее, то он втыкает лопатку в снег в том месте, где следует ставить чум¹. Когда подходит аргиш, женщины и мужчины распрягают ездовых оленей, присоединяя их к стаду, которое пастухи отгоняют на пастбище. Одновременно или вслед за этим приступают к установке чума.

[Маршруты перекочевок]

Маршруты сезонных перекочевок весьма разнообразны, и мы приведем лишь основные из них. Маршруты эти относятся главным образом к периоду до 1930–1935 гг., так как после этого времени они подверглись коренным изменениям и, прежде всего, сокращению в связи с землеустройством, коллективизацией, постройкой новых факторий и т.д.

Канинские ненцы. Летовки по берегам и центральной части северн[ой] полов[ине] Кан(инского) полуострова. Зимовка — прав[ый] берег Мезенского залива, бассейн реки Кулой, бассейн юж[ных] рек Вижаса, Омы и Снопы, впадающих в Чёшскую губу и р. Пёза (восточный приток Мезени).

Лесовые ненцы. Постепенно концентрируются к западу от реки Мезени, доходят до устья р. Кулой на севере, до района Койдочета на северо-западе и до реки Пинегы на юге. Отдельные группы подкочевывают даже к Северной Двине.

Тиманские ненцы. Летовки на Тиманском кряже, по берегу Чёшской губы и в низовьях реки Индиги. Зимовки в верхах рек Пеши, Волонги, Индиги и Сулы.

Малоземельные ненцы. Летовки на приморской равнине между низовьем реки Вельт и устьем Печоры. Зимовки — главным образом в низовье реки Сулы.

Большеземельные ненцы. Летовки в низовье Кары, по западному берегу Печоры, в районе Югорского Шара — на о. Вайгаче, в низовье Коротаихи, Песчанки, близ о. Варандея, на возвышенностях Вангурей и Яней, в районе Вашуткинских озер. Отдельные кочевки у побережья в районе о. Сенгейский. Зимовки: верховья р. Усы, среднее и вернее течение реки Полуи (за Уралом), верховья рек Шапкиной и Колва, рек Котва, Кожим, Лемва, Лая.

Ямальские ненцы. Летовки — районы озер Яро-то и Нёя То, западный берег от реки Яхады-яхи до пролива Малыгина, Восточный берег от пролива Малыгина до мыса Каменный. Зимовки: пролив Малыгина, район р. Сёяха восточная, район Яра Саля, Нового порта, река Яхады (южный), Хадысты, Надымские, Ярёдейск[ие] и Полуйские леса (правост. Оби).

¹ Вставка между строк: «Он если едет дальше, чтоб поняли». — *Прим. ред.*

Малоямальские ненцы. Летовки главным образом близ Тазовской губы. Зимовки в центре и южной части малого Ямала.

Приобские ненцы. Летовки по берегам между фактории Вануйты и Еселава. Зимовки — в том же районе, на расстоянии в 40–100 (150) км от летовок.

Тазовские и ниже пурские ненцы. Летовки по берегам Тазовской губы, в низовьях Таза и Пура. Зимовки на незначительном расстоянии от летовок.

Гыданские ненцы. Летовки в западной, северной и северо-восточной части Гыданского полуострова. Зимовки — в районе фактории Напалково в бассейне рек Тантапаюте'е, Мессо¹, Яра, Танама и на полуострове малый Ямал вплоть до Обской губы.

Лесные ненцы. Летовки и зимовки в бассейне р. Пур (среднее и верхнее течение), бассейн р. Надым, северный приток р. Аган и ветвь р. Лямин.

Енисейские ненцы. Зимовки и летовки в районе рек Яра-Танама-Мал[ая] Хета (по левому бегу Енисея) и между рекой Гольчиха и с. Караул (по правому берегу Енисея).

¹ Современные названия — Тындапаютаяха, Мессояха.

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ОЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА НЕНЦЕВ¹
<1949?>**

[До Октябрьской революции]

Великая Октябрьская социалистическая революция застала ненцев на одной из низких ступеней общественного развития. Эта ступень характеризовалась политическим, хозяйственным и культурным отставанием ненецкого народа. Отсталость вызывалась низким уровнем развития производительных сил с примитивными способами добывания средств к жизни, слабо развитыми орудиями производства, преобладанием натуральной формы хозяйства, значительной ролью кровнородственных отношений в производстве и наличием при этом возросшего имущественного неравенства — выделившейся группы крупных оленеводов, эксплуатирующих своих сородичей, и разоряемой бедноты.

Со времени завоевания Сибири, по мере роста значения пушного промысла как основного, дающего средства оплаты ясака (до этого периода пушнина добывалась на свои нужды в ограниченном количестве), резко сказалось преимущество многооленных хозяйств. Опромышляя на оленях значительные территории, такие многооленные хозяйства добывали пушнину не только для уплаты ясака, но и для продажи скупщикам. На добытую пушнину многооленщики-ненцы закупали значительное количество продуктов и товаров — водку, хлеб, масло, мануфактуру, железную посуду, огнестрельное оружие. Ненецкие богачи становились держателями значительных товарных масс, перепродавали их бедноте, что способствовало дальнейшему росту имущественного неравенства, закабаляло малооленных ненцев. Уже в конце XIX столетия 82,2 % хозяйств большеземельских ненцев принадлежало лишь 24,6 % всего поголовья оленей в тундре. Размеры отдельных стад в этих хозяйствах колебались от одного до 100 оленей. 17,8 % хозяйств владели стадами от 100 до нескольких тысяч оленей, составлявших в общей сложности 75,4 % всего поголовья оленей в тундре.

¹ Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 109.

Около каждого большого хозяйства группировалось несколько хозяйств зависимых от него бедняков, выполнявших на него различные работы, получавших от него в долг оленье мясо, шкуры под будущий промысел, долг этот был неизбывным и, возрастая, переходил по наследству от отца к сыну.

Оленье хозяйство в те времена было очень неустойчиво. Хороший год — малые снега, отсутствие гололедицы, эпизоотии, хороший промысел — давал хорошее состояние стада, прирост поголовья, сохранность его. Неудачный год — гололедицы, эпизоотия и т.п. — уносил в короткое время все благосостояние ненца. Особенно это сказывалось на малооленных хозяйствах. Неудачный год делал из ненца — самостоятельного хозяина — батрака. Оленье стадо в условиях прежней примитивной техники оленеводства было величиной весьма непостоянной, зависящей всецело от стихийных обстоятельств.

Говоря о примитивности техники ненецкого оленеводства, мы должны отметить, что по сравнению с оленеводством южных самоедов (селькупов) и кетов ненецкое оленеводство стояло на значительно более высокой ступени. Если у селькупов и кетов можно говорить о примитивной технике оленеводства в полной смысле этого слова (вольный выпас оленей без всякого досмотра на весь летний сезон, большой процент гибели оленей, предоставленных самим себе, случки с дикими оленями и следствие — большое количество полудиких телят и т.д.), то ненецкое оленеводство имело пастушеские стада с собакой все время года, просмотр стада, весенний отбой телят, перекочевки со стадом: летние — к морю и осенние — в лесную зону. Но, по сравнению с проникшим в тундру с XVIII в. оленеводством коми, ненецкое хозяйство было более примитивно. Так, пастушество в ненецких стадах, особенно в летнюю пору, ложилось на плечи подростков и батраков. Первые, в силу своего возраста, не могли справляться удовлетворительно с тяжелой работой по окарауливанию стада, охране его от волков; вторые (батраки), в силу своей незаинтересованности, не прилагали должных усилий. Сама организация труда пастухов была очень низка. Пастухи находились при стаде очень длительное время бессменно, не имея чума, ночуя на нарте. Основным помощником его была собака. Просчеты стада заменялись просмотром на глаз. Неграмотный ненец-хозяин определял сохранность своего стада по заметным оленям при сборе стада при откочевке. Способность ненца-оленевода, часто приводившая в восхищение исследователей, будто бы воспринимать стадо в его целом и без счета узнавать — каких и скольких голов не хватает, не больше как экзотическая выдумка, не проверявшаяся на деле. Такие хозяева часто «теряли оленей», не подозревая об этом. Узнавали лишь тогда, когда, следуя законам тундры, получали своих «утерянных» оленей из рук нашедших их других оленеводов.

Рис. 24. Вадё Вале́й (или Вале́йский). Большеземельская тундра. 1929–1930 гг.
Фотография Г.Н. Прокофьева. МАЭ И-1174-23

Перекочевки производились со всей семьей. Под перевозку семьи с хозяйством большим чумом занималось большое количество оленей. Малооленные стада не всегда успевали вовремя дойти до цели перекочевки к морю — весной, к лесу — зимой. Стада истощались, олени падали, не отъевшись на отдыхе. Так, в 1930 г. ненец Водо¹ и его брат Степан дошли до зимних мест лишь в начале апреля, проделав путь от Ю[орского] Шара до юга Большеземельской тундры в шесть месяцев, тогда, когда нужно уже было сниматься в обратный путь.

В малых стадах за недостатком быков запрягали молодняк раньше положенного срока, запрягали стельных важенок, что приводило к ослаблению, мельчанию, истощению поголовья. К случке также допускались не созревшие к половой жизни важенки и хоры, что снижало качество телят и вело к увеличению яловости (бесплодия) самок. Вражда с коми, подогреваемая царским правительством, в целях недопущения объединения племен для протеста и борьбы против царской колонизаторской политики, не давала возможности войти ненцам в контакт с более высоким уровнем коми оленеводства. Немало разоряли оленеводов и шаманы,

¹ Вадё Вале́й (или Вале́йский) — проводник Г.Н. Прокофьева в экспедиции к ненцам 1929–1930 гг. — *Прим. ред.*

требовавшие для жертвоприношений и для уплаты за лечение полноценных лучших оленей. Известны шаманы, приобретшие своей «работой» самостоятельные, большие стада.

Все это вместе взятое создавало очень низкий уровень и малую продуктивность ненецкого оленеводства для основной массы ненцев.

Представляя собой стадию далеко зашедшего разложения первобытнообщинного строя, ненецкое общество подошло к 1917 г., году Великой Октябрьской революции. Испытывая двойкой гнет своей национальной и русской капиталистической эксплуатации, ненецкий народ был обречен на обнищание и вымирание.

И лишь с момента становления советской власти на Севере, с внедрением в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, ненцы, наряду с другими народами Советского Союза, получили возможность развиваться по начертанному Сталиным пути, «из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства», смогли начать строить свою культуру, «национальную по форме, социалистическую по содержанию». В условиях советского государства хозяйство ненцев подверглось коренной социально-технической реконструкции.

[Коллективизация]

20 мая 1929 г. в Малоземельской тундре был организован первый ненецкий оленеводческий колхоз «Пнок»¹, объединивший первоначально семь хозяйств. Пять из этих хозяйств были бедняцкие и два — середняцкие. В них входило всего 18 членов-колхозников. В это же примерно время возникают первые ненецкие колхозы и в других округах с основным ненецким населением, на Ямале и Таймыре.

Первые годы своего существования ненецкие колхозы развивались в обстановке больших трудностей, вопреки сильному противодействию зажиточных, богатых собственников-ненцев и шаманов. И, несмотря на это, колхозное строительство шло неуклонно по пути успеха,

В 1939 г. коллективизацией было охвачено в Ямальском округе 68,5 %, Ненецком — 80,5 %, Таймырском — свыше 68,7 %. К 1948 г. мы имели по Ненецкому округу 98 % охвата коллективизацией.

Процесс создания коллективных хозяйств на крайнем Севере отличался некоторыми особенностями. Эти особенности складывались из факторов, казалось бы способствующих переходу от первобытных форм хозяйства к социалистическим; но на деле тормозящим его — таких, как остатки первобытных коллективных форм труда и распределения, и из факторов, явно задерживающих этот переход — культурная отсталость,

¹ Пнок — «Первый Ненецкий Оленеводческий Колхоз». — *Прим. ред.*

кочевой образ жизни и т.д. Эти условия были учтены правительством в специальном постановлении ЦК ВКП (б) от 1 сентября 1932 г., где сказано: «Основное и главное внимание сосредоточить на организации лишь первичных форм производственного кооперирования; только в районах с наиболее высоким сельскохозяйственным и политическим уровнем, в особенности среди населения, занятого рыболовецким промыслом, <...> допустить организацию смешанных промысловых артелей, по типу сельскохозяйственных артелей».

В соответствии с этим постановлением первые коллективы создавались в форме простейших производственных объединений, в основе которых лежало совместное использование промысловых угодий без обобществления имущества членов объединения. Эти ППО (простейшие производственные объединения) являлись на том этапе на крайнем Севере основной формой коллективных хозяйств.

В ненецких хозяйствах первоначальной формой коллективных хозяйств были товарищества по совместному выпасу оленей. Эти товарищества, не объединяя никаких средств производства, лишь кооперируя труд, подготовили почву к переходу на следующую ступень коллективизации — к северной смешанной артели. Эта форма хозяйства обобществляла весь промысловый инвентарь и создала впервые обобществленные стада оленей.

С первых же шагов эта форма хозяйства была встречена в штыки кулачеством и шаманами. Разгорелась в тундре жестокая борьба встающего впервые на крепкую базу ненецкого народа с теряющей свое значение, власть верхушкой богачей. Кулаки и шаманы, пользуясь еще доверием отсталых масс ненцев, перекрашиваясь под сочувствующих советским мероприятиям, проникали в колхозы, даже к руководству колхозами и разваливали работу изнутри. Различными способами они запугивали малосознательную, забитую бедноту глухой тундры, неверно разъясняли сущность новых форм хозяйства, права и обязанности членов этих хозяйств. Подкулачник Хатанзеев (Большеземельская тундра) говорил соседу колхознику: «Прежде ты, Иван, был батраком и теперь в колхоз вступил и все батраком остался (не хозяином)». Кое-где кулаки пытались всеми возможными способами уничтожить оленей, «спасти» их от раздачи колхозам и агитировали на это малооленных, мотивируя «все равно советская власть отберет у тебя оленей, не будешь хозяином». Так, кулацкая группа в Ямальском округе организовала «моления» с жертвоприношениями, при которых «богам» убивали за один прием по 35–40 оленей. Эта же группа за каких-нибудь полтора месяца уничтожила свыше 2,5 тысяч оленей на «угощение» родственников-гостей. Сознательно проводились неверные истолкования постановлений правительства. При создании колхозов обобществлялось все имущество ненцев, включая чумы, домашний инвентарь.

Большую работу провели советские работники в тундре, чтобы сломить это сопротивление, очистить тундру от тормозящих работу по созданию социалистического хозяйства элементов, наладить жизнь молодых колхозов и показать на деле преимущество коллективного способа ведения хозяйства. Громадную роль в успехе этой работы играла материальная помощь государства ссудами денежными и оленным поголовьем, а также посылкой в тундру испытанных, преданных делу партийных и советских работников.

С 1932 г. в центре Ненецкого округа — Нарьян-Маре — организовывается регулярная подготовка местных кадров для ненецких колхозов. Многочисленные курсы готовят вет[еринарных] техников, зоотехников, ветсанитаров, учетчиков из среды самих ненцев. Создаются три оленсовхоза, обязанностью которых является развитие высоких технических приемов оленеводства, разведение племенных оленей, снабжение ими ненецких колхозов. Многие ненцы работают в совхозах, на практике осваивая новое. Это позволило иметь в колхозах свою руководящую, квалифицированную силу. Материальная база колхозов окрепла, улучшились материальные условия колхозников. Колхозы заговорили сами за себя. С 1932 г. стали регулярно созываться слеты оленеводов. На слетах подводились итоги работе колхозов, отмечались недостатки и планы на дальнейшее. Выделялись лучшие колхозы, отдельные оленеводы премировались жюри Окрисполкома. Создавалась широкая возможность обмена опытом, обсуждения приемов оленного хозяйства. Колхозы не стали замкнутыми в себе хозяйственными единицами, вступили в связь с другими колхозами, подписывали договоры на соревнование, обсуждали дела не только своего хозяйства, но и всех колхозов и всего народного хозяйства округа в целом. Слеты сильно подняли сознание колхозников, вызвали перестройку отношения к общественной собственности, помогли проведению работы перестройки всего быта колхоза на социалистический уклад.

Ныне по Ненецкому округу имеем 98 % коллективизированных хозяйств. 947 хозяйств округа объединены в 26 колхозов. Старейший колхоз «Пнок», со времени своего создания выросший в мощное хозяйство с тысячными стадами, был разукрупнен, из него выделились три колхоза — колхоз имени Чапаева, колхоз имени Кирова и колхоз имени И.П. Выучейского (первого председателя Ненецкого округа, предательски убитого врагами народа).

Объединение в колхозы решающим образом перестроило всю производственную жизнь и быт ненцев. В округе нет чисто оленеводческих колхозов, хозяйство колхозов является многоотраслевым, с уклоном в тот или иной вид промысла. В колхозах, не имеющих выхода в лес и к морю, главная отрасль — оленеводство, извоз, второстепенные — охота и рыбная ловля в местных речных и озерных бассейнах. Те же колхозы, которые имеют выход в море, в основном имеют главное направление зверобойное

(промысел морского зверя) и рыболовецкое. Колхозы, кочующие близ леса, основой имеют охоту, и т.д.

Комплексность делает коллективное хозяйство более устойчивым, доходным, помогает рационально использовать труд каждого колхозника.

Замечательным достижением ненецких колхозов является развитие у них сельского хозяйства, земледелия и животноводства. В колхозных центрах, являющихся одновременно и базами оседания, появились лошади, молочный рогатый скот и овцы. Ведется правильное молочное хозяйство. Ненцы занимаются сенокошением. Пастухи, кочующие с оленями в тундре, регулярно снабжаются молоком из своих колхозов. Посевы различных культур практикуются на всех колхозных базах, в парниках и в открытом грунте. Капуста, картофель крепко вошли в пищевой режим ненца, еще недавно вовсе не знавшего овощей.

Ненецкий колхоз «Харп» имеет общественное стадо оленей около 8000 голов, также имеет стадо молочного скота. На базе оседлости, в селе Кореговке имеются огородные посевы. Колхоз «Нарьян Ты», объединивший 25 семей, имеет общественное стадо 6000 оленей и, помимо этого, стадо молочного скота и овец. Животноводство дало не только новые виды пищи, доселе мало завозимые к ненцам, но и значительно ослабило постоянную нужду в сырье для оленьей упряжи. До того вся упряжь изготовлялась из моржовых и нерпичьих шкур. Ныне они успешно заменяются кожей коров и быков из колхозных стад.

В Ямало-Ненецком округе выращиваются картофель и овощи, завозившиеся прежде из Тюмени и Омска в очень незначительных количествах. Опытная зональная станция Института Полярного Земледелия работает над проблемой посевов в округе ячменя, овса, гречихи, клевера и т.п. Селекционер округа тов. Чубынин добился высокоурожайного сорта картофеля для Ямала. «Чубынинский» картофель сажают теперь по всему округу, даже севернее Салехарда — в Ныде и Аксарке. Урожаи картофеля снимают по 20 тонн с гектара. Тов. Чубынин ведет опыты с посевом зерновых. Ныне «чубынинский» овес сеется в Салехардском совхозе на больших площадях, давая хороший урожай. В 1932 г. посевами в открытом грунте было занято всего 7,6 га. В 1938 г. площадь посевов выросла до 58,8 га, а в 1948 г. площадь посевов возросла в 10 раз. Равно развивалось парниковое хозяйство колхозов: в 1932 г. колхозы имели 104 рамы, в 1938–1939 гг. — 1292 рамы. Дальнейшее развитие работ по выращиванию морозоустойчивых культур снижает значение парникового хозяйства за счет посевов в открытых грунтах.

В колхозах ненцев совершенно новым, имеющим решающее значение явилась бригадно-звеньевая организация труда. Все трудоспособные члены колхоза распределяются по бригадам. Образуются бригады пастухов, охотничьи, рыболовецкие бригады. В соответствии с размерами отраслей

выделяются постоянные колхозники, ухаживающие за посевами, молочным скотом и т.д. На летний сезон охотничьи бригады вливаются в рыболовецкие. Бригады разделяются на звенья. Рыболовецкие бригады делятся на звенья по количеству неводов, охотничьи — по количеству угодий, во главе бригад и звеньев ставят наиболее опытных, пользующихся авторитетом ненцев.

Звеньевая организация труда показала свое огромное преимущество. Она позволила перейти к более крупным орудиям лова рыбы и зверя, позволила проводить мероприятия по расчистке и улучшению рыболовных бассейнов и охотничьих угодий.

Большое значение новой организации труда заключается в том, что она освобождает колхозника-ненца от свойственного ему прежней отсталости универсализма труда и на основе нового разделения труда открывает возможность специализации колхозников, роста их квалификации, повышения производительности труда.

Развитие колхозов обеспечило быстрый рост доходов колхозников. Доходы складывались из доходов от общественного хозяйства и личного хозяйства. При распределении доходов в колхозе имени Сталина Ямальского района Ямальского округа каждое хозяйство в 1937 г. в среднем получило по 8530 руб. дохода. В 1940 г. семья колхозника Втонга Пудана (колхоз имени Кирова, Таймырского округа) за добытую за год пушнину получила 14 533 руб., а семья Сергея Силкина — 15 228 рублей. В послевоенные годы доходы не уменьшились. Семья Ледовых (колхоз «Нарьян Ты», Ненецкого округа) по трудодням получила в 1948 г. 19 тысяч рублей деньгами, 400 кг мяса и много других продуктов. Как дополнительную оплату эта же семья получила 40 оленей.

Успехи колхозного строительства создали необходимую базу для постепенного перехода кочевых хозяйств на оседлость. Разделение труда в колхозах и правильная организация территорий путем землеустройства вызвали интенсификацию рыболовства и охоты (как указывалось выше) и возникновение сельского хозяйства. Появились оседлые поселки, «базы оседлости» колхозов, хозяйственные центры колхозов. Бригадная организация труда изжила необходимость кочевки со стадом оленей всей семьи колхозника. Кочевать стали лишь специально выделенные пастушеские бригады, тогда как семьи их оставались на колхозной базе.

К 1948 г. из 26 колхозов Ненецкого округа 16 колхозов имеют базы оседлости. Из них наиболее осели ненцы Нижне-Печорского района округа, имеющие шесть колхозов. Все шесть колхозов района имеют базы оседлости. В Большеземельском районе из восьми колхозов лишь шесть имеют базы оседлости. Амдерминский район, имеющий шесть колхозов, из них лишь три имеют оседлые базы. Менее всех осели ненцы Канинско-Тиманского района, где на шесть колхозов имеется лишь у одного база оседлости.

Следовательно, процесс оседания колхозов в Ненецком округе далек от завершения. Чисто кочевых колхозов в округе еще много, а именно: десять колхозов, объединяющие 341 хозяйство, имеющие поголовье общественных стад 37 тысяч, еще кочуют. Оседание ненецких кочевых хозяйств происходит и в Ямальском, и Таймырском округах. В первом базы оседлости имеют колхозы имени Сталина, «Новая Сила», «Харп», во втором — колхоз «Новая жизнь» и др.

Что представляют собой ненецкие колхозные базы оседлости? Вот колхоз «Нарьян Ты», имеющий шеститысячное стадо общественных оленей, стадо овец и молочного скота. База оседлости этого колхоза — поселок Ледково. Поселок состоит из многих домов, типа русских изб и некоторого числа чумов. И в домах, и в чумах чисто, светло. В поселке имеются школа, баня, пекарня, медпункт, скотные дворы, доходы колхоза велики. В 1948 г. колхозники запланировали приобретение на свои доходы ветро-электростанции, для электрификации своей базы. Нужно сказать, что за последние годы уже свыше десяти колхозных поселков электрифицированы.

Колхоз «Харп» имеет оседлую базу в пос. Кореговка. В поселке свыше 30 домов. В центре большое красивое здание школы. В конце прямой улицы производственные постройки — сараи, скотные дворы. Зарождение этой базы относится к 1931 г. В этом году тут впервые поселились две ненецкие семьи. Теперь, в 1948 г., в поселке живут свыше 250 человек. Вместе живут и работают ненцы, коми и русские.

[Военное и послевоенное время]

В послевоенное время наблюдается дальнейший расцвет хозяйства и культуры ненецкого народа. Вместе со всей страной вернулись к мирному труду и ненцы. Начавшийся еще до войны процесс оседания еще глубже проникает в тундру, охватывая все больше основные массы ненцев, меняя весь облик их жизни¹.

В одном из колхозов Малоземельской тундры, в колхозе имени И.П. Выучейского, оседлая база имеется в поселке Нельмин Нос. В этом поселке проживают постоянно все члены колхоза, за исключением пастухов, непосредственно связанных с уходом за оленьим стадом. В колхозе имеется стадо крупного рогатого скота, молочная ферма, лошади. Все население поселка занято на колхозной работе, но уже непосредственно в самом поселке, на других отраслях хозяйства, ранее не свойственных ненцам. Летом все население поселка занято поставкой сена для своего скота. В тундре можно наблюдать необычную картину. Утром, когда раннее солнце подсушит росу, бригадир стуком в железную доску напоминает колхозникам,

¹ Сведения З.Н. Куприяновой, н. сотр. ЛГУ.

что пора собираться на покос. Через 15–20 минут снова раздается по поселку звон доски, и из чумов и домов выходят колхозники-ненцы с косами, граблями в руках. Спускаются к реке. Разместившись в больших лодках по бригадам, едут на покосные участки на 5–6 километров от поселка. В поселке остаются малыши и инвалиды. И только вечером, после 7–8 часов, вновь на реке показываются лодки, возвращающиеся с покоса колхозники. Высушенное сено колхозники мечут в стога на месте и лишь зимой, когда замерзнут реки, на лошадях вывозят его в поселок. Сено заготавливают хорошего качества и в достаточном количестве.

Разведение крупного рогатого скота приветствуется женщинами-ненками. Научившись уходу за коровами в общественном стаде, ненцы начинают приобретать коров в личное пользование. В поселке Нельмин Нос, так же как и в других, имеются баня, медпункт, ветеринарный пункт, красный чум. Эти учреждения обслуживают не только своих колхозников, но и кочующих оленеводов других колхозов. Оседлый быт связан с освоением деревянного дома, с выходом из чума. Не везде равно осваивается дом. Наряду с чистыми, светлыми домами, с печью, мебелью, встречаются еще дома, носящие следы переходной стадии освоения. Так, наблюдается перенос уклада жизни в чуме в дом, использование площади дома наподобие площади чума. Встречаются случаи одновременного проживания в доме и в чуме, причем основным жильем остается все же чум, а дом служит складом имущества. Процесс освоения нового жилища идет постепенно, меняя в корне веками установившийся быт ненца во всем его комплексе, вплоть до манеры сидеть. Новый дом влечет за собой освоение непривычной мебели, стульев, скамеек, кроватей и т.д. Глубоко переустраивая жизнь ненца, процесс этот, естественно, не свершается быстро, за год-два. Этим объясняется наличие в поселках ненцев наряду с благоустроенными домами большого количества чумов. Возрастающие доходы колхозников позволяют удовлетворить возросшие с повышением культурного уровня запросы колхозника-ненца, продвигают глубже и это культурное завоевание — оседлую жизнь в благоустроенном доме.

В годы Отечественной войны колхозный строй и на Крайнем Севере показал свою прочность и силу. В частности, большую роль сыграла война в развитии оленеводства ненцев, выявив неистощимый источник изобретательства самих ненцев-пастухов, оленеводов, вызвала к жизни вновь забытые вековой практикой ненецких оленеводов выработанные приемы в оленеводстве, изменила, переоценила старые дедовские приемы на новые. Повышение продуктивности оленного хозяйства ненцев стало в годы Великой Отечественной войны первоочередной оборонной задачей. Эту задачу и силы к ее разрешению вызвал общий патриотический подъем всех народов Советского Союза, всех племен, за годы советской власти осознавших свое равное место в семье советских народов.

Что значит повышение продуктивности оленного хозяйства? Это, в первую очередь, повышение поголовья стада, повышение упитанности оленей, полный сбор и сохранение продукции от забоя животных, рациональное использование живой силы оленя.

Явилась необходимость в новых условиях, в условиях войны, выработать новые приемы по улучшению выпаса и содержания оленей. Прежние приемы оленеводства, рассчитанные на полный состав бригад в колхозах, с уходом мужчин на войну оказались не обеспечивающими не только повышение продуктивности оленеводства, но и поддержание его на довоенном уровне. Нужно было не допустить снижения, а добиться в тяжелое для Родины время повышения выхода продукции от оленного хозяйства.

И творческая мысль самих ненцев-оленеводов, мужчин и женщин, освобожденная Великим Октябрем от вечной нужды и забитости, воспитанная заботами партии и правительства, оказалась неистощимой и создала новые приемы оленеводства, перестраивающие оленнее хозяйство, открывающие перед ним широкие перспективы.

Та же задача быстрого поднятия продуктивности оленеводства встала и перед научно-исследовательскими организациями (зональными оленеводческими станциями Института Полярного Земледелия), а с ней и задача перестройки всей научно-исследовательской работы. Зональная станция в Ненецком округе ряд лет принимала участие в работе колхозов. С 1939 г. ею производились работы по выведению племенных оленей, снабжению колхозов племенными оленями, передаче хоров, проведению классовой случки и т.д. Ныне племенные стада оленей имеются в ряде ненецких колхозов — Харп, «Нарьян Ты» и др.

Необходимо стало приблизить работу станции с теоретических высот, непосредственно не связанных с жизнью, к насущно нужной практике, к массе ненцев-оленеводов. За эти годы работники науки научились ценить практический опыт оленеводов и вошли в творческий контакт с ними. Тут наблюдалось то же явление, которое мы имеем в больших промышленных центрах, где наука встала в один строй с рабочим-практиком завода, фабрики. Этот творческий контакт оказался очень плодотворным для ненецкого оленеводства.

Искание новых путей в этой отрасли выделило из среды оленеводов мастеров своего дела, новаторов, дающих высокие, невиданные показатели своей работы.

В результате совместной работы зональной станции и передовиков оленеводства родились новые приемы пастушества, эксплуатации оленей, явившиеся ценным вкладом в народное хозяйство нашей Родины, о которых мы можем говорить сегодня как о большом достижении.

Но в силу условий еще не вполне изжитого кочевого хозяйства (по Ненецкому округу, как упоминалось, почти треть хозяйств округа — кочевые),

отсутствия достаточного количества зоотехнических кадров, новые, чрезвычайно плодотворные приемы в оленеводстве недостаточно широко распространены, как этого требует дело.

Местные партийные и хозяйственные организации, а также и научно-исследовательская станция ставят перед собой сейчас первой задачей — широкую популяризацию новых приемов в оленеводстве путем проведения районных, окружных съездов, создания курсов подготовки кадров. В военные и послевоенные годы работа по созданию кадров квалифицированных оленеводов особенно поднялась. В Нарьян-Маре имеется двухгодичная школа оленеводов, где готовятся зоотехники и т.п. Отмечается большое количество женщин-ненок, прошедших эту школу и работающих в колхозах. Проводятся курсы по подготовке председателей, бригадиров, счетоводов, организаторов учета в колхозах. Проводится зоообучение пастухов. Все мероприятия в колхозных стадах (прививки, лечение) проводят свои обученные кадры зоотехников-ненцев и пастухов.

Съезды проводятся каждое полугодие. На слетах определяются колхозы, добившиеся лучших успехов. Обсуждаются новые предложения, проверяются результаты проведения в практику новых приемов, предложенных зональной станцией.

В 1944 г. выделились девять лучших колхозов, из них два наилучшие — колхоз имени Чапаева Канинско-Тиманского района и колхоз имени Ленина. В этих колхозах добились сохранения поголовья за год от 93 % до 99 %, т.е. почти полностью ликвидировали случайные потери оленей. Так же велика у них и сохранность молодняка — от 75,3 % до 88,8 %. Прирост стада они довели до 23 %. Возросла сдача заготовок — со стада в 6984 головы сдано государству 743 головы оленя.

Передачей своего опыта широким массам оленеводов округа передовики подняли общее сохранение поголовья в стадах по округу за последние годы до 87 % в среднем. Лучшие колхозы премируются денежными премиями и переходящим Красным Знаменем.

Больших успехов добился и оленсовхоз округа, вступивший в соревнование с колхозами. В 1944 г. оленсовхоз дал 99,7 % сохранения поголовья стада. За это ими была получена премия в 2000 рублей и переходящее Красное Знамя. Но волна соревнования чрезвычайно высоко держится в округе. Колхозы горячо борются за первые места, и уже во втором полугодии того же года Красное Знамя от совхоза было передано ненецкому колхозу имени Кирова, добившемуся еще более высоких показателей.

Из передовиков оленеводства за 1948 г. выделились ненцы оленеводы: Вaley М., колхоз «Эдей Сехеры», Хатанзейский Н.В., колхоз «Харп», Талеv А.С. — колхоз «Нарьян Ты», Хенетин И.П. — колхоз <...>, Хатанзейский <...> Н. — тот же колхоз, Талеев Ф.В. — колхоз имени Выучейского, Тале-

ев Е.И. — бригадир колхоза имени Кирова, добившийся перевыполнения плана по выращиванию оленей. Сам выработал за 1948 г. 1140 трудодней.

Небывалые успехи колхозов объясняются тем, что в них появилась новая организация труда, повысилась трудовая дисциплина, широко вошло в оленеводство социальное соревнование и организован надлежащий учет труда колхозников. Насколько сильны эти факторы, видно из примеров. В колхозе имени Кирова на одних и тех же пастбищах при одном и том же составе бригад в результате повышения дисциплины оленеводы достигли сокращения безвестных потерь оленей с 400 голов в 1948 г. до нуля на первое полугодие 1944 г. Какими мерами добились колхозники таких успехов? Чрезвычайно простыми, знакомыми нам мероприятиями, но новыми в ненецком оленном хозяйстве.

1. Так, прежде пастухи в стаде, особенно летом, сутками не сменялись. Ныне организованы регулярные смены пастухов и летом, и зимой. Летом стадо окарауливается в две смены. Пока одни пастушат, другая смена отдыхает. Уже это одно повысило внимательность пастухов, избавило их от неизбежного переутомления.

2. Плановость работы и постоянный контроль над выполнением ее. Бригадиры раздают бригадам оленеводов накануне задания на следующий день. Каждый колхозник знает заранее, что предстоит ему сделать, и это ориентирует его на лучшее, точное выполнение заданного. Также заблаговременно бригадир ставит в известность свою бригаду о дальних перекочевках стада, сообщает заранее маршрут стада, сроки пребывания стада на новом месте. Выделяются колхозники, которые заранее подвозят к новому месту топливо. И работа оленеводов на новом пастбище течет без спешки и отвлечения от основного задания.

Со времени Великой Отечественной войны широко привлечены к работе по выпасу оленей женщины. Женщины вполне заменили мужчин-пастухов. Сами ненцы хорошо отзываются о работе женщин в стаде. Лишь один недостаток отмечают мужчины-пастухи в работе женщин — «очень они жмут стадо», т.е. выпасают на малой территории, не давая стаду широко расходиться по пастбищу. Многие женщины стали ударницами. Труд пастуха — тяжелый труд. Иногда женщина пастушит стадо вместе с грудным ребенком. И, однако, уложив ребенка в меховую люльку, на женской нарте женщина успешно справляется со своим делом, разъезжая на нарте около стада.

Рационализированы приемы выпаса оленей. Весной перед отелом подрастающих телят и яловых (неплодных) важенок выделяют из стада, чтобы они не беспокоили стельных важенок. Телят и яловых важенок выделяют в отдельное стадо. Эти молодняцкие стада отличаются неорганизованностью и резвостью, и для спаянности и усмирения к ним присоединяют несколько старых важенок. На 10 телят — 10–20 старых важенок. Таким способом

гарантируется покой стаду стельных важенок, этот способ практиковался и прежде коми-оленоводами и некоторыми заимствовавшими его от коми ненцами. Ныне этот раздел стада практикуется во всех колхозах.

Интереснейшим в изыскании новых приемов в оленеводстве является сочетание критически опробованных старых приемов с новыми открытиями зональной научной станции. Старые способы ведения оленного хозяйства, известные ненцам-пастухам, оправданные вековой практикой, вновь применяются в условиях колхозов. Они поражают простотой и остроумием и широко внедряются в оленеводческую практику, приобретая новое плодотворное качество.

Например, борьба с оводами, в то же время являющаяся борьбой за стадо, его покой, или борьба с комарами. Необходимость повысить качество оленьих шкур, разъедаемых личинками оводов, вызвала к жизни интересные наблюдения. К этой работе привлекли детей ненцев. В оводное время около стада расстилают на земле несколько белых оленьих постелей (шкур). Оводы обычно устремляются на светлое пятно, массами садятся на светлые шкуры постели, где дети их и убивают. Наблюдения показали: достаточно выловить над пасущимися оленями 200–300 оводов, как рой их сильно редет и оставшиеся не мешают оленям пастись. После проделанной несколько раз процедуры вылова оводов оленья стада совсем успокаиваются и спокойно кормятся, не разбегаясь. Учет и оплата работы ребят обеспечивают успех в этом деле. Казалось бы, это очень мелкое мероприятие — отлов оводов, но мы знаем, что овод не только вредит тем, что портит шкуру оленя, но измученные оводом олени мечутся по пастбищу, не кормятся и вытаптывают ягель. Кроме того, некоторые личинки откладываются оводом в носоглотку оленя, и олень заболевает. Этим простым мероприятием, чрезвычайно легким по исполнению, достигается сохранность шкуры оленя, его здоровье и сохранность пастбища.

В комариную пору в бригадах выделяются специальные смены людей, поддерживающие дымокуры. Эта мера была известна и ранее, но проводилась несистематически, неорганизованно и длительного успеха не давала. В борьбе с волками вновь применяется старинное правило, забытое молодыми пастухами. Это — широкое дневное пастушение, т.е. пастушение на широкой территории, и скученное пастушение ночью на малой, богатой ягелем территории. При этом ночное пастбище выбирается в таком месте тундры, где имеются с двух сторон естественные преграды для волков — озеро и река или тому подобное. Этим облегчается труд пастуха ночью. Сытое от дневного кормления стадо ночью не разбегается, имея под ногами хороший ягель, караулить от волков нужно лишь с двух сторон. Результаты такого пастушения хорошие, для сохранения ягельников рационализируется система выпаса при летних и зимних кочевках. Как известно, ягель очень медленно отрастает. Затоптанный ягельник долгие годы

непригоден для пастбы оленей. Ненцы-пастухи приучают стадо двигаться по определенной системе, тренируют его. Зарождаются приемы к дальнейшему одомашнению оленя. Системы вырабатываются самими ненцами, интересна система пастуха Хозяинова <...>. При этой системе достигается малое вытаптывание пастбища, определенный маршрут исключает затраты времени на искание пригодных пастбищ¹.

Изобретаются новые способы, упрощающие подсчет стада. Подсчеты необходимо проделывать ежемесячно в целях своевременного установления пропажи оленей и принятия соответствующих мер. При прежнем ведении оленного хозяйства хозяин-ненец не просчитывал стадо, и потери бывали очень велики. Новые способы должны заменить бытовавший в предвоенные годы способ загона стада в корали, огражденные участки. Корали очень дорого стоят и быстро изнашиваются. Ныне при подсчете применяется система «воронки», изобретенная ненцами-пастухами. «Воронка устраивается следующим образом: выбирается местность, представляющая собой перешеек между озером и озером или между озером и рекой, два крыла корала устанавливаются в виде воронки от берегов озер <...>. Стадо сгоняется к этому проходу. У прохода стоят счетчики-пастухи. Сперва выпускают несколько спокойных старых быков, за ними идет все стадо. Олени по одному проходят через «воронку». Замечательно, что после нескольких прогонов через «воронку» олени привыкают к проходу через нее и естественные преграды в виде озера или реки становятся ненужными. Пастухи устанавливают крылья корала в виде воронки в любом месте тундры, и тренированное стадо без усилий прогоняется через воронку. Пользуясь этим только теперь осознанным качеством оленя быстро приобретать определенный навык, стали воронку употреблять и в других целях — например, при поголовных осмотрах стада, прививке и т.п. Для этого к воронке сбоку пристраивается рабочая «комната», в которую впускают по одному всех оленей.

Из стада очень часто приходится производить отлов ездовых быков или других оленей. Эти отловы беспокоят стадо в целом. В целях сохранения наибольшего покоя стаду улучшаются приемы отлова оленей. Нужно сказать, что бывалая ловкость прежних оленеводов в метании аркана исчезает. Старики умерли, молодые мужчины ушли на войну, при стадах остались женщины и подростки, не владеющие арканом. И создаются новые способы вылова нужных оленей, такие как метод С.Ф. Колеева — вылов крайних быков в стаде, не беспокоя стадо в целом; вылов из группы

¹ У лопарей применяется выпас оленей на огражденном участке. Ловозерский лопарский колхоз-миллионер планировал на 1949 г. устройство обширного загона для оленей, огражденного проволокой. Колхоз ассигновал на это дело 300 тыс. рублей.

быков — метод другого пастуха-ненца; откол частя стада — метод Хозяинова и т.д. Разнообразие методов говорит за широкую активность творческой мысли ненцев.

Чрезвычайно важным, облегчающим нагрузку на быков явилось кочевание пастухов с легким чумом без семей. Для перевозки такого легкого чума требуется очень малое количество быков.

В округе большое значение имеют перевозки на оленях грузов, почты, пассажиров. Ежегодно под перевозки заняты свыше 4,5 тысяч оленей-быков. Встал вопрос о рационализации использования тягловой силы быков. И тут явились на свет простые способы, значительно улучшившие дело.

Местная упряжь оленя, имея свои преимущества, имеет тот недостаток, что олень тянет нарту не всем корпусом, а одним плечом, тяжесть распределяется на тело оленя неравномерно. По этой причине олень быстро устает и часто ранит плечо. Ныне практикуется перестановка быков в пути. В упряжку ставятся два передовика. Один идет передовиком, другой — пелеем. В пути пелей (пристяжной) бык сменяет уставшего передовика. Такую перестановку продельвают несколько раз. Систематический отдых повышает работоспособность быков, предотвращает ранения.

Большая транспортная работа быков вызывает у них к весне резкое истощение. Встает вопрос о борьбе с этим явлением. Вопрос ставится значительно шире. Наиболее упитанными олени бывают осенью, после летнего выпаса на зеленых кормах. За зиму все олени худеют, теряя до 22 % своего веса, и весной имеют худшую упитанность. Такое явление, как «сустуй» — плохое состояние зимой пастбищного покрова (ледяная корка, гололедица), влечет за собой быстрое истощение и гибель оленей к весне. В 1942 г. от сустуя в округе был большой падеж оленей. Только колхоз «Харб»¹ потерял свыше тысячи голов оленей. Период вынашивания плода оленными самками падает на зиму. Вместо требуемого для хорошего исхода отела и качества теленка усиленного питания питание важенки в период беременности падает. Телята рождаются слабые, мелкие. Молодняк за зиму теряет около 27 % веса.

Но особенно страдают от истощения транспортные быки. Встал вопрос о необходимости производить подкормку оленей. Зональная станция проводила опыты подкормки быков, важенок, телят. Опыты дали хорошие результаты. Вынесенное на широкое обсуждение предложение станции производить систематическую подкормку оленей было одобрено, не встретило в массе оленеводов сопротивления и быстро входит в практику оленеводства. Успехи этого мероприятия очевидны. Оказалось, что оно не ново в ненецком оленеводстве. Этим объясняется, что, несмотря на то что

¹ Вероятно, опечатка. Следует читать «Харп». — *Прим. ред.*

проведение его в жизнь требует затраты некоторых усилий и терпения, оно легче входит в широкую практику, чем более легкие, но не имевшие места до сего времени в оленеводстве ненцев приемы. В старые времена подкормка оленей ненцами производилась. При далеких поездках, в месте, бедном ягелем, ненцы подкармливали оленей вареной рыбой. Ныне предложено научными работниками станции подкармливать оленей рыбьей мукой, производимой окружными рыбоконсервными заводами. Но так как рыбоконсервные заводы производят незначительное количество рыбьей муки, не удовлетворяющее нужд округа, то производились опыты подкормки оленей рыбьей сухой крошкой, давшие не менее хорошие результаты. Рыбья крошка очень доступна каждому колхозу, так как является отходом в процессе заготовки колхозниками для своих нужд сушеной рыбы. Оказалось, что оленей необходимо приучать поедать рыбью крошку. Рассчитывали на то, что олени, обычно к весне испытывающие белковое и минеральное голодание (ягель не обеспечивает организм оленя азотистыми и минеральными веществами), сами выискивают на воле рога и кости и поедают их, так же будут поедать и выставленную в кормушках рыбью крошку. Однако эти расчеты не оправдались. Олени без приучения крошку не брали. Необходимо было очень короткое время покормить оленя рыбьей крошкой насильно, всыпая ему в рот новый корм. Оказалось, олени быстро привыкают есть подсоленную рыбью крошку и потом сами легко находят кормушку с этим кормом и охотно его поедают. Нормы подкормки невелики. Для ездового быка — 220 граммов в день. Подкормка дала очень хорошие результаты — потеря в весе ездовых быков снизилась в три раза. Важенки к моменту отела имели значительно больший вес и давали телят большего веса.

Наряду с подкормкой рыбой производится систематически подкормка солью, для этой цели недалеко от чума пастухов ставятся лизунцы, куски каменной соли. Олени очень быстро привыкают подходить в определенное время к чумам пастухов для подкормки. Этим одновременно облегчается и сбор стада¹.

Эти немногие примеры по улучшению способов пастбы и ухода за оленями позволили не только не снизить, а значительно повысить продуктивность ненецкого оленеводства в военные годы. По Ямало-Ненецкому округу к 1948 г. колхозное поголовье оленей достигло около 200 тысяч голов. В одном Ямальском районе этого округа общественные и личные стада колхозников достигли 62 тысяч голов. В Тазовском районе также наблюдается ежегодный прирост стад. В Ненецком округе, где колхозы

¹ В Витимо-Олекминском округе звенки подкармливают оленей солью из мешочка с побрякушками из оленьих копытец. Когда нужно собрать оленей, хозяйка побрякивает этим мешочком и олени сбегаются на знакомый звук.

многоотраслевые, с равным значением в хозяйстве рыбного, охотничьего промысла, оленье поголовье к январю 1948 г. достигло почти 100 тысяч голов.

Творческие силы ненецкого народа, вызванные к жизни социалистическими условиями ведения хозяйства, открывают широкие перспективы для этой важнейшей тундровой отрасли хозяйства, достигнутые в оленеводстве на сегодняшний день успехи — это лишь начало расцвета ненецкого оленеводства.

Творческие мысли оленеводов-ненцев направлены не только на улучшение благосостояния живого оленя, но и на рациональное, возможно более полное, без потерь использование получаемой от оленя продукции.

Важным продуктом в оленеводстве является оленья шерсть. В прежнее время шерсть собиралась очень примитивным способом, а именно собиралась длинная шерсть низкосортная во время линьки оленей. Кроме того, на свои нужды женщины-ненки выщипывали шерсть подшейную, так называемый «подшейный волос», употреблявшийся на прокладку швов и вышивки¹. В позднейшее время ненцы стали выщипывать шерсть оленью для сдачи государству. Выщипывали в определенных местах, около лопаток. По прежним представлениям, шерсть оленя около лопаток содержала большее количество пуха. Выщипывание производилось на сплошном пространстве кожи, оголяя ее и делая, таким образом, доступной заражению личинками оводов. Добывалось шерсти таким способом немного.

Возросшая потребность государства в шерсти в годы войны создала необходимость изыскания новых методов добычи оленьей шерсти. Новый метод был предложен ненцем Каневым и затем широко подхвачен передовиками оленеводами. Способ этот состоит в том, что Канев выщипывает шерсть на всем теле оленя, вдоль туловища, от шеи до холки, по прямой линии, полосками в 1 см толщиной. Одна выщипанная полоска от другой отстояла на 1–2 см. Таким образом, оголенная полоска прикрывается шерстью, оставленной в междурядье. Этот способ сразу поднял выход шерсти в два раза, без ущерба для оленя. В совхозе, где он был впервые применен, сдали вместо 300 граммов с оленя — по 600 граммов. Исследование качества шерсти показало, что состав шерсти и соотношение пуха и волоса одинаковы на всем теле оленя (исключая шею), что опровергает прежние представления.

Много улучшены и мясозаготовки. В оленном хозяйстве выход мяса происходит от забоев оленей: 1 — осеннего забоя стада — промзабой, преимущественно телят, и 2 — вынужденный забой, в течение всего года,

¹ При пошивке меховой одежда между швами прокладывался подшейный волос оленя для утепления швов. Вышивки подшейным волосом делались на ритуальной одежде.

при выбраковке старых или повредившихся оленей. Разница по весу мясо от того и другого забоя очень невелика. Мясо от промзабоя сразу вывозится в свежем виде на транспортных самолетах. Мясо от вынужденного забоя консервируется на месте. Нужно сказать, что, так как выбиваются старые, взрослые олени, качество мяса от вынужденного забоя несколько жиже, чем телячье. Условия же сохранения его значительно труднее, так как 63 % выбракованных оленей забиваются летом. Это мясо обычно не идет на сдачу государству, идет на местное потребление. До сего времени качество этого мяса было очень плохим по причине плохой консервации. Его сохраняли в соленом виде, в бочках. Оно было малопитательно, имело плохие вкусовые качества. Поэтому ненцы изобрели новый способ консервации этого мяса, представляющий собой комбинацию легкого посола с известным им издавна копчением мяса. Таким образом, в последние годы мясо от вынужденного забоя консервируется следующий способом: туша забитого оленя разрубается на большие куски весом по 5 кг каждый и развешивается на привычных вешалах (и прежде ненцы на этих вешалах вялили, сушили, коптили впрок рыбу и мясо) после предварительного легкого посола. Затем под вешалами разводится костер. В течение двух часов мясо коптится над огнем костра, с легким дымом, и затем четыре часа коптится только над густым дымом без огня. Весь процесс копчения занимает шесть часов. Этот прием доступен для любого колхоза, бригады. Он не требует особого топлива, средств производства, не требует большого количества людей и затраты времени. Один работник в течение шести часов закапчивает над двумя кострами две туши оленя, т.е. 70–80 кг мяса, и это далеко не предел. Этим способом достигается полная сохранность большого количества мяса, забитого в летних условиях, притом мяса высокого качества. Свежее мясо, обработанное сразу на месте забоя, несравненно питательнее и вкуснее соленого. Консервированное таким способом мясо не требует сложной тары для его перевозок — сохраняется и перевозится в обычных ненецких нартяных ларях. После 2,5 месяцев летнего хранения оно полностью сохраняет все свои качества. Кроме того, подобным способом консервированное мясо может быть употреблено в пищу в сыром виде, что значительно поднимает его питательную ценность.

Ненцы-оленеводы имеют и стада личного пользования. По нормам для Ненецкого округа на 1933 г., личное стадо не должно было превышать 200 голов. Ныне стада личного пользования значительно выросли. Выпасаются они за определенную плату колхозу вместе с общественным стадом. Увеличение поголовья стад личного пользования колхозников происходит за счет выплаты живыми оленями за работу колхозника в общественном стаде, что создает стимул к лучшей работе. За перевыполнение плана по сохранности поголовья пастух получает живого оленя. За выращенных трех телят в общественном стаде одного теленка пастух получает в личное

пользование. И в то же время урон в общественном стаде (как следствие плохой работы пастуха) покрывается из стада личного пользования. Такая осязательная связь качества труда колхозника с благосостоянием общественного и личного стада (высококачественный труд поднимает уровень и общественного, и личного стада, некачественный труд в общественном стаде бьет и вредит как обществу, так и личному стаду, снижая его долю дохода и общественного, и личного) значительно повышает ответственность за порученное дело, стимулирует наилучшее его выполнение. Большим стимулом к повышению производительности труда оленеводов в глухих районах явились выделение молодежных комсомольских бригад. Так, комсомольская оленеводческая бригада в колхозе «Полоха» (Ямальский округ) в 1948 г. к 30-летию комсомола перевыполнила свой производственный план на 125 %. За молодежной бригадой подтягиваются и бригады старых оленеводов.

Большую роль играет в оленеводстве социалистическое соревнование, широко внедряемое в практику оленеводов. Соревнуются бригада внутри колхоза, колхозы округа между собой. Отдельные колхозы Ненецкого округа соревнуются с колхозами Ямальского и Таймырского округов.

Традиционный зимний праздник оленеводов в тундре «День оленя» представляет собой не прежние моления перед промыслом или после него, а принял установившиеся формы съезда окрестных оленеводов-колхозников. На Ямале в «День оленя» большой съезд колхозников бывает в поселке Ныда. Сюда съезжаются оленеводы с дальних мест. В Ненецком округе (в Малоземельской тундре) местом традиционного праздника является древняя «светлая земля» — сопка Топседа, куда также съезжаются сотни колхозников.

Праздник длится два дня. Колхозники устраивают выставки своих достижений: показывают лучших хоров, ездовых быков, телят. В первый день праздника проводится общее собрание, посвященное подробному обсуждению итогов работы за год каждого колхоза. Тут же выделяются лучшие колхозы, отдельные оленеводы. Передовики премируются.

На другой дань обычно устраиваются спортивные состязания — бега, метание топора, аркана, массовые гонки на оленях. В 1947 г. на гонках участвовало 20 лучших упряжек. Первый приз получил пастух колхоза имени Чапаева Никола <...>, давший лучшее время пробега. Его олени прошли 350 метров в 31 секунду. В 1947 г. в гонках на четверках оленей также участвовали 20 лучших упряжек. Победительницами вышли девушки-ненки. Первые два места заняли колхозницы Нина Марьин и Анна Салиндер.

Из приведенного выше явствует, что ненецкое оленное хозяйство идет по пути социалистической реконструкции, что социалистическая реконструкция за короткий срок дала удивительные результаты и открыла перед

ненецким оленеводством блестящие перспективы, вызвав к жизни творческие силы самого народа. Эта перестройка основного базиса тундрового хозяйства глубоко отразилась на быте и сознании ненецкого народа, в корне его изменяя, повышая культурный и идейно-политический уровень ненцев. Вырастают новые люди из среды рядовых колхозников ненцев, люди — новаторы производства, смело двигающие вперед свое хозяйство.

Но существует еще целый ряд глубоко вкоренившихся в быт пережитков, вековых предрассудков, досадно тормозящих рост культуры ненецкого народа. Путем тщательного изучения влияния этих пережитков на сознание новых людей тундры необходимо помочь преодолеть ненецкому народу старого врага, религиозные предрассудки и пережитки социальных отношений. Нужно изучить причины не везде еще устойчивого отношения к общественному стаду, помочь изжить частнособственнические тенденции, изжить пережиточные от родовой организации ненецкого общества тенденции, вредящие новому хозяйству, такие как выбой полноценных оленей из общественного стада для угощения приехавших родственников, без ведома правления колхоза, в силу древнего обычая гостеприимства, подарки оленями из общественного стада родичам на семейных праздниках, свадьбах и т.п.

Религиозные предрассудки также вредно отзываются на новом хозяйстве ненцев. Так, ненцы до недавнего времени, в силу установившихся традиций, не разрубали оленьих туш указанными заготовительными организациями способом. Портили сортовое мясо. И в 1947 г. таким способом (старым) разрубленное мясо в основном пошло вторым и третьим сортом, что принесло ненцам немалый убыток. Только колхоз «Зарб» сдал 70 % мяса низким сортом.

Помощь ненецкому народу в его борьбе со старым, уходящим сознанием поможет укреплению достигнутых успехов и дальнейшему росту новой культуры.

Широкое внедрение в массу колхозников достигнутых успехов в оленеводстве, выявление новых и новых путей в развитии этой важнейшей отрасли ненецкого коллективного хозяйства, развитие и расширение контакта между научными учреждениями и оленеводами-практиками — ненцами, несущими в своей древней оленеводческой культуре неисчерпаемый запас знаний, веками создававшийся, веками дававший жизненную основу жителям тундры, дальнейшее оседание населения тундры, освоение оседлого образа жизни во всем его культурном комплексе — таковы перспективы дальнейшей работы по поднятию хозяйства и культуры ненецкого народа.

В январе 1950 г. исполняется 25 лет со дня создания Ненецкого Национального Округа. В центре округа готовятся большие торжества. Этот юбилей подведет яркие итоги достижений ненецкого народа за 25 лет

упорной перестройки своей некогда отсталой культуры, проводимой под неустанной заботой партии и правительства. Этот юбилей покажет торжество ленинско-сталинской национальной политики, неуклонно осуществляемой на практике на далеком Севере нашей Родины под непосредственным руководством вождя всех народов Советского Союза товарища Сталина.

Приношу благодарность товарищам, любезно предоставившим материалы для этой статьи, — тов. Друри (Институт полярного земледелия), тов. Куприяновой (ЛГУ), тов. Кальниболоцкому (АНИН). В работе использованы материалы Г.Д. Вербова и газетные заметки.

ОЛЕНЬИ НАРТЫ И УПРЯЖЬ У НЕНЦЕВ¹ (1961)

[Введение]

Основным способом передвижения у тундровых ненцев во все времена года является езда на оленях, запряженных в сани (нарты). Езда на оленях верхом не практикуется, и о ней не упоминается в имеющихся источниках (данные фольклора, рассказы стариков, этнографическая литература и т.д.). Не используется олень также и под вьюк; все грузы перевозятся на нартах.

Вопрос о происхождении ненецкого оленеводства и давности его бытования интересовал многих исследователей. Точка зрения большинства авторов сводится к тому, что оленеводство было принесено на север самоедоязычным (самодийским) населением с Саянского нагорья (наиболее подробно эта точка зрения изложена в статье: [Василевич, Левин 1951]).

Как известно, современные жители Саянского нагорья тувинцы (тоджинцы) имеют вьючно-верховое оленеводство без применения пастушеской собаки. Оленеводство современных ненцев — крупно-табунное, санное с применением пастушеской собаки. Такое значительное отличие северного оленеводства от южно-сибирского не может не обратить на себя внимания. Сведений о том, что прежде на Саянах было упряжное оленеводство, не имеется. Следовательно, остается предположить, что на пути с юга на север самоедоязычные племена значительно видоизменили своё оленеводство под влиянием каких-то причин².

Переход от вьючно-верхового оленеводства к санному, по-видимому, находится в тесной связи с изменением породы оленя. У саянских предков ненцев (как и у современных жителей Саян) бытовал олень крупной таежной породы, годный для верховой езды. Ненецкие тундровые олени мелкие, и езда на них верхом невозможна. Таким образом, в период передвижения

¹ Статья была опубликована в Сборнике МАЭ: [Хомич 1961].

² В настоящей статье мы будем касаться лишь вопросов, связанных с транспортным значением оленеводства.

самоедоязычных племен на север произошло, очевидно, измельчение передвижавшегося с ними домашнего оленя. О возможности уменьшения размеров оленя в связи с ухудшением кормовых и климатических условий свидетельствуют материалы, приводимые специалистами [Северное оленеводство 1948; Сборник по оленеводству... 1932: 96, 104]. Измельчение оленя сделало невозможным верховое оленеводство и вызвало необходимость упряжного¹.

Как же сложился у ненцев существующий тип нарты и упряжи?

Многие исследователи считают, что самодийские народности перешли от верховой езды на олене к нартовой в подражание собачьей упряжке аборигенных жителей Крайнего Севера [Максимов 1928; Левин 1946; Василевич и Левин 1951].

Тесная связь ненецкого упряжного оленеводства и собаководства не вызывает сомнений: тип нарт, посадка и управление слева, упряжка веером, а также многие детали упряжи одинаковы.

Саянские предки ненцев не знали как упряжного оленеводства, так и упряжного собаководства. Следовательно, последнее могло появиться у складывающейся ненецкой народности или на пути следования к северу (возможно, под влиянием соседних народов — угров) или было заимствовано самоедоязычными племенами у северных аборигенов побережья Ледовитого океана. Не исключено еще и третье решение вопроса — предположение, что упряжное собаководство было заимствовано ненцами в более поздний период (примерно в XIV–XV века) от русских поморов Архангельского Севера, среди которых езда на собаках была широко распространена.

Для окончательного решения этого вопроса, как нам представляется, имеющиеся материалы недостаточны. Необходимы, в частности, археологические раскопки на территории обитания ненцев, а также дальнейшее изучение письменных источников ранних периодов.

Однако при изучении проблемы происхождения ненецкого упряжного оленеводства и собаководства и их сравнительной давности необходимо учитывать тот факт, что в богатом ненецком фольклоре не встречается упоминания о езде на собаках, тогда как езда на оленьих упряжках является непременным атрибутом очень многих произведений устного народного творчества ненцев [Куприянова 1957].

Кроме того, вся терминология, связанная с оленьей упряжью, как будет видно из последующего изложения, очень подробно разработана. Этого нельзя сказать о собачьей упряжи.

¹ Вероятность приручения уже на Севере мелкой и породы дикого оленя исключена, так как неудача многочисленных подобных попыток подтверждает невозможность такого приручения.

Все это, на наш взгляд, не позволяет делать категорических выводов о позднем появлении упряжного оленеводства в подражание упряжному собаководству.

Близкий к современному тип упряжи и нарт существовал у ненцев, по имеющимся материалам, уже в начале XVII в. (относительно более раннего периода материалов нет). Так, в книге И. Массы (1613 г.) изображены олени, запряженные в нарту, по типу сходную с современной ненецкой [Алексеев 1932: 248].

Ненецкую нарту и способ запряжки описал Корнелий де Бруин (1701 г.) [Путешествие... 1873].

Одно из ранних описаний упряжи и нарт у ненцев имеется также в работе В.Ф. Зуева «Об оленях» (1772 г.). Указывая, что в сани ненцы впрягают по два, по три и по четыре оленя, Зуев приводит рисунок легкой нарты и впряженных в нее оленей с довольно подробным описанием, благодаря которому можно сделать вывод, что в середине XVIII в. у ненцев были такая же упряжь и нарта, как в настоящее время [Зуев 1947: 91].

Поскольку в задачи настоящей работы не входит разрешение вопроса о происхождении ненецкого упряжного оленеводства и его давности, мы, ограничившись лишь приведенными выше замечаниями, попытаемся дать по возможности подробное описание типов нарт и упряжи, бытующих у ненцев в настоящее время, приводя ненецкую терминологию.

Материалами к данной работе послужили коллекции, имеющиеся в МАЭ, литературные источники, отдельные записи и устные сообщения Г.Д. Вербова, а также сведения, собранные во время экспедиций в Нижне-Печорский (ныне Нарьян-Марский) район Ненецкого национального округа в 1949 г., в Ямальский район Ямало-Ненецкого национального округа в 1953 г. и в Канино-Тиманский район Ненецкого национального округа в 1958 г.

Для ненцев характерна многоямочная запряжка веером. Количество оленей, запрягаемых в легковые сани, колеблется от двух до семи (летом, когда нарты тяжелее идут по траве и мху, запрягают обычно четыре-шесть оленей). В грузовые сани запрягаются два оленя (летом иногда три). Каждый запряженный олень носит определенное название: передовой (крайний левый) — *ненземиндя*, *нерняминдя* или *нерня' мэта*, т.е. идущий впереди. Обычно в качестве передового оленя употребляется специально обученный для этого олень (*тэмг*). Крайний правый олень носит название *пелей* (зап[адные] говоры) или *пунянгы* (вост[очные] говоры), иногда — *вархана мэта* или *вары пелей* (т.е. крайний). Средний олень называется *еркы*. Остальные олени в разных районах называются по-разному, например *нерняминдя хэвхы* — соседний с передовым и т.д.

Для запряжки в нарты употребляют главным образом кастрированных самцов (по-ненецки *хабт*; общее название для всякого домашнего

оленя — *ты*) или яловых важенок (*хабтарка*). В случае недостатка в оленях используют важенок (*яхадей*), а иногда и самцов-производителей (*хора*, *нямна*). Важенки считаются по сравнению с оленями-самцами менее сильными и выносливыми, но более быстрыми во время коротких переездов. Используют для упряжек оленей от трехлетнего до десятилетнего возраста.

В еще недавнем прошлом никогда не использовались в упряжках олени, посвящавшиеся солнцу и различным духам. Их запрягать можно было только в «священные» нарты (см. ниже).

Прежде чем перейти к описанию упряжи, остановимся на конструкции и типах нарт, бытующих у ненцев.

Ненецкая нарта (*хан*) характеризуется рядом особенностей, которые отличают ее от нарт оленеводов Северо-Восточной Азии.

1) Наличие нескольких пар (от двух до семи и более) высоких копыльев (высотой около 0,5 м), закрепленных в пазах полоза с наклоном внутрь и назад. Благодаря этому расстояние между полозьями оказывается несколько шире, чем сидение, что придает нарте устойчивость. Все копылья расположены на задней половине саней.

2) Высоко загнутые (до уровня сиденья) передние концы полозьев соединены перекладиной — головочным вязком (у легковых нарт их бывает два).

3) Соединение частей неподвижное: на концах одних из них делаются четырехугольные шипы, которые пригоняются в отверстия, проделанные с помощью сверла и ножа в соответствующие места других частей.

С помощью ременной прошивки прикрепляются только задняя и боковая (у женской нарты) стенки сидения.

Этот тип косокопыльной нарты характерен, кроме ненцев, для энцев, нганасанов, кетов, долганов, а также оленных селькупов, хантов и мансов. Встречается он среди северо-западных эвенков и северо-западных оленных якутов. В сравнительно недавнее время он был заимствован у ненцев русскими, коми и саамами Кольского полуострова¹. Следует отметить, что кеты, большая часть якутов, долганов и эвенков в отличие от ненцев пользуются санным транспортом только в зимнее время. Нганасаны тоже употребляют его летом ограничено. У селькупов, помимо упряжного оленеводства, заимствованного от ненцев, бытовало, видимо, и вьючно-верховое. Факт заимствования хантами и мансами форм ненецкого оленного транспорта также не вызывает сомнений [Чернецов 1937].

¹ Население лесной зоны несколько видоизменило указанный тип нарты, приспособив её к условиям леса (к передку привязывается так называемый «барбан» — горизонтально расположенная дуга; 3–4 пары копыльев устанавливаются по всей длине полоза).

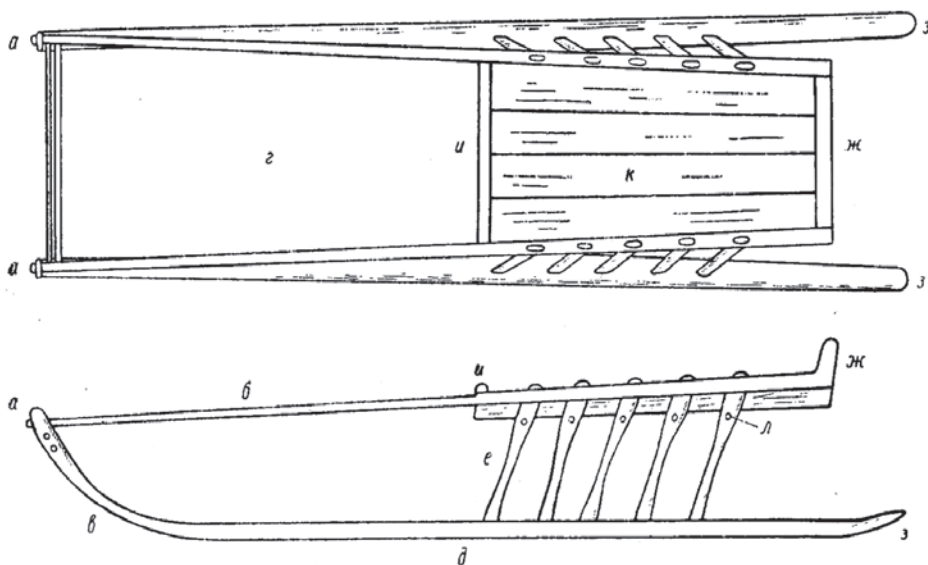

Рис. 25. Устройство нарты: а) хан' пья' (нос нарты), б) нин, в) харму', г) хан'лэхэ', д) ханз', е) хан' нгэ' (ноги нарты), ж) пуний тёндер', з) ябцо, и) нерний тёндер', к) хан' лата', л) нярт

Таким образом, центром формирования указанного типа нарт можно считать территорию, заселенную ненцами.

Ненецкая нарта состоит из следующих основных:

1) Полозья (ханз', мн. ч. ханзад') делаются из лиственницы, ели или кедра. Заготовка полозьев производится обычно в местах, где имеется более или менее крупный лес. Вырубаются стволы толщиной 10–20 см и распиливаются вдоль на четыре части. На месте сгиба (харму') полозья делаются значительно тоньше, чем в других частях. Это место замачивают в воде, пропаривают на огне, загибают и закрепляют веревкой в согнутом положении. После просушки полоз выстругивают и в нем делают отверстия для копыльев, нащепы и передних поперечин — вязков. Задний конец полоза (ябцо) слегка затесывают кверху для лучшего скольжения.

По свидетельству Г.Д. Вербова, полозья нарт, употребляемых в Канинской тундре, уже, чем в других районах [АМАЭ РАН. Ф. Г.Д. Вербова]¹.

В настоящее время в некоторых районах зимой употребляют нарты со стальными подполозниками.

¹ На момент написания статьи архив Г.Д. Вербова не был еще разобран, и поэтому Л.В. Хомич дает ссылку на весь архив Г.Д. Вербова, который в настоящем издании обозначается как: [АМАЭ РАН: Фонд Г.Д. Вербова]. — Прим. ред.

2) В отверстия полозьев вставляются копылья (*хан' нгэ'*, дословно ноги нарты), тонкие в средней части и утолщенные вверху и внизу. Как и все другие части нарты (кроме полозьев), копылья делаются из ели или березы. Они изготавливаются из брусков длиной 50–60 см, толщиной 10–12 см, расколотых пополам, и имеют овальное сечение. Особенно тщательно выделяются верхние и нижние шипы, которые служат для соединения с другими частями нарты.

3) Верхние концы копыльев вставляются в нащеп — продольный брус (длиной 250–260 см), который передним концом входит в отверстие верхней загнутой части полозьев (выше головочного вязка). Эта передняя часть нарт называется *хан' пня'*, т.е. нос нарты. Для большей прочности конец нащепа закрепляется в полозе с помощью деревянного шпеныка. У легкой нарты нащеп часто вытесывается из дерева с корнем так, чтобы последний в своей естественной форме мог служить для устройства спинки. Задняя часть нащепа носит название *хан' вано* (*вано* — корень), передняя, между сиденьем и загнутым половом, — *нин*.

4) Ниже соединения с нащепом копылья имеют отверстия, в которые проходят поперечные перекладки — вязки (*нярт'*, мн.ч. *няртад'*), соединяющие каждую пару копыльев между собой. Вязки представляют собой бруски длиной 60–70 см, имеющие овальное сечение.

5) На эти перекладки укрепляют доски сидения длиной 110–120 см (*хан' лата'*). У некоторых типов грузовых нарт, служащих специально для перевозки шестов чума, сундуков и т.д., этих досок нет.

6) У легковых нарт (и у части грузовых) делается спинка (*пуний тён-дер'*), которая сшивается ремнями с задней частью нащепа. Спинка обычно состоит из двух-четырех горизонтально поставленных одна на другую досок.

7) Передняя часть сидения также имеет невысокую дощатую стенку (*нерний тён-дер'*), слегка закругленную в верхней части.

Кочевой образ жизни требует особо строгого порядка размещения всех вещей. Поэтому ненцы при переездах части чума домашние вещи и пр. размещают на специально предназначенных для тех или иных вещей нартах.

У ненцев встречаются следующие основные типы нарт.

Легковые нарты

1. Легковая мужская нарта (*нгэдалесь'*, *нгэдалесь' хан*). Употребляется главным образом мужчинами для езды налегке. Имеет наиболее легкую конструкцию и сравнительно малую площадь сидения (в среднем 110×55 см). Число копыльев 4–5 пар. Сидение нарты покрывается оленьей шкурой, которая носит название *нгамдер'* (зап[адные] говоры) или *нaro* (вост[очные]

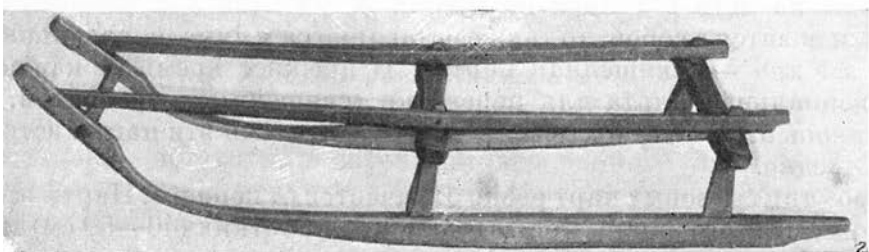
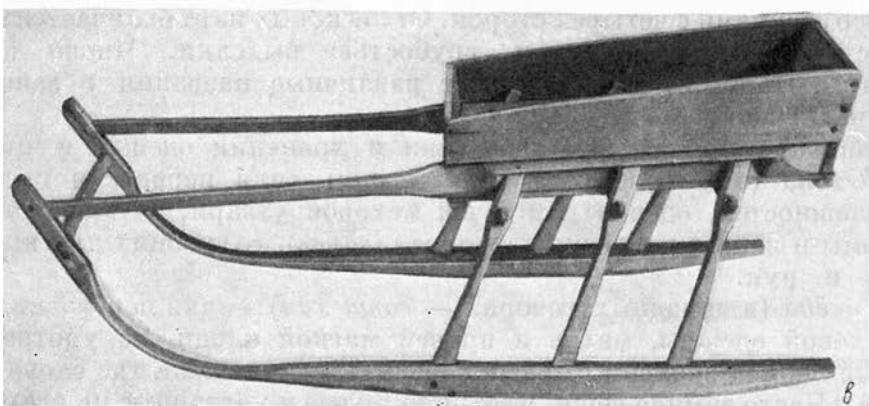
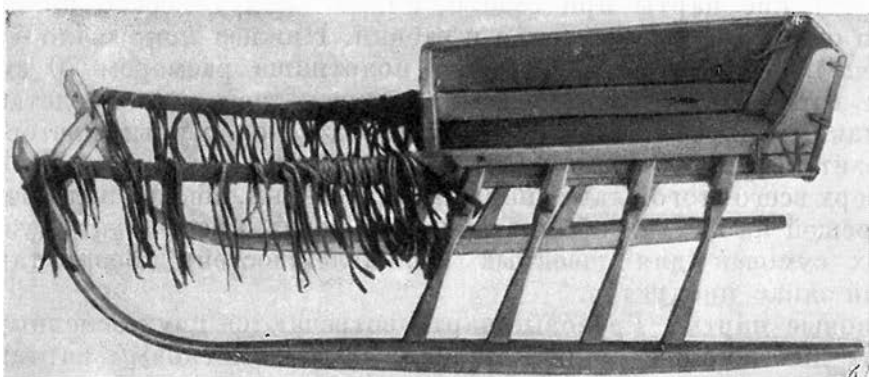
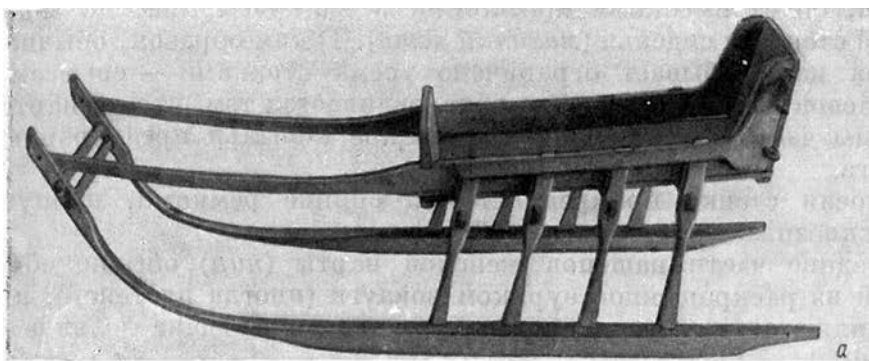

Рис. 26. Типы нарт (МАЭ № 4584-1,2,3,6): а) мужская легковая нарта, б) женская нарта, в) грузовая нарта *вандако*, г) грузовая нарта *нгуто*

говору). Чтобы шкура не сползала, ее принизывают к сидению старым арканом или иным ремнем.

К нарте справа часто привязывают чехол для ружья (*туни пад*), который обыкновенно возят с собою. Чехол шьется из оленьей шкуры мездрой наружу и окрашивается суриком. На *нгадалесь'* возится обычно топор (*тубка*), аркан для ловли оленей (*тынзя'*) и сверло (*парэ'*).

2. **Женская нарта** (*не' хан*). Отличается от мужской бóльшей площадью сиденья, более высокими копыльями и наличием, помимо задней, еще боковой стенки у сиденья (*маханий лата*). Таким образом, обычно сиденье женской нарты бывает ограничено тремя стенками — со всех сторон, кроме левой по движению. Это обуславливается тем, что на нарте *не' хан* женщины часто ездят с детьми. Высокие копылья предохраняют зимой от снега.

Боковая стенка прикрепляются к спинке ремнями, пропущенными через сквозные отверстия.

Передние части нащепов нарты (*нин*) обычно обматываются полосой из раскрашенной суриком ровдуги (иногда плетеной), к которой прикрепляются ровдужные же ремешки, свисающие в виде бахромы (*пяцё иня*).

На женские нарты при езде с детьми кладут несколько покрывал так, что они закрывают сиденье и стенки. Нижнее покрывало — из меха (*тар' ни'*), сшитое в виде прямого полотнища размером 70 см × 3 м. Поверх него кладут покрывало из сукна — *ной ни'*, представляющее собой также прямое полотнище, сшитое из сукон разных цветов (размер приблизительно 1×3,5 м).

Поверх всего этого кладут покрывало из ткани, обычно полосатой.

Из вещей на *не' хан* обычно ничего не возят, кроме *туця'* (узорчатых меховых сумочек для швейных принадлежностей). Возят также небольшой запас продуктов.

Грузовые нарты

Грузовые нарты встречаются двух основных типов. Один из них по конструкции приближается к легковым нартам: имеет высокие, косо поставленные копылья (высота около 65 см), дощатый настил со стенками с четырех сторон. От легковых нартов отличается большей прочностью, массивностью и грубостью выделки. Число копыльев 3–4 пары. Нарты этого типа носят различные названия в зависимости от их назначения.

1. *Вандако* служат для перевозки и хранения одежды и продуктов.

2. *Юхуна* (в западных тундрах — *юна*) — для перевозки постельных принадлежностей, одежды и прочей меховой утвари, а также подстилок из

соломы и запаса древесных стружек (*варав*), служащих для вытирания посуды и рук.

3. *Хурёда* (в западных говорах — *вата хан*) — для перевозки и хранения меховой одежды, мехов и прочей мягкой клади, не употребляемой в данный период времени (отсюда название — *вата хан*, где слово *вата* — лишний). Часто зимние вещи, плотно укрытые и увязанные на этих нартах, оставляют на лето в тундре на местах летних (иногда зимних) кочевий. Если они возятся с собой, то также оставляются у чума нераспакованными.

4. *Хэхэ хан* — «священная нарта». В прежнее время у каждой семьи была специальная нарта для перевозки «священных» предметов. Обычно она делалась на семи копыльях. В настоящее время эти нарты встречаются крайне редко.

Второй тип грузовых нарт резко отличается от первого. Нарты этого типа обычно имеют всего две пары копыльев, более коротких (40–50 см) и поставленных менее наклонно, чем у всех предыдущих типов нарт. Среди нарт этого типа встречаются и прямокопыльные нарты. Дощатый настил отсутствует. Эти нарты обладают значительной грузоподъемностью и также имеют различное назначение.

1. *Нгуту'* (в западных районах — *уту'*) — нарта для перевозки шестов чума и предметов домашнего обихода (котел, крюк для котла и т.д.).

2. *Сябу* или *сябу хан* — употребляют для перевозки досок, служащих полом в чуме, циновок из ивовых прутьев, железного листа для костра, запаса дров. Раньше (в некоторых районах и сейчас) на такой нарте возили также мешок с женской обувью, считавшейся нечистой (*сябу хан* значит «поганая нарта»).

3. *Ларь хан* — нарта для перевозки деревянного ларя или сундука с вещами или запасом продуктов (муки, сахара и др.). Расстояние между нащепами соответствует размерам сундука, который ставится прямо на вязки копыльев.

4. *Хурумы хан* — нарта для перевозки различных грузов средней тяжести, например мешков, небольших бочек и т.п. Иногда имеет настил для размещения вещей.

5. *Нгурос* — нарта для перевозки более тяжелого груза (бочек, запаса полозьев и пр.). На нартах этого типа перевозятся в случае необходимости и лодки.

В Большеземельской тундре две последние нарты не различаются¹.

Упряжь у ненцев отличается значительной сложностью. Различается упряжь для легковых и грузовых нарт.

¹ Помимо оленьих нарт, у ненцев бытует собачья нарта и небольшая ручная нарта — *сюнка*. Обе нарты, отличаясь меньшими размерами и большой легкостью, по конструкции однотипны оленьей.

Упряжь для легкой нарты

Упряжь для легкой нарты состоит из следующих основных частей (рис.00): недоуздок, лямка, потяг (тяж или постромка), пояс.

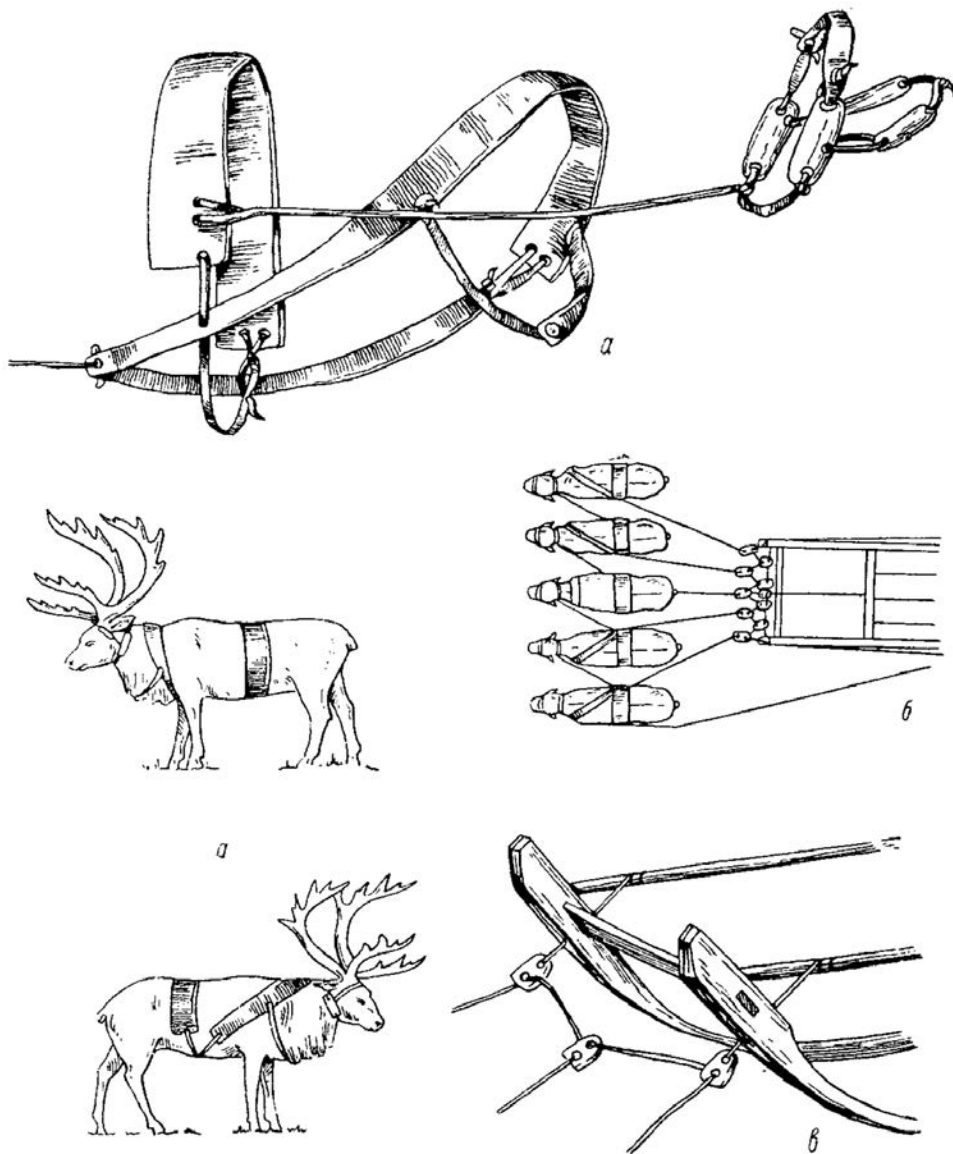

Рис. 27. Упряжь для легкой нарты:
 а) упряжь на одного оленя (не передового),
 б) упряжь на пять оленей,
 в) способ крепления быков к нарте

1. Недоуздок (*сян*), охватывающий лоб и шею оленя. Он состоит из системы ремешков (обычно из кожи морского зайца), соединяющих 4 костяные пластинки, две из которых (более широкие, шириной 4–6 см) приходятся на «щеки» оленя (*пайды сян*), а две — на лоб (*пэйма*, *пэятама*). Налобные пластинки имеют отверстия на концах. Передние концы этих пластинок соединены через отверстия ремешками между собой, а задние — тоже с помощью ремешков — прикреплены к средним отверстиям нащечных пластин, имеющих по три отверстия. Ремни, соединяющие нащечные пластины между собой, внизу проходят под шеей оленя; вверху они имеют ременные застёжки, которые соединяются с помощью костяной пуговицы (*пясик*) на затылке оленя. Костяные части недоуздка делаются из распиленного надвое оленьего рога, моржового клыка или из мамонтового бивня (сейчас реже). Все костяные части упряжи ненцы изготавливают с помощью особого узкого ножа. В отличие от некоторых других народов (например, нганасанов) ненцы обычно костяные части недоуздка не украшают.

У передового (крайнего левого) оленя недоуздок имеет обычно только налобные пластины, одна из которых (правая) бывает изогнута под углом, близким к прямому. Обе пластинки также связаны ремешком, пропущенным в отверстие в передних их концах. Через отверстие задних концов пластин пропущен двойной ремень, проходящий под шеей оленя. С боков к этому ремню привязано два узких ремешка, служащих для завязывания на затылке за рогами оленя. К подшейному ремню недоуздка прикреплен вырезанный из оленьего рога (или металлический) вертлюг (*сюрня*) с привязанной к нему вожжой (*мэта иня*) длиной 5–7 м, служащей для управления упряжкой¹.

Недоуздок каждого оленя упряжки (кроме передового) прикрепляется ремнем (*пелей иня иня*) к поясу оленя, идущего слева. Благодаря этим ремням олени во время езды не разбегаются в стороны, а держатся группой. Недоуздок женской упряжки спереди и по бокам обычно украшают тремя пучками бахромы из ровдуги, окрашенной суриком (*ямдэ*, *ямдю*).

2. Лямка (*таркабтёда*) длиной 1–1,25 м. Для ненецкой упряжи характерна сложная лямка с подгрудным ремешком, который служит застёжкой для лямки. Лямка представляет собой полосу шириной 6–10 см, иногда с более узкой надставкой, делается из сыромяти или кожи морского зверя. В прошлом, очевидно, иногда делали лямку из шкуры белого медведя

¹ У долганов, эвенков и якутов, имеющих тип нарт, аналогичный ненецкому, посадка и управление оленями осуществляются с правой стороны, а не с левой, как у ненцев.

[АМАЭ РАН. Ф. Г. Д. Вербова]. Концы лямки имеют отверстия в виде петель, в которые продевается застежка потяга.

Лямка надевается на оленей, идущих слева от середины, на левое плечо, у оленей, идущих справа, — на правое.

3. Потяг, тяж или постромка (*са*) — ремень, соединяющий нарту с ляжкой. В каждой упряжке есть два вида постромок — одна длинная (около 4 м), соединяющая лямки двух крайних оленей и проходящая подвижно через два костяных или деревянных блока (*пяця'*), прикрепленных к головкам нарт, и несколько коротких потягов (по числу остальных оленей, длиной около 1,5 м), один из концов которых прикрепляется с помощью костяной пуговицы к ляжке, а другой с помощью деревянного, костяного или металлического блока — к средней части длинной постромки.

Таким образом, число блоков зависит от числа оленей — при упряжке в два оленя длинный потяг проходит через два блока. При упряжке в три оленя третий блок надевается в середине между двумя крайними на потяг, за концы которого тянут оба боковые оленя. При упряжке в четыре оленя приспособляется пять блоков — три привязаны к нарте и два надеты на ремень и т.д. Такой способ подвижного прикрепления потягов позволяет легко выявить плохо ведущего оленя. Постромки вырезаются из шкуры морского зайца. Ремни, сделанные из этой шкуры, не растягиваются, не ломаются на морозе и довольно легко развязываются при незначительном отогревании их в руках.

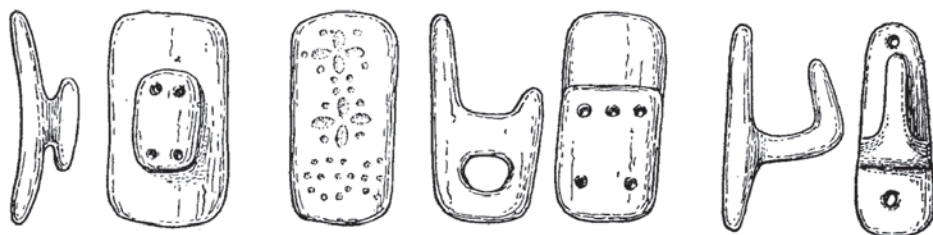
Потяг может проходить слева, справа и между ног оленя: если в нарту запрягается шесть оленей, то у трех левых потяг идет справа от каждого оленя, а у трех правых — слева. Если в упряжке пять оленей, то у среднего он проходит между ног.

От среднего блока к сидению нарты (между *нин*) для прочности протягивают ремешок (*мадара'ма*). К передней части сидения он прикрепляется по-разному: в передке делается круглое отверстие, через него продевается ремень и завязывается или держится с помощью деревянной пуговицы. Иногда *мадара'ма* просто привязывают к передней части *нин*, продевая за копылья.

Блоки, как и части недоуздки, иногда делают из моржового клыка или мамонтового бивня. Встречаются также железные блоки фабричного производства.

Блоки представляют собой плоские брусочки размером около 5×10 см, закругленные с одной стороны, с двумя отверстиями в каждом.

4. Пояс (*ё'иня*, в русском произношении *ёндина*) — широкая кожаная полоса, перекинута через спину оленя (длина около 1 , ширина 10–5 м). С помощью ремешка, проходящего под животом оленя (*ё'-иня' иня*), пояс соединяется с ляжкой, поддерживая таким образом потяг на определенной

Рис. 28. Держатель для вожжей *халко лы*

высоте. Кроме того, пояс служит для прикрепления ремешка от недоуздка оленя, идущего справа. У передового оленя слева к поясу прикрепляется ремешками специальный держатель для вожжи (*халко лы*, *халсолы*). Ненцы делают его из кости (обычно рог оленя, иногда моржовый клык) в виде крючка с отверстиями для закрепления на поясе (рис.00). Иногда *халко лы* украшается резьбой с наружной стороны. Часто употребляются держатели для вожжи из меди или латуни русской или ижемской кустарной работы. Обычно они значительно больших размеров и очень разнообразны по форме.

Для красоты в женской упряжке на пояс иногда прикрепляют с помощью ремешков украшенный орнаментом разноцветный суконный покров (*ной ё'иня*) длиной 170–180 см, шириной около 30 см. Характерная расцветка — сочетание красного, желтого и черного цветов. Иногда к *ной ё'иня* пришиваются мелкие колокольчики или ширкунцы. Прежде такие суконные покровы служили непременной принадлежностью упряжки невесты.

В легкой упряжке олени бегут так, что левый (передовой) олень немного выдвинут вперед.

Основным недостатком легкой упряжи является то, что она вынуждает оленей везти нарту одним плечом, двигаться несколько боком, что снижает величину нормального тягового усилия. Помимо этого, потяги сильно трут ноги оленя. Поэтому при длительных перекочевках ненцы время от времени меняют место оленей в упряжке, чтобы дать возможность отдохнуть то левому, то правому плечу.

Упряжь для грузовой нарты

Упряжь для грузовой нарты состоит из двух лямок из сыромяти (*подер'*) длиной 140–150 см, шириной 3–4 см, представляющих собой прямые полосы с петлями на концах. Концы, где прорезаны петли, для прочности делаются в два слоя и прошиваются тонким ремешком. К лямкам с помощью деревянных или костяных застежек, которые продеваются в петли лямок,

прикрепляется потяг длиной 3,5 м (делается из кожи морского зайца). Потяг проходит через блоки, прикрепленные к головкам нарт. Каждая из лямок проходит через плечо оленя, у левого — через левое, у правого через правое. Потяг проходит между ног. В случае запряжки в три оленя между ног проходит потяг только у среднего оленя, а у боковых — слева и справа, как в легкой упряжке.

С помощью специального ремешка (*пуй иня*) или цепи (*еся пуй иня*) каждый олень грузовых нарт привязывается за шею к задку нарты, идущей впереди. Все ременные части упряжи (как легкой, так и грузовой) соединяются или путем связывания, или при помощи костяных пуговиц (пясик), имеющих различную форму.

Интересно сообщение Г.Д. Вербова о том, что при значительной поломке нарты в пути, когда ею уже нельзя было пользоваться, вместо нее брали шкуру с нарты, клали ее на землю шерстью вниз и продевали потяги через дыры, проделанные в передней части шкуры [АМАЭ РАН. Ф. Г.Д. Вербова].

Отбор оленей для упряжек и способ запрягания

При перекочевке для отбора упряжных оленей ставят полукругом сдвинутые нарты, с помощью собак подгоняют к ним оленей, а затем с противоположной от нарт стороны протягивают веревку, замыкая круг. По-ненецки такой загон из нарт называется *ва'*. Сам момент подготовки к запряжке по-ненецки выражается глаголом *ёркалтась*.

Внутри круга входят люди, выбирают оленей и привязывают их поочередно одной общей веревкой (обычно той самой, которая замыкала круг загона). Затем круг размыкают и выпускают оставшихся оленей.

В восточных районах (например, у енисейских ненцев) часто вылавливают нужных для запряжки оленей просто арканом, особенно при наличии небольших стад.

Порядок запряжки в легкую нарту следующий. Сначала длинный потяг продевается через подвижные блоки, привязанные к передку нарт, и вся упряжь раскладывается перед нартами. Затем приступают к запряжке оленей, начиная с передового, и затем всех по очереди слева направо. Сначала надевается недоуздок с вожжой на передового оленя, затем наплечная лямка с прикрепленным к ней поясом, который завязывается под животом оленя. Потом надевается отходящий от пояса передового оленя недоуздок на оленя, идущего от него справа. Затем на этого второго оленя надевается пояс и т.д. Пояс крайнего правого оленя не имеет прикрепленного к нему недоуздка.

Управление оленьей упряжкой осуществляется с помощью вожжи, идущей слева от передового оленя, и длинного шеста — *хорья* (по-ненецки

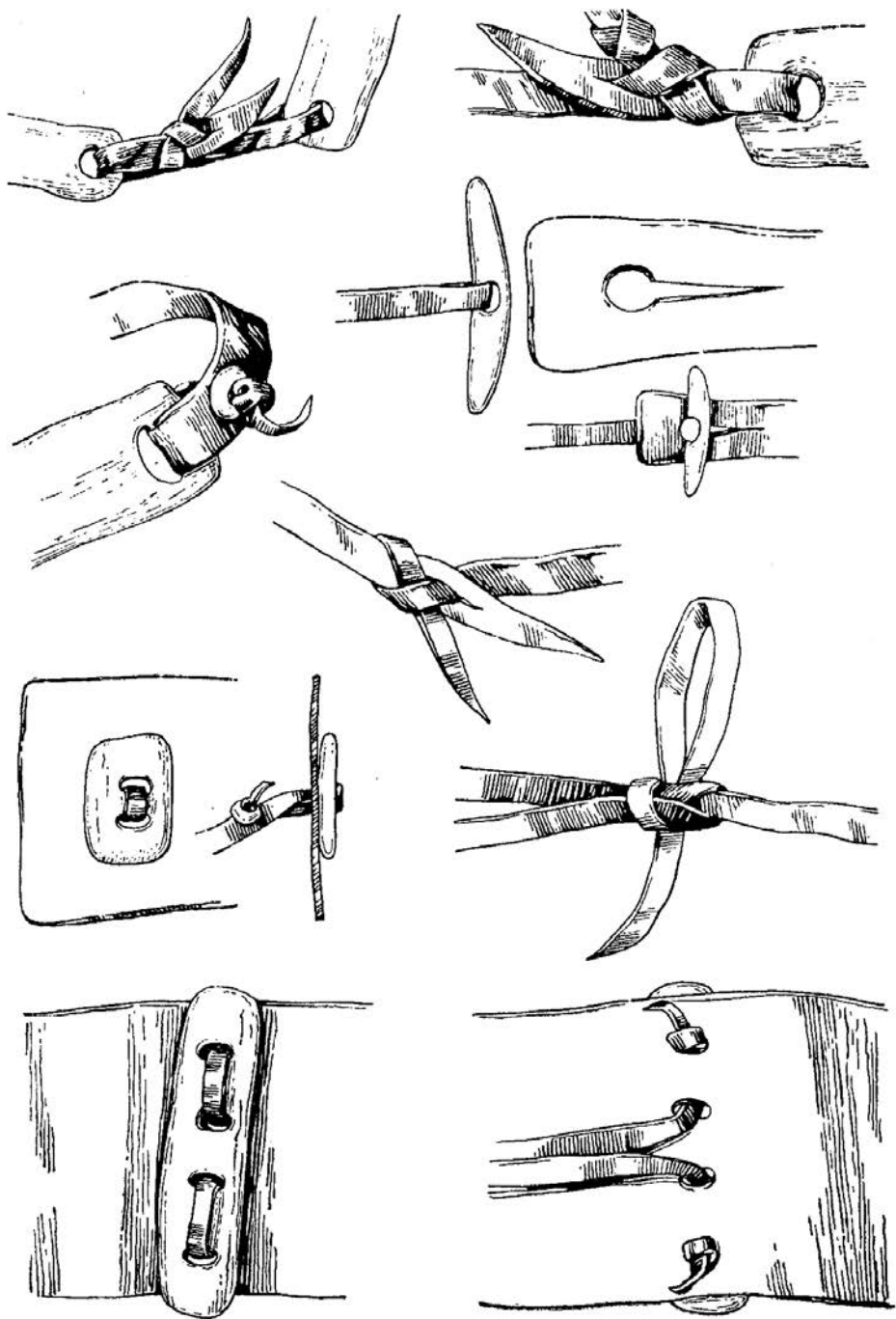

Рис. 29. Способы соединения частей упряжи

Рис. 30. Женская упряжка

тюр). Хорей делается обычно из березы, имеет круглое сечение, длина его 3–5 м. На передний (более тонкий) конец его надевается костяной (иногда деревянный) наконечник (*тюр' мал*) в виде пуговки или кружочка с проделанным в середине отверстием, который предохраняет оленей от травмы; на другой конец — железный копьевидный наконечник (*наря*). Женский хорей обычно железного наконечника не имеет, а если и имеет, то меньшего размера.

В прошлом хорей использовался как оружие в военных столкновениях. Сейчас железный копьевидный наконечник встречается редко и служит как оружие при нападении на стадо оленей волков, для пробивания проруби и т.п. Хорей служит для понукания оленей в упряжке, а также для упора при езде по склону, для определения глубины воды, снега и т.п.

Ненец, перед тем как сесть на нарту, берет хорей и особыми звуками или причмокиванием поднимает оленей (если они лежат). Когда олени трогают с места, он идет некоторое время около нарты слева, держа в одной руке хорей, а в другой вожжу. Затем, когда олени ускоряют шаг, он садится на ходу на нарту. Понукают оленей восклицаниями: *ехэй-ехэй!*

Ненцы (мужчины и женщины) садятся на нарту с левой стороны. Во время езды в правой руке держат вожжу от передового оленя, а в левой — наперевес хорей. Сидят обычно, поставив левую ногу на полоз, а правую подогнув перед собой.

Хороший передовой олень легко слушается вожжи и хорея, управляя тем самым остальными оленями упряжки. Слегка подергивая вожжу, поворачивают оленей влево, ударяя вожжой по боку — вправо. Останавливают оленей, или притянув за вожжу к нарте так, что они при этом описывают полукруг и становятся головами около задка нарт, или выдвинув хорей несколько впереди головы передового оленя.

При кратковременных остановках (при приезде в магазин, на почту) оленей не распрягают, а просто привязывают вожжу к нарте. Часть оленей при этом вскоре ложится. Оленей не распрягают, даже если приезжают из стада в поселок на сутки, так как их потом трудно поймать.

Стоя на нарте, ненцы переезжают довольно глубокие реки, овраги и т.п.

На оленьей легкой упряжке осуществляется круглосуточное окарауливание оленей.

При перекочевках грузовые нарты соединяются по 6–8 вместе, одна за другой, образуя так называемые аргиш (*мюд*). Как уже отмечалось, олени грузовых нарт привязываются к задку впереди идущей нарты с помощью ремня или цепи. Передняя грузовая нарта привязывается к легкой нарте, ведущей аргиш. Ведут такие группы саней (их может быть несколько) обычно женщины и дети. Весь обоз, как правило, возглавляет мужчина, едущий отдельно впереди на легкой нарте¹.

Грузовые нарты в аргише располагаются в определенном порядке — впереди располагаются нарты с мягким грузом, а затем с ящиками, досками и пр. Последними припрягаются нарты для шестов.

[Заключение]

Заканчивая описание использования оленьего транспорта у тундровых ненцев, отметим большую техническую разработанность и несомненную оригинальность ненецкого типа упряжи и нарт.

У лесных ненцев, т.е. группы ненцев, живущих в таежной зоне по р. Пур, тип нарт и оленьей упряжи очень незначительно отличается от описанного выше. Отсутствие достаточных данных не позволяет нам привести конкретные материалы для характеристики особенностей использования оленьего санного транспорта у лесных ненцев.

Однако важно другое. В отличие от тундровых ненцев у лесных сохранились пережитки оленеводства вьючно-верхового типа. Т. Лехтисало сообщает о седле для перевозки на оленях вьюков и приводит его название — «*pohosow*».

¹ Понятия перекочевать (скочевать) и кочевать с оленями выражаются на ненецком языке глаголами *ямдась* и *мюсесь*.

По сведениям, полученным Г.Д. Вербовым, в начале XX в. были живы старики, помнившие верховую езду на оленях в районе верховьев р. Пур [Вербов 1936]. Эти особенности связывают оленеводство лесных ненцев с южным (саянским) верховым оленеводством, изучение которого поможет в значительной мере решению вопроса связей и происхождения северного тундрового оленеводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников. Ч.1. Иркутск, 1932. 368 с.
- Арзютов Д.В.* Сведения об архивном наследии А.П. Пырерка: материалы по оленеводству и оленеводческой терминологии ненцев Большеземельской тундры // Север, олени и не только...: Сборник научных трудов / Отв. ред. М.Д. Люблинская. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 146–150.
- Арзютов Д.В.* Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 187–219.
- Бармич М.Я.* Антон Петрович Пырерка — первый ненецкий ученый. http://iling.spb.ru/pdf/liudi/pyrerka_01.html.
- Бармич М.Я.* Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики 2014: Научный альманах. СПб., 2014. С. 148–299.
- Богораз В.Г.* Древние переселения народов в северной Евразии и Америке // Сборник МАЭ. 1927. Т. VI. С. 37–62.
- Буркова С.И.* Ыбтыкы хасава (О Григории Давыдовиче Вербове) // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.) / Отв. ред. С.И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 7–19.
- Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. Вып. 1. С. 63–87.
- Вербов Г.Д.* Лесные ненцы // Советская этнография. 1936. № 2. С. 57–70.
- Гаген-Торн Н.И.* Прокофьевы в Яновом стане // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 91–110.
- Гаген-Торн Н.И.* Иероглиф и знак векам. М.: Фонд Сергея Дубова, 2013. 552 с.
- Головнёв А.В.* Поиск алтайской прародины: М.А. Кастрен о происхождении самодийцев // Проблемы межкультурного взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 45–48.
- Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII в. / Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. V. М.; Л.: АН СССР, 1947. 96 с
- Кисель В.А.* Забытый исследователь Тувы // Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука, 2011. (Кунсткамера — Архив. Т. 4). С. 13–27.
- Куприянова З.Н.* Характеристики ненецкого эпоса // Уч. зап. ЛГПИ. 1957. Т. 132. С. 181–214.
- Левин М.Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства. // Советская этнография. 1946. Вып. С. 75–108.
- Максимов А.Н.* Происхождение оленеводства // Уч. зап. РАНИОН. 1928. Т. VI. С. 3–37.
- Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 5. Сибирская фауна, (окончание). Домашние и упряжные животные, повозки, суда, рыболовство и охота. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1877.

- Ненецкий алфавит на русской основе. Утвержден Президиумом Совета национальностей ЦИК СССР 11 февраля 1937 г. С приложением основных орфографических правил, разработанных Центральным институтом языка и письменности народов СССР. Салехард: Ямальский окружной Комитет нового алфавита, 1937. 7 с.
- Омельчук А.К. Рыцари Севера. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. 192 с.
- Перфильев И.А. Краткий очерк географии о-ва Колгуева // Северное хозяйство. Журнал Архангельского Губисполкома. 1928 а. № 10–12.
- Перфильев И.А. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве // Северное хозяйство. Журнал Архангельского Губисполкома. 1928 в. № 1–2.
- Подэкрат А.Г. Промыслы острова Колгуева // Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936. С. 71–115.
- Попов А.А. Оленеводство у долган // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 184–205.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–490.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Сб. МАЭ, 1971. Вып. XXVII. С. 5–100.
- Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139–155.
- Савельев А.С. Остров Колгуев // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Т. XXXIX. Вып. 2. С. 153–176.
- Сборник по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике / Под ред. А.Е. Скачко. М., 1932. 304 с.
- Северное оленеводство / Под ред. П.С. Жигунова, Ф.А. Терентьева. М.: Сельхозгиз, 1948. 367 с.
- Степанова О.Б. «Мы — поколение энтузиастов»: К 85-летию Людмилы Васильевны Хомич // Культурологические исследования в Сибири. 2006. № 3 (20). С. 5–10.
- Талеева В.А. Пырерка Антон Петрович // Ученые-североведы. СПб., 2001. С. 148–151.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
- Хомич Л.В. Оленьи нарты и упряжь у ненцев // Сборник МАЭ. 1961. Вып. XX. С. 40–53.
- Хомич Л.В. Григорий Давыдович Вербов — исследователь традиционной культуры и языка ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пярых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. Ч. I. СПб., 2004 а. С. 75–82.
- Хомич Л.В. Екатерина Дмитриевна Прокофьева — исследователь традиционной культуры селькупов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 44–51.
- [Хроника 1936] Петров Г.Н. Экспедиции и научные командировки Института народов Севера ЦИК СССР // Советская этнография. 1936. № 1. С. 157–158.
- Чернецов В.Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): Сборник статей. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 349–366.

- Экономика и население Ямала в первой трети XX века / Отв. ред. Е.А. Волжанина и А.В. Головнёв. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. 375 с.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V.* The Construction of Soviet Ethnography and 'The Peoples of Siberia' // *History and Anthropology*. 2016. Vol. 2. Issue 2. P. 183–209. doi:10.1080/02757206.2016.1140159.
- Bogoraz W.* Paleoasiatic Tribes of South Siberia // *Estratto Da Atti Del XXII Congresso Internazionale Degli Americanisti*. Roma. Settenbre 1926., Rome, 1926. P. 249–272 p.
- Garner M.* Language: An Ecological View. Oxford: Peter Lang., 2004. 260 p.
- Grant B.* In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 250 p.
- Fitzhugh W.W.* Searching for the grail: Virtual archeology in Yamal and circumpolar theory // *Fifty Years of Arctic Research: Anthropological Studies from Greenland to Siberia*. The National Museum of Denmark, 1997. P. 99–118.
- Lehtisalo T.V.* Beiträge Zur Kenntnis Der Renntierzucht Bei Den Juraksamojeden. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1932. 180 p.
- Loovers J.P.L.* Dog-craft: A history of Gwich'in and dogs in the Canadian North // *Hunter Gatherer Research*. 2015. Vol. 1. Issue 4. P. 387–419. doi:10.3828/hgr.2015.21.
- Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 65. Mouton Grammar Library. 526 p.
- Martin F.R.* Siberica; ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker, mit unterstützung des schwedischen Staates. Stockholm: G. Chelius, 1897. 41 p.
- Mühlhäusler P.* Linguistic ecology: language change and linguistic imperialism in the Pacific region. L.; N.Y.: Routledge, 1996. 416 p.
- Salminen T.* Tundra Nenets inflection. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1997. 155 p.
- Siragusa L.* Vepsian Language: Speaking and Writing Heritage Language in Villages and Cities. Ph.D. Thesis, University of Aberdeen. Aberdeen, 2012. 272 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алексеев, М.П. — исследователь 157
Алькор (Кошкин), Я.П. — исследователь 17
Андерсон, Д.Дж. (Anderson) — исследователь 8, 23
Апицин, Илья — ненец, о. Колгуев 48, 50
Апицин, Савватий — ненец, о. Колгуев 48
Ардеев, Андрей — ненец (отец Тимофея Ардеева), о. Колгуев 37
Ардеев, Антип — ненец, о. Колгуев 35
Ардеев, Евдоким — ненец, о. Колгуев 34, 48
Ардеев, Иван — ненец, о. Колгуев 35
Ардеев, Николай — ненец, о. Колгуев 48
Ардеев, Тимофей — ненец, о. Колгуев 35, 37
Ардеев, Филипп — ненец, о. Колгуев 35
Арзютов, Д.В. (Arzyutov) — исследователь 3, 4, 11, 13, 19
Бармич, М.Я. — исследователь 13, 17, 18
Богораз, В.Г. (Bogogaz) — исследователь 5, 13, 21, 22
Большаков, Николай — ненец, о. Колгуев 37–39
Большаков, Петр — ненец, о. Колгуев 37
Бруин, де, Корнелий — путешественник 157
Буркова, С.И. — исследователь 11
Вавилов, Н.И. — исследователь 22
Валей, Вадё (Валейский) — ненец, Большеземельская тундра 135
Валей, М. — ненец 144
Василевич, Г.М. — исследователь 155, 156
Венукан, Семен — ненец, о. Колгуев 34
Вербов, Г.Д. — исследователь 10–14, 19–23, 90, 101, 114–116, 119–123, 125, 154, 157, 159, 166, 168, 172
Вербов, Д.Ф. — полярник, отец Г.Д. Вербова 11
Волжанина, Е.А. — исследователь 10, 23
Выучейский, И.П. — председатель Ненецкого округа 138, 141, 144
Гаген-Торн, Н.И. — исследователь 18, 19
Галиндабаева, В. — исследователь 4, 23
Головнёв, А.В. — исследователь 10, 22
Друри, И.В. — исследователь 154
Евсюгов, Мирон — ненец, о. Колгуев 48
Зуев, В.Ф. — путешественник 157
Иевлев, Д.Д. — исследователь 124
Канюкова, Р.И. — краевед 4, 23, 101
Кастрен, М.А. (Castrén) — исследователь 21, 22, 58
Керцелли, С.В. — исследователь 39–41
Кисель, В.А. — исследователь 18
Ковязин, Н.М. — исследователь 11
Колеев, С.Ф. — оленивод 141
Крылов, В.М. — исследователь 11
Куприянова, З.Н. — исследователь 14, 141, 154, 156
Лазаретова, А. — исследователь 4, 23
Ларионов, В.М. — охотовед 116
Левин, Г.М. — исследователь 155, 156
Ледков, И.Н. — ненец, п. Красное 104
Лелков, Василий — ненец, о. Колгуев 48
Лехтисало, Т. (Lehtisalo) — исследователь 58, 98, 100, 171
Лудников — купец, о. Колгуев 39
Лыков, И. — художник 14
Люблинская, М.Д. — исследователь 3, 4, 14
Лярская, Е.В. — исследователь 11, 23
Максимов, А.Н. — исследователь 156
Мартин, Ф.Р. (Martin) — исследователь 111
Маруев, Василий — ненец, Тиманская тундра 39
Марьин, Нина — ненка, Ненецкий округ 152
Масса, И. — путешественник 157
Миддендорф, А.Ф. — путешественник и исследователь 111

- Никола [фамилия пропущена] — ненец, Ненецкий округ 152
- Окотэтто, Х. — ненец 4, 23
- Омельчук, А.К. — журналист 11
- Перфильев, И.А. — исследователь 25, 32, 41, 112
- Подэкраг, А.Г. — исследователь 9, 11, 23, 25, 29, 56
- Попов, А.А. — исследователь 13, 111
- Попов, А.А. — купец 38
- Прокофьев, Г.Н. — исследователь 13–18, 20–22, 97, 98, 100, 124, 135
- Прокофьева, Е.Д. — исследователь 6, 10, 18, 19, 23, 124, 133
- Пудана, Вгонга — ненец, Таймыр 140
- Пырерка, А.П. (Пыря) — исследователь 10, 13–16, 18, 22, 23, 57, 63, 64, 95–98, 100, 118
- Радецкая, К. — исследователь 4, 23
- Рассохин, Е.В. — краевед 4, 23, 101
- Рахманин, Г.В. — исследователь 11, 56
- Савельев, А.С. — исследователь 28
- Салиндер, Анна — ненка, Ненецкий округ 152
- Сирагуза, Л. (Siragusa) — исследователь 23
- Смирнова, З.Н. — исследователь 41
- Степанова, О.Б. — исследователь 21
- Талеев, А.С. — ненец 144
- Талеев, Е.И. — ненец 145
- Талеев, Ф.В. — ненец 144
- Талеева, В.А. — исследователь 13
- Терещенко, Н.М. — исследователь 14, 17, 18, 94, 98,
- Федоров, Г.Д. — фотограф 113
- Фицхью, В. (Fitzhugh) — исследователь 22
- Фишер, И.Э. — историк 22
- Хатанзеев — ненец, Большеземельская тундра 137
- Хатанзейский Н.В. — ненец 144
- Хенетин, И.П. — ненец 144
- Хозяинов — оленевод 147, 148
- Хомич, Л.В. — исследователь 10, 11, 13, 18, 20–23, 118, 155, 159
- Чернецов, В.Н. — исследователь 22, 158
- Чубынин, Д.М. — селекционер 139
- Шренк, Л.И. — путешественник и исследователь 21

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аган, река 132
Архангельский Север 156
Байдарацкая губа 106
Большеземельская тундра 15, 21, 63, 99, 107, 113, 119, 129, 135, 137, 140, 163
Бутрино, становище 26, 31, 54
Бутринская лапта 27
Вайгач, остров 40, 123, 130, 131
Вангурей, возвышенность 131
Вануйта, река 110
Вануйто, фактория 132
Вашуткинские озера 131
Вельт, река 131
Вижас, река 131
Волонга, река 131
Вятка, река 58, 100
Гольчиха, река 121, 123, 132
Гыданский, полуостров 132
Гыдаямский (Гыданский) залив 106
Гыдаянская (Гыданская) тундра 107
Европейский Север 29
Енисей, река 99, 107, 111, 116, 122, 123, 132
Енисейский залив 106
Еселава, фактория 132
им. И.П. Выучейского, колхоз 138, 141, 144
им. Кирова, колхоз 138, 140, 144, 145
им. Ленина, колхоз 144
им. Чапаева, колхоз 138, 144, 152
Индига, река 131
Каменный мыс 131
Канин, полуостров 64, 121
Канино-Тиманский район 140, 144, 157
Канинская тундра 28, 64, 107, 159
Кара 131
Караул, село 122, 132
Кожим, река 131
Койдочет 131
Колва, река 131
Колгуев, остров 11, 23, 25–47, 49, 51–56, 108, 112, 116
Колгуевская тундра 41
Кореговка, поселок, база оседлости 139, 141
Кортаиха, река 131
Крайний Север 5, 11, 14, 33, 34, 41, 51, 136, 137, 142, 156
Кулой, река 131
Кутопьюган 110
Лая, река 131
Ледково, поселок 141
Лемва, река 131
Ловозерский колхоз 147
Лямин, река 132
Малая Хета, река 132
Малоземельская тундра 21, 107, 129, 136, 141, 152
Малыгина, пролив 131
Мезенский залив 131
Мезенский лес 110
Мезень, река 107, 131
Мессо, река 132
Мессояха, река 132
Надым, река 132
Надымский лес 131
Напалково, фактория 132
Нарьян Ты, колхоз 139–141, 143, 144
Нарьян-Мар, город 23, 101, 138, 144
Нарьян-Марский район 157
Нельмин Нос, поселок 141, 142
Ненецкий округ 11, 23, 136, 138, 140, 141, 143, 149, 151–153, 157
Нёя То, озеро 131
Нижне-Печорский район 140, 157
Новая Гвинея 9
Новая Жизнь, колхоз 141
Новая Земля, остров 11, 56, 123
Новая Сила, колхоз 141
Новый порт 131
Ныда, поселок 116, 139, 152
Обская губа 106, 132
Обь, река 102, 107, 110, 116, 118, 123, 127, 131
Ома, река 131

- Омск 139
 Песчанка, река 131
 Пеша, река 131
 Пинегга, река 131
 Пнок, оленеводческий совхоз 136, 138
 Полоха, колхоз 152
 Полуй, река 131
 Полуйские леса 131
 Приенисейские тундры 108
 Пур, река 102, 107, 110, 111, 118, 129, 132, 171, 172
 Раменка, губа 26
 Россия 5, 8, 29, 39
 Саянское нагорье 155
 Саяны 155
 Север 4, 8, 9, 13, 22, 25, 64, 136, 154, 156
 Северная Двина, река 107, 131
 Северо-Восточная Азия 158
 Сёяха, река 131
 Сибирь 18, 19, 21, 133
 Снопа, река 131
 Советский Север 57
 Солёный, река 107
 СССР, Советский Союз 25, 29, 39, 55, 136, 142, 154
 Сула, река 131
 Таз, река 98, 107, 116, 122, 132
 Тазовская губа 132
 Тазовский район 149
 Таймырский округ 12, 121, 123, 136, 140, 141, 152
 Танама, река 132
 Тантапаюта, река 132
 Тиман 64
 Тиманская тундра 28, 39, 64
 Тиманский кряж 131
 Топседа, сопка 152
 Тындапаютагяха, река 132
 Тюмень, город 5, 23, 139
 Уса, река 131
 Усса, река 124
 Усть-Цильма 11
 Хабаровово, пос. 124
 Хадысты, река 131
 Харп, колхоз 139, 141, 143, 144, 148
 Хета, река
 Холгол (Holgow) 25
 Хоседа-Хард 11, 19
 Чердынь, река 107
 Чёшская губа 131
 Шапкина, река 131
 Эдей Сехеры, колхоз 144
 Югорский Шар, пролив 33, 130, 131, 135
 Ямал, полуостров 5, 12, 14, 21, 64, 99, 116, 132, 136, 139, 152
 Ямало-Ненецкий округ 13, 139, 149, 157
 Ямальская тундра 107
 Ямальский округ 136, 137, 140, 141, 152
 Ямальский район 140, 149, 157
 Яней, возвышенность 131
 Яра Саля 131
 Яра, река 132
 Ярёдейский лес 131
 Яро-то, озеро 131
 Яхада-яха, река 131
 Яхады, река 131

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований РАН
- ИНС — Институт народов Севера
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
- НРС — Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РНС — Пырерка А.П., Терещенко Н.М. Русско-ненецкий словарь. М.: ОГИЗ, 1948. 408 с.
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР
- ЛИЛИ — Ленинградский историко-лингвистический институт

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ефим Резван. Преодоление себя и обстоятельств</i>	5
<i>Efim Rezvan. Overcoming yourself and the circumstances</i>	5

<i>Дэвид Дж. Андерсон. Предисловие</i>	8
<i>David G. Anderson. Preface</i>	8

Д.В. Арзютов, М.Д. Люблинская **ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ**

Алексей Григорьевич Подэкрат	11
Григорий Давыдович Вербов.....	11
Антон Петрович Пырерка	13
Екатерина Дмитриевна Прокофьева	18
Людмила Васильевна Хомич	20
Структура издания	23
Благодарности.....	23

А.Г. Подэкрат

ОЛЕНЕВОДСТВО ОСТРОВА КОЛГУЕВ

I. Географический очерк	25
II. Население Колгуева	27
III. Оленеводство острова Колгуева до Октябрьской революции	34
IV. Природные условия и кормовая база для оленеводства	40
V. Распределение оленного поголовья по социальным группам населения	43
VI. Перспективы развития оленеводства на острове Колгуева.....	51
Отзыв о рукописи аспиранта Подэкрата А.Г. «Оленеводство остр[ова] Колгуева».....	56

А.П. Пырерка

МАТЕРИАЛЫ ПО НЕНЕЦКОЙ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

[Предисловие]	57
Название оленей.....	67
Названия оленей по полу.....	67
Названия по возрасту	67
Названия оленей по виду рогов	68
Названия оленей по телосложению.....	69
Названия частей тела [оленя]	70

Название оленей по мастям.....	75
Названия по кастрации	76
Названия по стельности.....	76
Названия свойств и качеств.....	77
Названия ездовых оленей	78
Термины размножения	79
Названия болезней оленя	79
Термины перекочек.....	79
Термины дрессировки оленей.....	80
Термины кастрирования	81
Термины поимки оленей	81
Термины перегонок стада	82
Термины видов почвы.....	83
Термины, связанные с пастбищем	83
Термины насекомых и паразитов.....	84
Термины пастуха и его вещей.....	84
Названия, некоторые клички и окрики гончих собак.....	85
Термины оленней сбруи	86
а) Название сбруи 5-ти упряжной нарты.....	86
б) Сбруя для возовых нарт.....	88
Названия нарт и частей их	88
а) Виды нарт.....	88
б) Название частей нарты	89
Названия меток собственности	94
Некоторые термины из области социальных отношений	94
Рецензия на «Материалы по ненецкой оленоводческой терминологии» А.П. Пырерка.....	95

Г.Д. Вербов

ОЛЕНЕВОДСТВО У НЕНЦЕВ

[Предисловие]	101
[Рабочий возраст оленя]	102
[Питание оленя]	102
[Классификация оленей по полу, возрасту и масти].....	102
[Рога]	104
[Клички]	105
[Оленья шкура].....	105
[Приручение]	105
[Транспортное оленеводство].....	106
[Перекочки и размер стада].....	106

[Выпас].....	107
[Собаки]	108
[Пастьба и объединение стад]	109
[Волки]	110
[Комары].....	110
[Беспокойные олени].....	111
[Приемы при отеле, кастрации и лечении]	111
[Обучение и лечение оленей]	112
[Клеймение оленей]	114
[Убой оленей]	116
[Аркан].....	117
[Нарты]	118
[Ездовое собаководство]	123
[Изготовление нарт и упряжи]	125
[Караванная езда].....	128
[«Дороги»]	129
[Ориентировка]	130
[Маршруты перекочевок]	131

Е.Д. Прокофьева

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ОЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА НЕНЦЕВ**

[До Октябрьской революции].....	133
[Коллективизация]	136
[Военное и послевоенное время]	141

Л.В. Хомич

ОЛЕНЬИ НАРТЫ И УПРЯЖЬ У НЕНЦЕВ

[Введение]	155
Легковые нарты	160
Грузовые нарты	162
Упряжь для легкой нарты	164
Упряжь для грузовой нарты	167
Отбор оленей для упряжек и способ запрягания	168
[Заключение]	171
Библиография	173
Именной указатель	176
Географический указатель.....	178
Список сокращений	180

Научное издание

**НЕНЕЦКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО:
география, этнография, лингвистика**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *М.А. Ильина*
Корректор *Л.Г. Амбросенко*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 27.07.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 14.
Тираж 150 экз.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3